

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 2(5). Декабрь, 2015

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 2. 2015.

ИСТОРИЯ

- Бьёрн И. **Пограничная провинция: основные черты развития Северной Карелии после Второй Мировой войны (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)** 4 - 16

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Смирнова А. А. **Проблемы применения концепции «либерального мира» в российских исследованиях** 17 - 33

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Рожнева С. С. **Национальная идея в программах политических партий: федеральный и региональный уровень (на материалах Республики Карелия)** 34 - 42

ЭКОНОМИКА

- Ругачева А. В., Верешко С. С. **Проблемы в экономике республики карелия: влияние кризиса или закономерный результат** 43 - 54
- Кадникова Т. Г. **Целевые программы как инструмент государственных инвестиций в жилищное строительство (на примере Республики Карелия)** 55 - 64

Рецензии

- Цумарова Е. Ю. **Рецензия на кн.: Тарасенко А. В. Некоммерческий сектор в странах ЕС и России в контексте трансформации государства благосостояния (Санкт-Петербург : норма, 2015)** 65 - 67
- Савенко Е. И. **Рецензия на кн.: Till bröders hjälp. med sikte på en svensk solidarisk strategi, hugemark, bo (red.) kungl krigsvetenskapsakademien, stockholm, 2011. 299 s. («На помощь братьям. к шведской стратегии солидарности» под ред. бу хугемарка).** 68 - 72

Хроника научных мероприятий

- Варакса А. Н. **О конференции «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения» в русском географическом обществе Санкт-Петербурга** 73 - 75

УДК 94 (480)

Пограничная провинция: основные черты развития Северной Карелии после Второй Мировой войны (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

БЬЁРН
Исмо

*доктор философии,
старший исследователь,
факультет социальных наук и изучения бизнеса,
Карельский институт,
университет Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
доцент университета Восточной Финляндии и
университета Турку (история Финляндии),
Йоэнсуу, Финляндия, ismo.bjorn@uef.fi*

Ключевые слова:

история
граница
приграничные территории
(финская) Северная Карелия
Россия
отток сельского населения
экономическое развитие
миграция
туризм

Аннотация:

История провинции Северная Карелия с окончания Второй мировой войны до настоящего времени определяется ее расположением на границе с Советским Союзом, с 1992 г. — с Россией. Основные тенденции экономического развития Северной Карелии в этот период соответствуют аналогичным процессам в соседних регионах Финляндии, а также в странах Западной Европы. Путь, по которому шло социально-экономическое развитие Северной Карелии, однако, был более извилистым, а изменения более резкими, чем в других регионах страны.

Динамичный рост населения после войны в 1940-х—1950-х гг. сменился еще более быстрым оттоком населения. Массовый отток сельского населения в 1960-х и 1970-х гг. нанес очень сильный удар по Северной Карелии, но в то же время в Йоэнсуу и других городах увеличилась численность и плотность постоянного населения. Значимым явлением стал выход женщин на рынок труда.

В 1970-х гг. Северная Карелия пережила быструю индустриализацию, результатом которой стало изменение производственной структуры экономики региона. Сельское и лесное хозяйство по-прежнему занимают сильные позиции, но появились и другие отрасли: швейная и пищевая промышленность, металлургия. Как и повсюду в Финляндии наивысший рост наблюдался в социальной сфере и здравоохранении. Но в Северной Карелии новые возможности для трудоустройства были более важны, чем для любой другой провинции Финляндии. Количество рабочих мест в сфере услуг увеличивалось здесь быстрее, чем в среднем по стране, что означало, в частности, больше рабочих мест для женщин. Эти изменения в значительной степени были результатом политики развития регионов, проводившейся правительством страны, а также сферы образования, а в более широком контексте — социального государства, особенно в социальной сфере и здравоохранении.

Промышленный рост прекратился в 1980-х гг., сменившись в начале 1990-х резким экономическим спадом, который нанес особенно сильный удар по лесной промышленности и строительству. Рост новых отраслей начался в середине 1990-х гг., и доля промышленной рабочей силы увеличилась до докризисного уровня. В это же время открылась прежде закрытая восточная граница между Финляндией и Россией, что радикально изменило политико-экономическую ситуацию в Северной Карелию. В новых условиях далекая окраина оказалась в центре финско-российского сотрудничества, став частью зоны сотрудничества между Европейским союзом и Россией. Выросло количество пересечений границы, вслед за этим стала развиваться трансграничная торговля, появились совместные предприятия, сотрудничество стало развиваться во многих сферах. Для Северной Карелии новая ситуация означает большее количество российских туристов и больше жителей. Следует также отметить значимый феномен трансграничных браков русских женщин и финских мужчин.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

История провинции Северная Карелия со окончания Второй мировой войны до сегодняшнего дня во многом определяется ее приграничным положением, сначала с СССР, а с 1992 г. — с Российской Федерацией. Прежде восточная граница Северной Карелии была финляндско-советской, теперь она является финляндско-российской, но одновременно и границей между Европейским союзом и Россией. После окончания Второй мировой войны восточная граница провинции была частью границы Холодной войны, тщательно охранявшейся военной границей, пересекавшей всю Европу и приоткрывавшейся в немногих местах лишь для грузового движения. Беспрепятственное перемещение людей через границу было невозможно, ее пересекали лишь товары, преимущественно необработанная древесина.

Контакты на границе были возможны лишь в нескольких пунктах пересечения границы, постоянных и временных, предназначенных для межгосударственного товарообмена. Можно сказать, что граница была закрыта и она вызывала чувство опасности и враждебности [3; 318], [17; 65—66], [18; 39—49].

Разрядка международной напряженности, а затем распад СССР и рождение новой России сделали возможным открытие границ для перемещения и общения людей. В то же время Финляндия вступила в Европейский союз и финляндско-российская государственная граница изменила свой характер. Граница и пограничная политика теперь не являются проблемой лишь двусторонних отношений; речь идет о более широком контексте, поскольку восточная граница Северной Карелии является частью внешней границы Евросоюза. Практические аспекты взаимодействия на границе Северной Карелии являются частью двусторонней пограничной политики ЕС и РФ. Отношения между Евросоюзом и Россией оказывают влияние на восточную границу Финляндии. Политическая обстановка в мире неизбежно воздействует на ситуацию в Северной Карелии. Хорошие отношения между пограничными властями двух стран в пунктах пропуска Ниирала и Вяртсиля, быстрое прохождение пограничных формальностей могут усложниться в случае получения сверху неожиданных указаний. Рассчитанные на постоянный рост торгового оборота с Россией и приток туристов инвестиции в сфере торговли и туризма в провинции могут подвергнуться опасности, если нынешние сложности в отношениях России и Евросоюза будут продолжаться. Значение торговли с Россией и клиенты из этой страны очень важны для экономики Северной Карелии [22], [23].

Пограничная губерния

Северная Карелия находилась и находится на границе в практическом смысле и метафорически. Провинция занимает пограничное положение относительно востока и юга, где она граничит с промышленно развитыми регионами Финляндии. Граница была значимым фактором с момента создания этой административной единицы. Выделение из губернии Куопио и создание новой губернии,

Северной Карелии, в 1940-х гг. обосновывалось приграничной спецификой этого региона. Представление о Северной Карелии как отдельной территории сформировалось уже в конце XIX в., и впоследствии стало популярным в результате свободной гражданской деятельности. Еще до создания губернии приставка «Северная Карелия» было частью названий десятков обществ и объединений: стоит упомянуть, например, «Сельскохозяйственное общество Северной Карелии», «Лесохозяйственное объединение Северной Карелии», и даже «Лыжное общество Северной Карелии». На территории будущей губернии ее название использовалось и предприятиями, например, «Типографией Северной Карелии». Газеты «Карьялайнен», «Похьйойс-Карьяла» и «Карьялан Маа» пропагандировали представление о необходимости создания своей губернии. Северо-карельская идентичность сформировалась в силу специфики этой территории, в соответствии с ее особой исторической судьбой, она создавалась не только печатной прессой, но и школой, и ее развивали местные организации [10; 26].

Официальное предложение создать губернию Северная Карелия было сделано в 1944 г., затем в 1948 г. Логика территориально-административного деления в Финляндии основывалась на экономических зонах и поэтому у этой инициативы были хорошие шансы на успех. Новая административная единица должна была способствовать развитию предпринимательства, внушать уверенность в будущем и, прежде всего, создавать новые рабочие места в государственном секторе. В конце концов губерния стала отсчитывать срок своего существования с 1960 г. [21; 72—73], [33; 11], [11; 29—34]. Северная Карелия представляла собой специфическую экономическую зону, хотя ее самая южная коммуна Кесялахти входила в экономическую зону Савонлинны. Планировалось включить в Северную Карелию также коммуна Хейнявеси, но правительство губернии Миккели выступило против ее передачи новой губернии. Значение изменений границ губерний и переход отдельных коммун из одной в другую в конечном счете было весьма небольшим. Перешедшие в состав Саво бывшие территории Северной Карелии быстро привыкли к новому положению, а их жители стали ощущать себя савосцами. Едва ли кто-нибудь по-прежнему считает северо-карельскими коммуна Раутаваара, которая ранее была частью Нурмеса или коммуна Каави, входившую в Липери. Даже границу диалектов уже невозможно определить. С другой стороны, границу между Саво и Хяме раньше было легко заметить, поскольку, по выражению академика М. Кууси, она разделяла территории с развитой смеховой культурой и с ее отсутствием. Проведение границы между Карелией и Саво по признаку народной культуры было и остается более сложной задачей. И в Северной Карелии, и в Саво местные жители сознательно искажают то, что они говорят, «высказываются не из-за той березы», рассчитывая, тем не менее, что собеседник все же поймет рассказчика правильно. К делам не относятся слишком серьезно, и не дают прямых ответов...

Экономическая окраина

Вторая мировая война ухудшила перспективы экономического развития Восточной Карелии. Из-за уступки территории СССР старые пути, которые вели из Северной Карелии на восток, были закрыты, транспортные пути в южном направлении перестали функционировать. За новой границей осталась часть бывшей экономической и культурной территории Северной Карелии. Изменение границы и прерывание транспортных путей в южном направлении оказали сильное психологическое воздействие как на экономику, так и на людей. Северная Карелия стала превращаться в производителя сырья для нужд промышленности других регионов Финляндии [14]. Здесь не появлялись крупные предприятия, за исключением нескольких государственных (рудник в Оутокумпу, лесозаводы). Экономико-географические представления, в соответствии с которыми развитие экономики Северной Карелии находилось в зависимости от водных путей и естественных водостоков, по-прежнему сохраняли актуальность, закрепляя представление об этой территории, как о глубинке с обширными водными пространствами и далекой окраине. То, что Выборг остался за новой границей полностью изменило центр тяжести Финляндии, поскольку теперь ее восточная часть осталась без сильного центра. Порожденный войной страх перед СССР заставлял обращать взоры на запад. Близость закрытой и тщательно охраняемой государственной границы долгое время воспринимавшейся как нечто опасное и враждебное, вызывающее чувство угрозы, повернуло потоки инвестиций на запад, который стал быстро развиваться. Все это негативно повлияло на развитие восточной Финляндии. Медеплавильный завод АО Оутокумпу был вывезен из приграничной Иматры в Харьявалта, в западную часть страны, еще во время войны [31; 96].

На ситуацию в Северной Карелии сильно повлияло и прерывание транспортных путей в южном направлении. Карельская железная дорога, один из основных элементов железнодорожной сети Финляндии, из-за уступки территории была перерезана в Вяртсиля, что означало потерю самого короткого пути в морские порты страны. До войны заготовленная древесина доставлялась по железной дороге на лесозаводы и целлюлозно-бумажные комбинаты, находившиеся в долине р. Вуокса и в других частях Карельского перешейка. По Сайминской водной системе прямо из морских портов ввозилась продукция для сельского хозяйства, прежде всего минеральные удобрения. Утрата территорий и водных путей увеличила протяженность транспортных маршрутов, перенаправив потоки грузов на железные дороги и узловые станции, не готовые к перевозке таких больших объемов. Все импортно-экспортные грузы стали перевозиться по Савоской железной дороге и до этого работавшей с перегрузкой. К счастью для жителей Северной Карелии, участок железной дороги Вииниярви — Варкаус, соединивший Карельскую и Савоскую железные дороги, был построен непосредственно в начале зимней войны, в декабре 1839 г.

В экономико-географическом отношении Северная Карелия стала более отдаленной, и, глядя из центральной части страны, представляла собой далекую окраину. Расстояние от Йюэнсуу до ближайшего внешнеторгового порта было длиннее, чем из любого другого губернского центра. Чутким барометром, определяющим уровень благосостояния жителей Северной Карелии была цена на древесину. Губерния превратилась в производителя сырья-поставщика древесины на лесоперерабатывающие предприятия южной Финляндии. Активные закупки древесного сырья проводятся только в восходящей фазе экономического цикла, почти полностью прекращаясь в нисходящей фазе. Большая часть населения получала доходы на лесозаготовках, транспортировке древесины или ее переработке. Если сбыт древесины сокращается, цена на нее падает, что влечет за собой ликвидацию рабочих мест в этой отрасли [7], [2].

Строительство заменившей Савоскую более короткой железной дороги, участка Париккала — Онкамо протяженностью 93 км, идущего вдоль новой государственной границы, было завершено в 1966 г. Новая железная дорога связала прямым удобным маршрутом Йюэнсуу с портами Финского залива и Хельсинки. Путь по железной дороге из Йюэнсуу до промышленных предприятий в долине р. Вуокса, Иматре, Йоутсено и Лаппеенранта, сократился на 150 км, до район Кюменлааксо — почти на 200 км [35; 127—128, 307]. Аренда Сайминского канала у СССР дала возможность использовать водный маршрут, ведущий к морскому побережью Финского залива. Внутренняя дорожная сеть Северной Карелии была редкой, а на периферии слишком слабой для движения тяжелых грузовых машин. Значительный прогресс в дорожном строительстве был достигнут лишь 1950-х гг. Дорожные условия в провинции основательно улучшились лишь в 1956—1974 гг. Государственные и другие дороги с твердым покрытием были реконструированы, не считая шоссейных дорог, идущих из Нурмеса в Иисалми и Кухмо [32; 237]. К строительству дороги «Карелия» приступили в октябре 1955 г., и в ноябре 1959 г., через четыре года после начала строительства, ввели в строй участок Иматра — Йюэнсуу [11; 56—59]. Дороги с твердым покрытием связали Йюэнсуу с Лиекса, затем с Иломантси и с Нурмесом через Юука, с Охтаансалми на западной границе губернии; из Нурмеса дорога была доведена до Лиекса. Позднее сеть дорог с твердым покрытием стали строить к северу от Нурмеса.

Десятилетия демографического роста и большой миграции

В экономическом развитии Северной Карелии с 1940-х гг. до нашего времени выделяется несколько отчетливо отличающихся друг от друга этапов. В период войны (1939—1945) на первом плане было продовольственное снабжение и потребности армии. После заключения мира начался продолжавшийся почти 15 лет этап, отмеченный масштабным жилищным строительством и восстановлением экономики (1946—1960). В этот период не было значительных изменений в структуре производства и экономике в целом, но провинция пережила мощный демографический подъем. Следующий этап (1961—1975) был отмечен сильным оттоком населения, результатом которого стало значительное сокращение его численности. С другой стороны, в это время началась масштабная индустриализация Северной Карелии. В 1976—1990 гг. в результате применения законодательства о региональном развитии и других форм государственной поддержки в губернии получила развитие промышленность и появились растущие городские центры. С началом экономической депрессии в первой половине 1990-х гг. развитие прекратилось и численность населения провинции вновь стала сокращаться. Северная Карелия пережила экономическую депрессию (1991—1995), за которым так и не последовал мощный экономический подъем как в 1980-х гг.

Этап послевоенного восстановления и выплата репараций Советскому Союзу возродили национальную экономику, оказав решающее воздействие на развитие финского общества. Приток населения в Северную Карелию придал ее экономике импульс развития, в котором она нуждалась, увеличились численность населения и площадь возделываемых земель. В свою очередь, это придало уверенность в том, что развитием будут охвачены все сферы производственной деятельности.

Северная Карелия играла важную роль в приеме населения, прибывшего после войны с территорий, переданных СССР. Здесь же получали земельные наделы безземельные ветераны войны, поскольку крупные земельные участки в провинции принадлежали государству и корпорациям, и посредством чрезвычайного законодательства земли у них изымались под участки для строительства жилья. Лесная промышленность, лесозаготовки и транспортировка древесины круглогодично обеспечивали рабочие места таким образом, что и небольшие земельные участки могли обеспечить потребности семьи. Принудительный выкуп земель, необходимых для жилищного строительства, у частных землевладельцев и добровольные продажи были еще одной альтернативой для создания новых ферм [1; 114—115], [34; 64—65], [17].

На этапе восстановления экономики в провинции была построена базовая инфраструктура: пути сообщения, линии электропередач, промышленные предприятия. Первая и крупнейшая ГЭС Памило была сооружена в 1955 г. на р. Койтаёки, затем были построены еще три гидроэлектростанции: Калтимо на р. Пиелисьёки, Пунтарикоски на р. Хёютяйнен и Лиексанкоски на р. Лиексаньёки. Последней была введена в строй ГЭС Куурна на р. Пиелисьёки.

До конца 1950-х гг. сельская местность в Северной Карелии процветала: строились дороги и школы для многочисленных послевоенных поколений. Экономика Северной Карелии в основном опиралась на сельское хозяйство и лесное хозяйство. Многие мелкие землевладельцы работали на лесозаготовках и вывозке древесины, поскольку в этой отрасли постоянно были рабочие места. В период восстановления экономики крупномасштабные вырубki в государственных и корпоративных лесах увеличивали потребность в рабочей силе в «лесозаготовительной Финляндии» [25], [26], [9], [2].

Численность населения в сельской местности в Северной Карелии начала сокращаться с 1955 г., и темпы сокращения были выше, чем в любом сельском регионе Финляндии¹. Рост численности населения Северной Карелии остановился одновременно с прекращением существования модели экономического развития, опиравшейся на использование на лесных работах ручного труда и конной вывозки леса. К этому же времени многочисленные послевоенные поколения начали достигать трудоспособного возраста.

Распад традиционного сельского уклада жизни в основном приходится на 1960-е и начало 1970-х гг. Механизация сельского и лесного хозяйства, сельскохозяйственное перепроизводство, проблемы с рентабельностью небольших ферм и безработица создали в сельской местности проблему излишнего населения, от которой Северная Карелия страдала в начале XX в. Проблема была решена масштабным оттоком населения в южную Финляндию и Швецию. Из-за миграции численность населения Северной Карелии в 1960—1975 гг. сократилась почти на 30 тыс. человек, или на 14%. В 1964 г. численность населения провинции упала ниже 200 тыс., в 1970 г. — ниже 190 тыс., и всего лишь через три года — ниже 180 тыс. человек. За этот период численность населения сокращалась в среднем на 2230 человек в год. Наибольшая убыль населения приходится на 1970 г. — 5171 человек, хотя столь большая цифра частично объясняется устранением статистических ошибок, накопившихся с начала 1960-х гг., что было сделано в 1970 г. [13].

Резкое сокращение численности населения провинции не говорит нам всей правды о демографических процессах, так как одновременно с запуском сельской местности происходил рост численности городов и территориальных конурбаций, сглаживавший убыль сельского населения. Из деревень люди переезжали в крупные населенные пункты и конурбации. С наибольшей скоростью сельское население поглощал Йёнсуу, административный центр Северной Карелии. Самые индустриализованные коммуны губернии также теряли население, но заметно медленнее, чем сельскохозяйственные коммуны. В 1960-х гг. население Йёнсуу увеличилось почти на 28 %. Город рос гораздо быстрее, чем в среднем финские города. Численность населения конурбаций в 1960-х гг.

увеличилась почти на 10%, в редконаселенной местности, напротив, сократилась на 21,5 % [6; 21, 270]. Обобщая можно сказать, что убыль населения в Северной Карелии в 1960-х г. в основном пришлось на редконаселенную местность, кроме того, внутренняя миграция была направлена из редконаселенных территорий провинции в ее же конурбации. Тем не менее, в сравнении с оттоком населения из Северной Карелии внутренняя миграция была сравнительно невелика.

Убыль сельского населения в сельскохозяйственных коммунах Северной Карелии в 1960-х гг., составившая почти 1/5 часть, была настолько велика, что в этом случае можно говорить о демографическом коллапсе. Наиболее сильный удар пришелся на северную и восточную части губернии. Наибольшую убыль населения, больше 20%, испытали коммуны Иломантси, Кииктелюсваара, Нурмес, Пиелисьярви, Тохмаярви, Тууповаара, Валtimo и Вяртсиля. Негативное экономическое, социальное, общественное и культурное воздействие демографического коллапса на сельскую местность и образ жизни в Северной Карелии было, возможно, глубже, чем любого из предыдущих потрясений.

Ситуация стабилизировалась во второй половине 1970-х гг. Шок прошел, миграция уменьшилась, экономика в сельской местности стала более диверсифицированной, сельскому хозяйству оказывалась поддержка с целью увеличения рентабельности. Фундамент экономики Северной Карелии стал прочнее и разнообразнее. В 1970-х гг. росла промышленность, создававшая все больше рабочих мест, в том числе для жителей провинции. Сильный рост наблюдался и в сфере услуг. В конце 1990-х гг. сфера услуг стала крупнейшим работодателем. Создание системы услуг в рамках североевропейской модели социального государства обеспечило развитие губернии. Основными бенефициарами новой экономической модели стали занятые в сфере услуг женщины. Рост сектора услуг стал одним из самых значимых феноменов в послевоенной Финляндии. Это явление существенным образом связано с урбанизацией, но сектор услуг и особенно публичные услуги получили развитие и в сельской местности Северной Карелии, что означало рост административных центров коммун. В 1950 г. в секторе услуг было занято 14 тыс., в 1990 г. — почти 42 тыс. человек. После этого экономическая депрессия сократила рабочие места как в публичном, так и в частном секторе услуг. Численность занятых в этой сфере к началу XXI в. так и не достигла предкризисного уровня [13].

Сразу после завершения экономического спада 1990-х гг. миграция в Северной Карелии вновь стала расти. Конец 1990-х гг. был отмечен «вторым бегством из сельской местности», хотя убыль населения была и невелика в сравнении показателями масштабного оттока 1960-х — 1970-х гг. Во второй половине 1990-х гг. население Северной Карелии ежегодно уменьшалось в среднем на 1220 человек. Причинами убыли населения в 1980-х — 1990-х гг. были общее уменьшение численности населения, внедрение технических новшеств в сельском хозяйстве, хотя этот процесс в социальном отношении не был драматичным. Наибольшая убыль населения пришлось на 1998 г. — 1515 человек. Свой вклад в новое сокращение населения, пережитое Северной Карелией, внес договор о вступлении в Евросоюз, породивший неуверенность в будущем сельского хозяйства. Значение сельского хозяйства как работодателя, впрочем, сильно снизилось, и не оказывало заметного негативного влияния на демографическую ситуацию в губернии. В 2000 г. в Северной Карелии лишь десятая часть рабочей силы была занята в сельском и лесном хозяйстве.

Начиная с 1970-х гг. в провинции сформировались многопрофильные промышленность и сектор услуг, важнейшим производственным фактором для которых является образованная рабочая сила. После войны образование сначала развивалось в рамках традиционной школьной модели, и значительная часть т.н. многочисленных поколений вынуждена была влиться в ряды рабочей силы после окончания народной школы. В начале 1970-х гг. была создана основная школа (девять лет обучения), в Йозенсуу был построен университет и проведена реформа среднего профессионального образования по многим направлениям подготовки. В губернии появилось большое количество профессиональных училищ, готовивших специалистов для всей страны, хотя власти стремились направлять закончивших обучение специалистов на предприятия и в организации Северной Карелии. Наряду с образовательной системой государство и муниципалитеты сформировали масштабную систему здравоохранения и социальных услуг, что имело двойной смысл. Во-первых, эти сферы стали крупными работодателями Северной Карелии и обеспечивали доходы, а во-вторых, они обучают и обеспечивают воспроизводство рабочей силы, в которой нуждаются другие отрасли экономики [20].

Медвежий край — притягательная сила культуры далекой окраины

Закрытая государственная граница закрепила представление о Северной Карелии как о медвежьем угле, самой далекой окраине страны, повернувшейся спиной к СССР и советской Карелии и игравшей роль пасынка в отношениях с другими регионами Финляндии. В то же время было и понимание того, что в этом краю сохранилось нечто, давно исчезнувшее в других местах. В создании северо-карельской идентичности решающую роль играли природа, мнимая и настоящая бедность, а также исход сельского населения в города и статус развивающейся территории.

Географическая удаленность и особенности местной природы были отражены в представлении о Северной Карелии как о медвежьем крае, в котором живут люди с неиспорченными нравами, сохранились хищные животные, в том числе волки, и дикая природа, в которой можно жить без городского шума. К сожалению в реальной жизни волков в Северной Карелии часто незаконно убивают, среда их обитания разрушается, но в качестве логотипа это слово высоко ценится. На эмблемах спортивных обществ содержатся отсылки к таежному характеру местности и, особенно, к наличию в ней волков. Волк является эмблемой бейсбольной команды «Китеен Палло». Перед матчем с бейсбольной командой из Хельсинки «Кайсанниемен Тиикерит» на игровое поле вынесли чучело волка [8; 90—91]. В бейсбольной команде «Сусираян Майла» (SurMa) играют девушки из Йознсуу, Вииниярви и Китее. Союз спортивных журналистов «Сусирая» (Волчья граница) также объединяется на основе местного патриотизма. Северо-карельская идентичность строится не только на идее периферийности, но и сознательно создается на основе карельских традиций. В течение десятилетий в северо-карельской культуре воспроизводится тема расселения в этом краю ветеранов войны и расселения беженцев-карелов. Местные писатели в своих произведениях повествуют о мелких землевладельцах, жизни лесных рабочих и изменениях в сельской местности. Центральными темами являются отрыв корней и покидание родных мест. Художники охотно рисуют местные ландшафты, в музыке звучат мелодии свободы и тоски.

В своей маркетинговой политике Северная Карелия сознательно эксплуатирует тему своей двойственности. Обращаясь к представителям делового мира, край позиционирует себя в качестве эксперта в различных сферах бизнеса, сила которого заключается в наличии университета, других учебных заведений и большом количестве компаний в области информационных технологий. В то же время, провинция может обращаться в структурные фонды Европейского Союза и, указывая на свою отсталость и редкое население, сложные природно-климатические условия и периферийное положение, пытаться получить средства из фондов регионального развития. Бедность и компетентность хорошо умещаются в одну корзину если вы хотите показать, что деньги, вложенные в здесь, не будут потрачены впустую.

Провинция одновременно находится и в центре и на границе. Телекоммуникационные сети и пути сообщения говорят о статусе посредника Северной Карелии в отношениях Россией. Пункт пересечения границы в Ниирала играет важную роль. Несмотря на интенсивную эксплуатацию природных ресурсов, таких как лес и руда, в рекламе могут использоваться образы, свидетельствующие о свободной и нетронутой природе края, ее большой территории. Провинция рекламируется как одновременно мультикультурная и северо-карельская, молодая и старая. Специфической особенностью этого края является присущая ему естественная адаптивность. У Северной Карелии есть потенциал на многих направлениях, способность принимать любые формы, умение без страха обновляться в соответствии с текущими трендами, будь то пластик, дерево, биоэкономика или добыча полезных ископаемых.

Важная роль торговли с Россией

Вступление Финляндии в Европейский Союз означало для Северной Карелии изменение ее административного и политического положения. Вступление в Евросоюз определило основные характеристики планировавшейся еще до этого административной реформы, которую рекламировали как способную обеспечить развитие, но на практике означавшую закат старых губерний и постепенное перемещение власти в крупные центры. Уже в начале 1990-х гг. была инициирована дискуссия о создании большой территориально-административной единицы путем объединения губерний Саво и Карелия. В 1997 г. губернии Северная Карелия, Куопио и Миккели, несмотря на сильное сопротивление населения, были объединены в рамках губернии Восточная Финляндия, административным центром

которой стал г. Миккели. В ходе реформы создавалось большое число новых рабочих мест и центров экономического развития. В административном отношении Северная Карелия стала провинцией. Ответственность за территориальное развитие и планирование была передана от губернии провинциальному совету, решавшему теперь новые задачи. Губернией Северная Карелия успела побыть неполные 50 лет [12; 162—167].

Йоэнсуу потерял свои позиции в качестве регионального центра государственного управления, но одновременно изменился и характер города. Он стал центром оказания услуг, сюда в дополнение к государственным органам переехало несколько крупных компаний. В настоящее время еще трудно оценить последствия реформы социальной сферы и здравоохранения, но дискуссия о роли Центральной больницы Северной Карелии уже началась. Неизбежным образом решения, касающиеся здравоохранения, все чаще начинают принимать в Куопио. Являются ли недавно выделенные новые округа социального и медицинского обслуживания только началом, и за ними последуют другие сферы, или в них будут действовать на прежней провинциальной основе, пока не известно. Поставленные большие цели ведут не только к укрупнению коммун, но и более широким административным реформам.

Открытие границы с Россией в начале 1990-х гг. означало для Северной Карелии открытие новых возможностей, одновременно бросая ей вызовы. Новая ситуация означала, что сюда начнут прибывать туристы, клиенты, новые жители и деньги, но одновременно придется искать решения для борьбы с предрассудками и национальными стереотипами. Отдельную проблему представляло собой различие в уровне жизни в Финляндии и России. Кроме товаров открывавшуюся границу невидимым образом пересекали культурное влияние и идеи. Для среднего северо-карельского жителя изменения заключались в прибытии русских.

В Северной Карелии возможности, связанные с открытием границы и Россией, реализовывались неторопливо. В планах, разработанных ассоциацией регионального планирования Северной Карелии в 1992 г., Россия занимает лишь 4 место как экономический партнер. Более важными партнерами тогда считались Швеция, Норвегия и Германия. В документах Ниирала как пункт пропуска через границу упоминается лишь мимоходом. Еще и в начале 2000-х гг. магазины имели возможность выбирать клиентов, и в некоторых из них к русским относились даже с подозрением. Все быстро изменилось, когда было замечено, что клиенты из России имеют деньги для покупок. В магазинах появилась реклама и в них стали предлагать обслуживание на русском языке.

Предполагалось, что количество туристов из России вырастет в конце 1990-х гг. Эта оценка оказалась правильной, но темпы и масштабы превзошли все сценарии. В известном смысле реакция властей все время запаздывала. В начале 2000-х гг. особое внимание уделялось туристам из Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Предположение, что в Северную Карелию оттуда массово поедут туристы оказалось ошибочным, основной поток направлялся сюда из Республики Карелия. В декабре 2010 г. границу в Ниирала пересек первый миллион человек, а всего через два года уже 1,5 млн. человек. Этот пункт пропуска стал в Финляндии четвертым по количеству пересечений границы. Трафик через границу увеличился, и к счастью, в настоящее время удалось избавиться от многочасовых очередей начала 2000-х гг. [29; 2—7].

Жители Северной Карелии научились бывать «на границе». Во время поездки в Россию за бензином, продолжающейся несколько часов обычно покупаются табачные изделия и спиртные напитки. Больше всего финнов в России привлекает дешевое топливо (т.н. «бензотуристы»). Обычно такая поездка с целью заправить бак топливом и купить блок сигарет в Вяртсиля длится один—два часа. Три из четырех финнов посещают только Вяртсиля. В основном финны ездят заправлять свои автомобили в одиночку, русские же приезжают в магазины «вместе». Согласно исследованиям, в Северной Финляндии русских туристов кроме шоппинга интересуют услуги и посещение аквацентров. Поездки русских туристов в Финляндию в среднем более продолжительные, чем поездки финнов в Россию, и они тратят больше денег, чем финские туристы. Важными причинами для поездок туристов из России являются также встречи с друзьями и родственниками.

Безналоговая торговля (taxfree) стала важным конкурентным фактором для бизнеса Северной

Карелии. В 2012 г. провинция показала сокращение экономики на 1,2%, за исключением туризма, который продолжил уверенно расти (3,1%). Особенно быстро увеличивалась число туристов из России, для нужд которых стали выделяться ресурсы провинции, предназначенные для развития [23; 4]. В 2012 г. объем торговли в системе Tax-free вырос до 13 млн. евро. В эту систему включены 150 магазинов по всей Северной Карелии, но более 90% покупок осуществляется в Йозэнсуу, прежде всего в нескольких больших торговых центрах. Таким образом, торговая зона Йозэнсуу распространилась за границу двумя способами. Город оказывает торговые услуги и переносит торговлю на территорию России. Летом 2013 г. представители различных торговых фирм совершили ознакомительную поездку в Петрозаводск, посетив здесь магазины с целью определить, какие товары находятся в дефиците. Эта деятельность является частью более масштабного проекта расширения рыночной территории Северной Карелии и увеличения потребления русскими туристами. Для них была разработана специальная карта постоянного покупателя, позволяющая делать покупки со скидкой в магазинах Йозэнсуу и на прилегающей к городу территории. В 1960-х — 1970-х гг. жители Северной Карелии перебирались в поиске лучшей доли и работы в Швецию. Со своей стороны, начиная с 1990-х гг. русские стали прибывать на постоянное место жительства в Северную Карелию. Среди них абсолютно преобладают женщины. Коммуна Тохмаярви превратилась в самую русскую коммуны Финляндии, учитывая данные о количестве ее жителей, для которых русский язык является родным.

Прежде враждебная граница стала повседневностью. Живущие рядом с ней люди научились с пользой для себя использовать ресурсы двух стран. В кармане у них и физически и метафорически два кошелька, с валютами двух государств. Для трансграничной повседневности характерны рутинность и мобильность. К ней прилагаются необходимые компетенции: знание языка, сетевых отношений, изменений курса валют и расписания работ различных учреждений, говоря кратко, знание границы [4], [5], [24]. Восточная граница Финляндии стала напоминать ее западную границу со Швецией. В долине река Торниоёки есть старая традиция поиска супругов по другую сторону границы [27].

Граница и близость с Россией стали опорой Северной Карелии. Для привлечения русских туристов используются ресурсы провинции, предназначенные для ее развития. Целью является повышение доходов от туризма до 100 млн. евро в 2020 г. [29; 7]. Наряду с официальными программами работают системы самих граждан. Представители малого бизнеса, туроператоры и круг знакомых решает вопросы, связанные с пересечением границы. Из Сортавалы, Петрозаводска и других частей российской Карелии до Йозэнсуу можно добраться на микроавтобусах и частных автомобилях. В местных газетах публикуется реклама поездок за покупками в Йозэнсуу, например, в «Призму», один из крупнейших торговых центров Финляндии. Сведения о магазинах получают от знакомых, и т.н. «сарафанное радио» является важнейшим маркетинговым каналом. Если в прежние времена информация быстро распространялась из уст в уста, то и сегодня она еще быстрее распространяется посредством социальных сетей. Интернет является важнейшим источников информации.

Хотя граница во многом отношениях исчезла, по-прежнему есть связанные с ней неопределенности, которые сильно зависят от отношений между Европейским Союзом и Россией. Возможное введение безвизового режима, очевидно, будет частью более широкого политического решения.

В заключение

История провинции Северная Карелия с окончания Второй мировой войны 2000-х гг. в основном соответствует процессам, развивавшимся в соседних регионах Финляндии, а также в Западной Европе. Путь, по которому шло социально-экономическое развитие Северной Карелии, однако, был более извилистым, а изменения более резкими, чем в других регионах страны. За динамичным ростом населения после войны последовал еще более быстрый отток. Массовый отток сельского населения нанес исключительно сильный удар по Северной Карелии, но в то же время в Йозэнсуу и конурбациях увеличилась численность и плотность постоянного населения. Значимым явлением стал выход женщин на рынок труда. В 1970-х гг. Северная Карелия пережила быструю индустриализацию, результатом которой стало изменение производственной структуры экономики провинции. Жившая прежде за счет продажи сырья, Северная Карелия стала получать доходы от промышленности и сферы услуг, хотя сельское и лесное хозяйство по-прежнему занимают сильные позиции. Увеличение числа рабочих мест в промышленности было более масштабным, чем в любой другой провинции Финляндии. Количество

рабочих мест в сфере услуг увеличивалось здесь быстрее, чем в среднем по стране, что означало, в частности, больше рабочих мест для женщин. Эти изменения в значительной степени были результатом политики развития регионов, проводившейся правительством страны, а также развития сферы образования, а в более широком контексте — социального государства, особенно в социальной сфере и здравоохранении. Промышленный рост прекратился в 1980-х гг., сменившись в начале 1990-х резким экономическим спадом, который нанес особенно сильный удар по лесной промышленности и строительству. Промышленный рост возобновился в середине 1990-х гг., и доля промышленной рабочей силы увеличилась до докризисного уровня. Открытие прежде закрытой восточной границы изменило политико-экономическую ситуацию в Северной Карелии. Далекая окраинная территория стала частью зоны сотрудничества между Европейским союзом и Россией. По мере роста трансграничного трафика увеличилось количество предприятий и расширилась торговая зона. В 2013 г. численность населения Северной Карелии была такой же как 1939 г. Люди, впрочем, полностью изменились. Увеличилась доля людей старшего поколения. Вырос общий уровень образования. Старение населения означает рост спроса на услуги и новые вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Asutushallinto 1917—1967. Helsinki 1967. 148 s.
2. Björn I. Kaikki irti metsästä. Metsän käyttö ja muutos taigan reunalla itäisimmässä Suomessa erätaloudesta vuoteen 2000. *Bibliotheca Historica* 49. Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1999. 268 s.
3. Cronberg T. Border-crossings. The Co-construction of National Security and Regional Development. Eskelinen H. Liikanen I. &
4. Oksa J. Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Ashgate. Aldershot, 1999. P. 317—328.
5. Davydova O. Suomalaisena, venäläisenä ja kolmantena. Etnisyysdiskurseja transnationaalissa tilassa. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 57. Joensuu. 2009. 146 s.
6. Davydova O., Pöllänen P. Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective // Virkkunen J. Uimonen P., Davydova O. (eds.) *Ethnosexual Processes. Realitiens, Sterotypes and Narratives*. Kikumora Publications. Aleksanteri Series 6/2012. P. 7—25.
7. Elsinen P. Joensuun historia, osa VI, vuodet 1954–1980. Joensuun kaupunki. Joensuu. 1998. 271 s.
8. Eskelinen J., Niiranen K. Itä-Suomen talouskehityksen pitkä linja ja nykyiset ongelmat. *Kansantaloudellinen Aikakauskirja* (2003) 99:3. S. 43—58.
9. Itkonen H., Kortelainen J. Rantakentältä maailmalle. Kiteen pesäpallo, lajikkulttuuri ja yhteiskunta. Liikuntatieteellisen seuran julkaisu nro 146. Helsinki. 99 s.
10. Kantanen K. Kylä metsässä — metsä kylässä. *Metsätalous ja pohjoiskarjalainen syrjäkylä Naarva*. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja 78. Joensuu. 1986. 117 s.
11. Katajala K. & Juvonen J. Mikä oli ja mikä on maakunta // Katajala K., Juvonen J. (toim.). *Maakunnan synty. Pohjois-Karjalan historia 1809—1939*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 1089. Helsinki. 2006. S. 13—27.
12. Kinnunen E. Elinkeinoelämän ja maakunnan puolesta. Pohjois-Karjalan kauppakamari 1954—2004. Joensuu. 2004. 131 s.
13. Kinnunen E. Omalle maakunnalle, yhteiselle hyvälle. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto 1936—2006. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto. Joensuu. 2006. 218 s.
14. Kinnunen E. Väestö ja elinkeinorakenne // Ismo Björn (toim.). *Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939—2014*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s.
15. Kirkinen H. Kehitysalue-kehitysmää. *Laulu kotimaisesta kolonialismista*. Omega. Kirjayhtymä. Tampere. 1972. 111 s.
16. Kysely venäläisille matkailijoille Niiralassa 2011. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 153. 2012. 20 s.
17. Laine J. Border Paradox: Striking a Balance between Access and Control in Asymmetrical Border Settings. *Eurasia Border Studies* 2012/3. P. 51—79.
18. Laitinen E. Vuoden 1945 maanhankintalain synty, sisältö ja toteutus // Laitinen E. (toim.) *Rintamalta raiviolle. Sodanjälkeinen asutustoiminta 50 vuotta*. Atena Kustannus Oy. Jyväskylä. 1995. S. 52—138.
19. Laurén K. Fear in Border Narratives: Perspectives of the Finnish-Russian Border. *Borders and Life-Stories*. *Folklore* Vol. 52 (2012). P. 39—62.
20. Mustonen J. Sukupolvesta toiseen // Katajala K. & Juvonen J. (toim.) *Maakunnan synty. Pohjois-Karjalan historia 1809—1939*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 1089. Helsinki. 2006. S. 27—60.
21. Nevala A. Koulutuksesta kouluttautumiseen? // Björn I. (toim.) *Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939—2014*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s.
22. Paasi A. Neljä maakuntaa. Maantieteellinen tutkimus aluetietoisuuden kehittymisestä. Joensuun

- yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja. N:o 8. Joensuu. 1986. 345 s.
23. Pohjois-Karjalan matkailustrategia 2007—2013. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 108. 2007. 20 s.
 24. Pohjois-Karjalan Trendit. Talouskatsaus 1. Toukokuu 2013. 16 s.
 25. Pöllänen, P. Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Väestön tutkimuslaitoksen julkaisusarja D 57. Väestöliitto. Helsinki. 2013. 222 s.
 26. Rannikko P. Metsätalous ja kylä. Suurmetsätalouden vaikutus maaseudun asutusrakenteeseen 1900-luvulla. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja 81. Joensuu. 1987. 85 s.
 27. Rannikko P. Metsätyö-pienviljelijäkylä. Tutkimus erään yhdyskuntatyyppin noususta ja tuhosta. Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja 12. Joensuu. 1989. 114 s.
 28. Ruotsala H. Kaksi kukkaroa ja kaksi kelloa. Ylipaikkaisuutta ja monipaikkaisuutta Tornion-Haaparannan kaksoiskaupungissa. *Sanajalka* 53 (2011). P. 196—217.
 29. Saloheimo V. Kaskesta karjaan. Satakuusikymmentä vuotta pohjoiskarjalaista maataloutta. Pohjois-Karjalan maanviljelysseura. Joensuu. 1973. 279 s.
 30. Saukkonen P. Arvioita Venäjä-yhteistyön työllistävästä vaikutuksista ja venäläistaustaisen henkilön käytöstä Pohjois-Karjalassa. *Käsikirjoitus. Spatia*. 2011. 14 s.
 31. Säkenöivä toivonkipinä. Pohjois-Karjalan matkailun nousu vuoteen 2006. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 73. 2006. 24 s.
 32. Särkikoski T. Tiedon liekki. Kuinka Outokumpu loi keksinnön ja teki siitä kulttuurin. *Suomen Tekniikan Historia* Julkaisuja nro 1. Helsinki. 1999. 304 s.
 33. Turunen M. Tienraivausta Pohjois-Karjalassa 1550—1990. *Tiemuseon julkaisuja* 14. Gummerus. Jyväskylä. 1996. 320 s.
 34. Virtamo P. Puoli vuosisataa maakunnallista yhteistyötä. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto ry. 1936—1985. Pohjois-Karjalan Maakuntaliiton julkaisuja n:o 55. Joensuu. 1986. 144 s.
 35. Väisänen P. O. Maan hankkiminen ja asuttaminen // Naskila M. (toim.) *Rakentamisen aika. Asutus ja maanhankinta. Maanhankintalain 40-vuotisjuhla* julkaisu. Helsinki. 1984. S. 55—68.
 36. Zetterberg S. Yhteisellä matkalla. VR 150 vuotta. Helsinki: WSOY, 2012. 543 s.

REFERENCES

1. Asutushallinto 1917—1967. Helsinki 1967. 148 s.
2. Björn I. Kaikki irti metsästä. Metsän käyttö ja muutos taigan reunalla itäisimmässä Suomessa erätaloudesta vuoteen 2000. *Bibliotheca Historica* 49. Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1999. 268 s.
3. Cronberg T. Border-crossings. The Co-construction of National Security and Regional Development. Eskelinen H. Liikanen I. & Oksa J. *Curtains of Iron and Gold. Reconstructing Borders and Scales of Interaction*. Ashgate. Aldershot, 1999. P. 317—328.
4. Davydova O. Suomalaisena, venäläisenä ja kolmantena. *Etnisyysdiskursseja transnationaalissa tilassa*. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 57. Joensuu. 2009. 146 s.
5. Davydova O., Pöllänen P. Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective // Virkkunen J. Uimonen P., Davydova O. (eds.) *Ethnosexual Processes. Realities, Stereotypes and Narratives*. Kikumora Publications. Aleksanteri Series 6/2012. P. 7—25.
6. Elsinen P. Joensuun historia, osa VI, vuodet 1954—1980. Joensuun kaupunki. Joensuu. 1998. 271 s.
7. Eskelinen J., Niiranen K. Itä-Suomen talouskehityksen pitkä linja ja nykyiset ongelmat. *Kansantaloudellinen Aikakauskirja* (2003) 99:3. S. 43—58.
8. Itkonen H., Kortelainen J. Rantakentältä maailmalle. Kiteen pesäpallo, lajikulttuuri ja yhteiskunta. *Liikuntatieteellisen seuran julkaisu* nro 146. Helsinki. 99 s.
9. Kantanen K. Kylä metsässä — metsä kylässä. *Metsätalous ja pohjoiskarjalainen syrjäkylä Naarva*. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja 78. Joensuu. 1986. 117 s.
10. Katajala K. & Juvonen J. Mikä oli ja mikä on maakunta // Katajala K., Juvonen J. (toim.). *Maakunnan synty. Pohjois-Karjalan historia 1809—1939*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 1089. Helsinki. 2006. S. 13—27.
11. Kinnunen E. Elinkeinoelämän ja maakunnan puolesta. Pohjois-Karjalan kauppakamari 1954—2004. Joensuu. 2004. 131 s.
12. Kinnunen E. Omalle maakunnalle, yhteiselle hyvälle. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto 1936—2006. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto. Joensuu. 2006. 218 s.
13. Kinnunen E. Väestö ja elinkeinorakenne // Ismo Björn (toim.). *Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939—2014*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s.
14. Kirkinen H. Kehitysalue-kehitysmää. *Laulu kotimaisesta kolonialismista*. Omega. Kirjayhtymä. Tampere. 1972. 111 s.
15. Kysely venäläisille matkailijoille Niiralassa 2011. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 153. 2012. 20 s.
16. Laine J. Border Paradox: Striking a Balance between Access and Control in Asymmetrical Border Settings. *Eurasia Border Studies* 2012/3. P. 51—79.

17. Laitinen E. Vuoden 1945 maanhankintalain synty, sisältö ja toteutus // Laitinen E. (toim.) Rintamalta raivolle. Sodanjälkeinen asutustoiminta 50 vuotta. Atena Kustannus Oy. Jyväskylä. 1995. S. 52—138.
18. Laurén K. Fear in Border Narratives: Perspectives of the Finnish-Russian Border. *Borders and Life-Stories*. Folklore Vol. 52 (2012). P. 39—62.
19. Mustonen J. Sukupolvesta toiseen // Katajala K. & Juvonen J. (toim.) Maakunnan synty. Pohjois-Karjalan historia 1809—1939. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 1089. Helsinki. 2006. S. 27—60.
20. Nevala A. Koulutuksesta kouluttautumiseen? // Björn I. (toim.) Rajan maakunta. Pohjois-Karjalan historia 1939—2014. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2014. 458 s.
21. Paasi A. Neljä maakuntaa. Maantieteellinen tutkimus aluetietoisuuden kehittymisestä. Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja. N:o 8. Joensuu. 1986. 345 s.
22. Pohjois-Karjalan matkailustrategia 2007—2013. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 108. 2007. 20 s.
23. Pohjois-Karjalan Trendit. Talouskatsaus 1. Toukokuu 2013. 16 s.
24. Pöllänen, P. Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva. Väestön tutkimuslaitoksen julkaisusarja D 57. Väestöliitto. Helsinki. 2013. 222 s.
25. Rannikko P. Metsätalous ja kylä. Suurmetsätalouden vaikutus maaseudun asutusrakenteeseen 1900-luvulla. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja 81. Joensuu. 1987. 85 s.
26. Rannikko P. Metsätyö-pienviljelijäkylä. Tutkimus erään yhdyskuntatyyppin noususta ja tuhosta. Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja 12. Joensuu. 1989. 114 s.
27. Ruotsala H. Kaksi kukkaroa ja kaksi kelloa. Ylipaikkaisuutta ja monipaikkaisuutta Tornion-Haaparannan kaksoiskaupungissa. *Sanajalka* 53 (2011). P. 196—217.
28. Saloheimo V. Kaskesta karjaan. Satakuusikymmentä vuotta pohjoiskarjalaista maataloutta. Pohjois-Karjalan maanviljelysseura. Joensuu. 1973. 279 s.
29. Saukkonen P. Arvioita Venäjä-yhteistyön työllistävästä vaikutuksista ja venäläistaustaisen henkilön käytöstä Pohjois-Karjalassa. Käsikirjoitus. *Spatia*. 2011. 14 s.
30. Säkenöivä toivonkipinä. Pohjois-Karjalan matkailun nousu vuoteen 2006. Pohjois-Karjalan liitto. Julkaisu 73. 2006. 24 s.
31. Särkikoski T. Tiedon liekki. Kuinka Outokumpu loi keksinnön ja teki siitä kulttuurin. *Suomen Tekniikan Historia* Julkaisuja nro 1. Helsinki. 1999. 304 s.
32. Turunen M. Tienraivausta Pohjois-Karjalassa 1550—1990. Tiemuseon julkaisuja 14. Gummerus. Jyväskylä. 1996. 320 s.
33. Virtamo P. Puoli vuosisataa maakunnallista yhteistyötä. Pohjois-Karjalan maakuntaliitto ry. 1936—1985. Pohjois-Karjalan Maakuntaliiton julkaisuja n:o 55. Joensuu. 1986. 144 s.
34. Väisänen P. O. Maan hankkiminen ja asuttaminen // Naskila M. (toim.) Rakentamisen aika. Asutus ja maanhankinta. Maanhankintalain 40-vuotisjuhlajulkaisu. Helsinki. 1984. S. 55—68.
35. Zetterberg S. Yhteisellä matkalla. VR 150 vuotta. Helsinki: WSOY, 2012. 543 s.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Население Северной Карелии достигло наивысшей численности уже в 1954 г. Из числа аграрных коммун провинции в 1949 г. численность населения достигла пика в Китее, Кесялахти, Нурмесе, Пиелисъярви, Полвиярви, и Рьяккюля; в 1952 г. в Юука, в 1953 в Липери, в 1954 г. в Киикхтелюсваара и Пюхселькя, в 1955 г. в Тохмаярви, в 1956 г. в Валtimo, в 1957 г. в Иломантси, в 1958 г. в Эно и Куусъярви (Оутокумпу) и в 1959 г. в Конттиолахти

Border province: the main features of the development of North Karelia after World War II

**BJÖRN
Ismo**

*Doctor of Philosophy (history) PhD,
Senior Researcher University of Eastern Finland (Joensuu
Campus) Faculty of Social Sciences and Business
Studies, Karelian Institute
Docent (Adjunct Professor) University Of Eastern Finland
and University of Turku (Finnish history),
Joensuu, Finland, ismo.bjorn@uef.fi*

Keywords:

history
border
borderland
(Finnish) North Karelia
Russia
rural exodus
economic development
migration
tourism

Summary:

The history of Province of North Karelia from the Second World War to this day is characterized by a neighborhood with the Soviet Union, and Russia since 1992. The economic development of North Karelia has been in the line with the same trends in the neighboring regions of Finland and also the wider Western European developments. But in North Karelia, the socio-economic development has, however, been more angular and changes abrupt. Rapid population growth after the war in the 1940s and in the 1950s was followed even by faster outward migration. In the 1960s and the 1970s rural exodus shook the North Karelia rural areas exceptionally strong. At the same time Joensuu and other urban areas increased their resident population. Women came to the labor market. The industrialization of North Karelia was strong in the 1970s and the industrial structure of region changed. Agriculture and forestry were still in a strong position, but there was more other industrial production too, including clothing industry, food manufacturing industry and metal industry. Particularly, the largest growth was in social and health sector as everywhere in Finland.

But in North Karelia new possibilities for work were more important than in any other county in Finland. Service jobs grew even faster here and it meant more jobs for women, in particular. The changes were based partly on Finland's area development policy, partly on the expansion of education and, also, more broadly on the welfare state, especially in the social and health development.

The development of the industry came to a halt in the 1980s, followed by a steep decline in the early 1990s. Economic depression hit heavily especially forest industry and construction. The economic recovery began in the mid-1990s and the share of the industrial labor force rose to the same level as what it had been before the depression. By this time closed eastern border between Finland and Russia was opening which totally changed the North Karelia's overall economic situation.

From now on, previously peripheral North Karelia is in the middle of the Finnish-Russian cooperation area and part of the EU-Russia cooperation zone too. Border crossings and trans-border trade were increasing, joint enterprises and cooperation established. For North Karelia, it means more Russian tourists and residents. Especially many Russian women got married across the border.

УДК 327

Проблемы применения концепции «либерального мира» в российских исследованиях

СМИРНОВА
Александра
Александровна

*преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

Ключевые слова:

исследования проблем мира
мирные исследования
паксология
иренология
Россия
либеральный мир
Оливер Ричмонд
Йохан Галтунг
российские подходы к миру

Аннотация:

Статья посвящена перспективам применения концепции «либерального мира» для анализа особенностей российского подхода к проблемам мира. Для этого в статье описывается краткая история развития исследований проблем мира и особенности подхода современных ученых к этой проблематике. Важность исследования объясняет сильное влияние европоцентризма и властных отношений на определение понятия «мир», а также методов его достижения. Обращение к проблематике «либерального мира» продиктовано востребованностью данной концепции в рамках критических мирных исследований. В работе используется предложенная О. Ричмондом концепция «либерального мира», составными элементами которого являются «мир победителя», «конституционный мир», «институциональный мир» и «гражданский мир». В статье предпринимается попытка применить эту концепцию для анализа российских политических явлений, а также рассматриваются сложности и перспективы поиска альтернативного русского подхода к проблемам мира.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Исследования проблем мира

Нестабильность современного миропорядка заставляет задуматься не только о ценности мира, но и снова задаться вопросом «что такое мир?». В современном общественном дискурсе под «миром» зачастую подразумевается некий недостижимый идеал отсутствия насилия в международных отношениях и внутри государств. Представители школы мирных исследований склонны рассматривать «мир» не как статичный факт или идеал, а как процесс и политику акторов, с помощью которой можно оказывать влияние и даже управлять другими акторами. Поэтому «мир», его определение и реализация становятся важной исследовательской повесткой дня, а изучение проблем мира являются актуальными в наше время.

При этом необходимо отметить, что направления «peace research» или «peace studies»¹ не имеют общепринятого перевода на русский язык. Ситуацию усложняет и то, что слово «мир» в нашем языке имеет несколько значений, включая мир как «совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве», «население земного шара», а также мир как «согласие, отсутствие вражды, ссоры,

войны» [19; 358]. В российской научной литературе «peace studies» наиболее часто переводится как «исследования проблем мира»² или «мирные исследования»³. К сожалению, оба варианта перевода не решают проблему многозначной трактовки термина.⁴ Другой термин, «иренология» (от греч. Eirēne — мир), который также использовался для обозначения мирных исследований, казалось бы, должен был решить эту проблему. Однако он не получил широкого распространения, несмотря на его использование некоторыми исследователями [17]. А. И. Умнова замечает, что значение слова «иренология» известно только узким специалистам, в то время как исследуемый предмет является широким и с трудом идентифицируемым. Для решения этой проблемы исследовательница предлагает использовать слово «мирология», которое бы сразу ассоциировалось с наукой о мире. [35; 9]. Однако термин «мирология» у многих может ассоциироваться с христианской трактовкой этого термина. Ещё одним «не прижившимся» названием дисциплины стал термин «паксология» (от лат. Pax — мир и греч. logos — слово, учение), использующийся в советских [8] и современных [5] работах.

В данной статье используются два наиболее распространенных варианта перевода «peace studies» как «исследования проблем мира» или «мирные исследования», при этом они являются взаимозаменяемыми.

Сторонники мирных исследований [50], [44] отмечают, что человечество развивало теоретические и практические подходы к миру в течение длительного времени. Тем не менее, в большинстве стран этим достижениям не уделяется достаточное внимание в силу доминирования концепций «жесткой» безопасности, военного противостояния и роли великих личностей в истории. Мир рассматривается как временное явление, своеобразное исключение из правил.

Интересную аналогию проводит Йохан Галтунг, основатель международного Института исследований проблем мира в Осло, сравнивая мир со здоровьем человека. Так, построение мира за счет ликвидации насилия, как и лечение болезней, нацелено на уменьшение страданий человека. Существуют общеизвестные правила для поддержания здоровья: «негативные» — лечение заболеваний и предупреждение инфекций и «позитивные» — ведение здорового образа жизни, укрепление иммунитета. Однако, как замечает ученый, аналогичные правила по установлению и сохранению мира не популяризируются. Весьма распространенную практику убийства «злых» врагов и спасения исключительно соотечественников Галтунг сравнивает с кровопусканием — старым, опасным и неэффективным методом. В качестве решения этой проблемы Й. Галтунг предлагает обучение правилам «гигиены конфликта», которые входят в его теорию мира [44; 22—25]. Данная аналогия зачастую использовалась и другими исследователями [55] для объяснения приоритета мира над политикой.

Идея мира играла первостепенную роль и в появлении такой дисциплины как «теория международных отношений». Именно идеализм стал первой теорией, в рамках которой предполагалось найти способы реформирования международной системы для предотвращения войн и построения мира. Первой кафедрой, изучающей международные отношения, стала Кафедра международных отношений им. В. Вильсона, открытая в 1919 г. в г. Аберистуит (Уэльс).

Существуют разные точки зрения по поводу времени зарождения мирных исследований. Большинство ученых склонны полагать, что мирные исследования возникли в 1950-х гг. С самого начала дисциплина характеризовалась многодисциплинарностью и стремлением к комплексному анализу проблем войн, конфликтов, насилия и мира. Большая часть первопроходцев (Й. Галтунг, К. Боулдинг, Э. Боулдинг и др.) имела отношение к антивоенному активизму — движению против ядерного оружия, поддержке «отказников» от военной службы, протесту против военных действий. Еще одной важной характеристикой являлось признание ценности мира и ненасилия. Для того чтобы дистанцироваться от идеалистов первой половины XX в., исследователи проблем мира основывали свои работы на позитивистской методологии, соединении теории и конфликтологической практики, количественных исследованиях и моделировании.

Интересно, что американские и европейские направления еще на раннем этапе демонстрировали различный подход к исследованиям: в США большее развитие получил системный анализ конфликтов, войн и гонки вооружений, в то время как в Европе, благодаря более благоприятному политическому контексту исследователи могли сконцентрироваться на изучении «мира» и преодолении конфликтов. Самым влиятельным представителем европейской школы мирных исследований является Йохан Галтунг, автор таких существенных понятий, как «негативный мир» и «позитивный мир», «структурное насилие», «культура мира» и «культура насилия». Й. Галтунг является сторонником преодоления (transcend) конфликтов ненасильственными методами, в частности, посредством диалога.

В течение всей холодной войны исследовательская повестка дня включала проблемы разоружения и контроля над вооружениями, разрешения конфликтов и ядерные стратегии государств.

В 1970-х гг. мирные исследователи направили свои усилия на изучение взаимодействия стран Севера и Юга, проблем глобального неравенства и социальной справедливости. Окончание холодной войны совпало с внедрением новых, постпозитивистских методологий и расширением трактовки понятий мира и безопасности. Исследователи мира смогли изучать проблемы гендерных и этнических отношений, деятельность негосударственных акторов, вопросы продовольственного обеспечения и конфликты на мировом Юге ([42; 64–69], [46]).

Редакторы Журнала исследований проблем мира (*Journal of Peace Research*) в 2014 г. отметили, что на сегодняшний день востребованными темами мирных исследований остаются споры о «либеральном мире» (*liberal peace*), который был основан на концепции «демократического мира». Актуальность сохраняют изучение стоимости вооруженных конфликтов, анализ войны и ее связь с территорией, этничностью, идеологией и природными ресурсами. Набирают популярность исследования терроризма, прав человека, ненасилия и окружающей среды. Редакторы также отмечают постепенный отказ от этатизма в анализе мира и конфликтов, что позволяет аналитикам уделять большее внимание внутригосударственным конфликтам и более детально изучать вовлеченные стороны [43].

На сегодняшний день перед мирными исследованиями стоит ряд трудностей: сохраняющаяся сложность изучаемого предмета (мира, насилия, культуры мира), зависимость исследований от центров финансирования и различные сложности развития данной дисциплины за пределами западных стран.

Согласно П. Лоулеру, одной из важнейших проблем мирных исследований является идентичность данной дисциплины. Так, из-за своей многодисциплинарной направленности, которая была свойственна этому направлению с самого начала, мирные исследования не всегда было легко отличить от таких дисциплин как социология, антропология, постколониальные исследования и исследования в сфере безопасности. На современном этапе эпистемология и методология во многом совпадают с критической теорией международных отношений и критическими исследованиями безопасности. Можно согласиться с П. Лоулером в том, что мирные исследования отличаются от остальных течений изучением идей пацифизма и ненасилия, а также активным продвижением идей «негативного» и «позитивного» мира. [46]

История российской школы мирных исследований (ШМИ) обстоятельно освещается в монографии А. А. Сергунина «Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности». Исследователь утверждает, что «даже в самые тяжелые годы «холодной войны» зарубежная ШМИ была именно тем неформальным каналом, по которому шли контакты и обмен идеями между политическими и академическими элитами Востока и Запада» [31; 43]. Однако вплоть до окончания холодной войны советские исследования имели мало общего с работами зарубежных коллег, так как вопросы мира изучались в контексте марксизма-ленинизма. После окончания холодной войны исследователи смогли применять зарубежные подходы для анализа международных и этно-конфессиональных конфликтов, миротворческих операций, а также был написан ряд работ с целью популяризации ключевых концепций мирных исследований [31; 42–45].

Пожалуй, наиболее значимой работой стал труд международного коллектива «Долгий путь российского пацифизма» [7], в котором предпринималась попытка рассмотреть российскую историю через призму мира и пацифистских движений. На сегодняшний день проблемы миротворчества и пацифизма изучаются преимущественно историками [18], [7] и философами [11], [5]. В рамках теории международных отношений можно найти работы, посвященные известной концепции «демократического мира» [37], которая является одним из элементов «либерального мира». Насколько известно автору, концепция «либерального мира» никогда не применялась в российской литературе для изучения российских политических явлений.

Любопытно, что в советский период предпринимались попытки критического осмысления западных концепций мира. Так, В. И. Мальков в своей диссертации, посвященной критике буржуазных концепций мира, писал: «...известно, что идеи, овладев массами, превращаются в материальную силу. Буржуазная «наука о мире» [...] поставляет общественному сознанию подобные идеи» [15; 13]. При этом ученый писал о необходимости идеологической борьбы «против ложных идей и теорий мира», связывая эту борьбу с вопросами безопасности. Безусловно, «ложными» признавались идеи, противоречащие ленинскому учению о мире и войне [15; 16–30].

В отличие от приведенной выше диссертации, данная статья направлена не на противопоставление российского взгляда на мир зарубежному, а на поиск сходств и особенностей российского подхода к этому вопросу.

Концепция «либерального мира»

Поскольку роль «либерального мира» в мировой политике является одной из самых востребованных тем в современных мирных исследованиях, интересна возможность применения данной концепции для изучения российской политики и истории. Наиболее глубокий анализ либерального мира осуществляется в рамках критических мирных исследований.

На первый взгляд, проблематика «либерального мира» выглядит следующим образом. Представления о «либеральном мире» сформировались благодаря философии эпохи Просвещения, развитию рационализма и индивидуализма. Немаловажными являются и вера в прогресс, свободный рынок, права человека и активное гражданское общество. В современном контексте «либеральный мир» ассоциируется с сочетанием демократии, свободного рынка, процветания, веберовского государства и международного права. Основной целью «либерального мира» провозглашается предотвращение насилия. Представления о «либеральном мире» легли в основу международного права и деятельности международных организаций (Лига Наций, ООН, Совет Европы и др.), которые определяют архитектуру гармоничных международных отношений. В качестве примера успешности концепции «либерального мира» часто приводятся мирные отношения стран Европейского союза. Данное видение мира превалирует в научной литературе и общественном дискурсе, а основные идеи «либерального мира» провозглашаются «западными» игроками⁵, благодаря их лидирующему положению в системе международных отношений.

Представитель критических мирных исследований Оливер Ричмонд добавляет, что наряду с вышеупомянутыми ценностями «либеральный мир» включает в себя идеи интервенций, принуждения, а также консенсуса основных «западных» игроков. Сторонники критических мирных исследований фокусируют внимание не только на материальной гегемонии развитых стран (интервенция, эксплуатация, оказание выборочной военной помощи), но и на гегемонии в сфере идей и дискурсов [53]. Теоретики утверждают, что ведущие западные акторы обладают превосходством в определении того, каким должен быть истинный мир, какие действия и акторы являются легитимными, кто является жертвой конфликта, какие понятия следует использовать для характеристики ситуации и т.д. [54].

Ключевыми западными акторами, влияющими на коллективное определение «либерального мира», считаются сильные либеральные государства, государства-доноры, либерально-настроенные международные организации и НПО. При этом исследователи признают, что эти акторы не одинаковы и могут иметь разные представления о правильной политике и мире, однако схожие ценности и видение угроз позволяет акторам действовать на основе консенсуса. Для описания этого нюанса М. Расмуссен предложил применить концепцию философа Джона Сёрла о коллективной интенциональности [48; 10]. Возможность внедрения «либерального мира» за пределами западных стран остаётся одним из дискуссионных вопросов.

Изучая идеи и структуру «либерального мира», О. Ричмонд определил его четыре основных составляющие, это: «мир победителя», «конституциональный мир», «институциональный мир» и «гражданский мир». Ричмонд отмечает, что данное деление может привлечь исследователей международных отношений к анализу современной формы мира.

«Мир победителя» (victor's peace) является самой древней моделью мышления о мире. Он основывается на реалистской трактовке мира как следствия военной победы. Победитель использует своё превосходство для принуждения к миру и поддержания статуса-кво. Слабостью «мира победителя» является его относительная нестабильность из-за прямой связи с могуществом государства-победителя. В этом контексте существует возможность возникновения недовольства гегемонией и, как следствие, могут происходить восстания и теракты. Негативной чертой «мира победителя» является игнорирование проблемы структурного насилия. Ричмонд замечает, что современное политическое мышление по-прежнему во многом основывается на логике «мира победителя».

«Конституционный мир» (constitutional peace) подразумевает установление правил и норм для международной системы и функционирования государств. В контексте либерального мира конституционный элемент предполагает создание норм, устанавливающих демократический строй, правила свободной торговли и продвижение идеи космополитизма и прав человека. Ричмонд связывает конституционный мир с развитием идей эпохи Просвещения о структуре международных отношений (проектов «вечного мира») и поиске баланса интересов между акторами. В современном контексте «конституционный мир» предполагает обязательную связь между рыночными демократиями и наличием мира, что вызывает предвзятость исследователей и политиков по отношению к мирным процессам в недемократических или некапиталистических государствах.

Институциональный мир (*institutional peace*) связан с учреждением международных институтов и организаций, а также деятельностью государств-доноров по сохранению мира и порядка в системе международных отношений. Идеи институционального мира, как и конституционного, связаны с ценностями эпохи Просвещения. Здесь можно добавить, что нормы конституционного мира и мирные институты не всегда просто разграничить, поскольку нормы и правила также являются социальными институтами. Предполагается, что данное видение мира является более прогрессивным, поскольку институты позволяют более слабым государствам влиять на международную ситуацию. Не следует забывать, что и конституционный, и институциональный мир легко сочетаются с миром победителя, поскольку победитель может устанавливать правила и создавать международные институты с целью стабилизации своей власти.

Четвертое направление мысли в контексте «либерального мира» — «гражданский мир» (*civil peace*). Он предполагает ненасильственную борьбу организованного гражданского общества, НПО и общественных движений. В контексте «либерального мира» подразумевается гражданская мобилизация против войн и насилия, дискриминации или угнетения, а также поддержка международного сотрудничества и разоружения. Оливер Ричмонд отмечает, что данная стадия понимания проблематики мира является наиболее поздней. Сторонники «гражданского мира» зачастую выступают с критикой государственной деятельности, обвиняя правительства в милитаризме и неоправданном ведении военных действий. Капиталистические государства обвиняются в ангажированности действий и наличии меркантильных интересов в мировой политике. Слабой стороной данного видения «мира» является его уязвимость к воздействию «про-государственных» дискурсов.

Ричмонд замечает, что разные акторы склонны поддерживать разные типы трактовки мира. К примеру, деятельность ООН основывается на «институциональном мире», а политика США на «мире победителя» и «конституционном мире». Многочисленные неправительственные организации занимаются продвижением «гражданского мира». Государства-доноры, такие как Великобритания, Япония, Канада и Норвегия, являются сторонниками сочетания «гражданского мира» и «институционального мира» [50; 52–90], [51; 51–57], [53].

Стоит добавить, что идея «гражданского мира» имеет поддержку со стороны исследователей человеческой безопасности (*human security*), представителей критических направлений изучения мировой политики: исследований безопасности (*critical security studies*) и исследований проблем мира (*critical peace research*).

Сторонники концепции человеческой безопасности и «гражданского мира» солидарны в том, что индивид является самым важным субъектом международных отношений. Они также поддерживают стремление общества к построению благоприятных условий для жизни и предотвращению прямого и структурного насилия. Представителей критических мирных исследований и критических исследований безопасности объединяет концепция человеческой эмансипации⁶, а также стремление представить альтернативы системам гегемонии и доминирующему дискурсу, формируемому в интересах властных элит.

При этом необходимо заметить, что «гражданский мир» основывается на таких «западных» ценностях как индивидуализм, активное гражданское общество, политический плюрализм и демократия, что заставляет О. Ричмонда сделать оговорку, что, возможно, «гражданский мир» является завуалированной версией «мира победителя» [51; 56]. Стоит отметить, что распространение «западных» ценностей сочеталось с европейским колониализмом и, позднее, победами в мировых войнах и холодной войне западных стран, которые придерживались либерального политического курса. Исследование закономерностей миротворчества после холодной войны Бригз, Майер и Томпсона продемонстрировало корреляцию между внутренней организацией обществ и их миропорядком, которые эти общества хотят видеть [48; 88–89].

В качестве решения проблемы представители критических парадигм предлагают найти подходы, которые могли бы избежать европоцентризма и претензий на универсальность, а также смогли бы раскрыть более сложную природу мира и конфликта. В связи с этим применение концепций «либерального мира» к России представляется актуальным.

Обращаясь к теме «либерального мира» нельзя не упомянуть и другие, смежные концепции, используемые О. Ричмондом, а именно «гибридный мир» и «виртуальный мир». Отчасти создание этих концепций является реакцией на, пожалуй, самый большой вызов для либерального видения мира, а именно миротворческие и миростроительные операции в государствах мирового Юга. В большинстве случаев попытки установления демократических институтов не увенчались успехом, интервенции под эгидой ООН содействовали лишь временному «замораживанию» конфликтов.⁷ Это заставляло

исследователей и политиков пересматривать подходы к восстановлению мира. К примеру, усилия миротворцев были отныне направлены на построение не только негативного (прекращение огня), но и позитивного мира (сотрудничество и интеграция обществ).

Понятие «виртуального мира» было введено Ричмондом для анализа построения демократических институтов в постконфликтных обществах мирового Юга. Это понятие основывается на предположении, что «демократический мир» в развивающихся странах является виртуальным конструктом, который создается внешними западными силами (в частности, политиками и СМИ) для влияния на собственные аудитории [51; 69].

Понятие «гибридного мира» появилось вследствие борьбы с проблемой неустойчивости мира в постконфликтных обществах. Исследователи пришли к выводу о необходимости учета местного контекста и отказа от одностороннего воздействия Запада. Понятие «гибридного мира», таким образом, предполагает сочетание миротворческой практики международных либеральных институтов с местными традициями и нормами в постконфликтных обществах. В данном случае международные институты могут оказывать поддержку местным акторам, в роли которых могут выступать местные торговые связи, благотворительные фонды, женские движения, общественные движения и неправительственные организации. Данный подход, который применялся на практике в миротворческих и миростроительных операциях в Восточном Тиморе, Руанде, Афганистане и других странах, представляется более «демократичной» альтернативой классическому либеральному дискурсу. Предполагается, что привлечение местных общин и сочетание миротворчества с местными традициями, способствует построению более устойчивого мира [52].

Стоит отметить, что данный подход не избежал критики. Так, Н. Сутахаран и Д. Рэмптон предупредили о возможности превращения данного подхода в инструмент влияния внешних сил, заинтересованных в упрощенном встраивании в либеральный миропорядок общностей, которые принципиально отличаются своим политическим, культурным и общественным строем. Этот механизм построения мира напомнил исследователям логику управления империей. Сутахаран и Рэмптон также обратили внимание на такие проблемы как признание местных акторов в зависимости от их соответствия западным стандартам, чрезмерная романтизация общественных отношений на локальном уровне и игнорирование властных отношений (в частности, влияния национальных и международных дискурсов на локальный уровень и народные традиции). Кроме того, ученые обвиняют данный подход в воспроизводстве дихотомий, которые чрезмерно упрощают проблематику мира (международный/локальный, западный/восточный, современность/традиционность, принуждение/сопротивление и т.д.).

Наконец, критикуя идею «гибридного мира» ученые напоминают, что исследователи мира сталкиваются с «парадоксом либерализма», согласно которому, как замечает Миира Сабаратнам, «либеральный мир» считается инструментом угнетения одних стран другими, но при этом он представляется единственным истинным инструментом эмансипации» [54].

В данной статье не предпринимается попытка применения концепций «гибридного» и «виртуального мира» для анализа российского опыта. Во-первых, формат статьи накладывает определенные ограничения. Во-вторых, данные концепции, как правило, применяются для анализа отношений, складывающихся в результате интервенций западных стран и миротворческих операций. Особенности положения России в иерархии международных отношений и ее история осложняют возможность применения этих концепций в тех целях, для которых они создавались. Однако можно предположить, что если немного изменить эти концепции, то «гибридный мир» можно применять для анализа вестернизации в России и изучения западных институтов, которые появились после окончания холодной войны. В контексте мирных исследований можно применить эту концепцию для анализа «культуры мира», существующей в России, и сочетания прав человека с местными традициями. Несколько измененную концепцию «виртуального мира» можно было бы использовать для изучения информационного освещения конфликтов и их трансформации в России и мире.

«Либеральный мир» в российском контексте

«Мир победителя» в России⁸, как и на Западе, является самой древней политической концепцией. К примеру, историк Я. Н. Шапов, изучая древнерусские летописи XI—XIII вв., обратил внимание на 4 доминирующих взгляда на войну и мир.⁹ Все четыре дискурса считали победоносные войны политическим успехом князей, в то время как миротворческие инициативы практически не

удостаивались похвалы летописцев и самих князей [7; 14–17]. Представление о важности сдерживания агрессии и принуждения к миру посредством силового преимущества сохранялось на протяжении истории.

Примерами российского «мира победителя» в международном контексте, могут считаться те международные и региональные системы, которые образовались в результате заключения мирных соглашений после побед России, и стабильность которых поддерживалась за счет российского силового преимущества. К примеру, в Венской системе международных отношений Российская империя была в числе «великих держав», которые стремились стабилизировать межгосударственные отношения и противодействовать распространению революций. Многие специалисты склонны считать биполярное противостояние СССР и США во время Холодной войны более стабильным периодом с точки зрения количества и масштабы конфликтов, чем время после Холодной войны [32]. Наконец, нельзя не упомянуть российскую политику на постсоветском пространстве, в рамках которой Российская Федерация выступала в качестве гаранта соблюдения условий перемирия (Сочинское соглашение 1992 г., Общее Соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане в 1997 г.) и способствовала прекращению огня (к примеру, в Приднестровье в 1992 г.). Можно предположить, что в современном политическом контексте «мир победителя» сочетается с дискурсом о многополярном мире [3], [9] и необходимости обеспечения безопасности в близлежащих регионах [26], [33; 12–13].

Идеи, находящиеся в основе «институционального» и «конституционного мира», стали активно обсуждаться в среде российской интеллигенции во время эпохи Просвещения. Во многом под влиянием идей европейской философии эпохи Возрождения российские интеллектуалы начинают анализировать войны с этической стороны (И. Турбойский, С. Полоцкий, М. Ломоносов), и размышлять на тему «вечного мира» между государствами (Р. Щебриков, В. Малиновский, Я. Козельский и даже А. Пушкин), обращаться к теме международного права (С. Е. Десницкий). В то же время философы критикуют негуманное отношение государства к подданным, абсолютизм и эксплуатацию крестьян (Н. Радищев) [28], [29].

Говоря о российском «институциональном мире», нельзя не упомянуть созданный по инициативе Александра I «Священный союз», который помимо своей реакционной функции должен был внести в международные отношения религиозный аспект миротворчества, для того, чтобы "людям жить аки братьями, не во вражде и злобе, но в мире и любви" [16]. Ещё одной немаловажной миротворческой инициативой Российской Империи стала организация в 1899 г. первой Гаагской мирной конференции, посвященной проблемам разоружения, развития международного права, создания постоянно действующего третейского суда. Как замечает В. М. Хайцман, на инициативу Николая II, помимо прагматических соображений, оказало влияние распространение литературы об опасностях войны, в особенности работа И. Блиоха «Будущая война и её экономические последствия» [36]. Гаагская конференция была позитивно (хотя не без серьезной критики [18]) встречена общественным пацифистским движением в России и Европе. Нельзя не упомянуть и «новое политическое мышление» М. С. Горбачева, которое предполагало построение международных отношений на основе приоритета общечеловеческих ценностей, деидеологизации внешней политики, баланса интересов, и создания европейской системы коллективной безопасности («общеевропейского дома»), что привело бы к снижению роли НАТО и ОВД и повышению роли СБСЕ ([4; 137–165, 199–219], [24]).

Интересным примером дискурса об «институциональном мире» является инициатива Д. А. Медведева 2008 г. о заключении всеобъемлющего договора о коллективной безопасности в евроатлантическом регионе, что привело бы к созданию единого пространства безопасности без разделительных линий «от Ванкувера до Владивостока» [6]. Предложение предусматривало сотрудничество в сфере безопасности ОБСЕ, ЕС, НАТО, СНГ и ОДКБ [27; 10]. К данной инициативе МИД РФ периодически возвращается [26]. Наконец, нельзя не отметить заявления о заинтересованности России в эффективной работе ООН, поскольку предполагается, что данная организация может способствовать преодолению однополярного мира [3]. Представляется, что на решение этой задачи нацелено и сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС.

Для понимания специфики «конституционного мира» в России, необходимо определить, какие нормы и законы, с российской точки зрения, делают государство мирным. В советские годы «конституционный мир» в рамках марксистской идеологии предполагал ликвидацию частной собственности, свержение буржуазии и построение социального порядка по примеру России (от последней идеи СССР позднее отказался в силу сложности реализации). В то же время, как отмечает с А. А. Сергунин, с точки зрения марксизма, насилие считалось «повивальной бабкой истории» [31; 43], поэтому сегодня сложно соотносить советский дискурс, оправдывающий насилие, с общепринятыми

представлениями о мире.

В рамках текущего законодательного устройства Россия формально переняла либеральное представление о «конституционном мире»: этой модели внутригосударственного устройства соответствуют нормы Конституции РФ 1993 г., в которой в качестве высшей ценности признается человек, его права и свободы, а Россия признается демократическим правовым государством. Россия по западному образцу становится капиталистическим государством, членом ВТО. Существует право на альтернативную гражданскую службу, действует мораторий на смертную казнь, при Президенте РФ функционирует Совет по развитию гражданского общества и правам человека.¹⁰ В официальных документах допускается использование государством военных мер только после исчерпания всех остальных инструментов ненасильственного характера, предусматриваются только оборонительные военные действия [2; ст. 5 и 18], эти положения соответствуют концепции эпохи Просвещения о «справедливых» и «несправедливых войнах».

Что касается российского видения архитектуры международных отношений, пожалуй, главным отличием от классического либерального дискурса является больший партикуляризм и приоритет невмешательства во внутреннюю политику суверенных государств. Этот подход позволил М. С. Горбачеву рассуждать на тему «нового мирового порядка» [48], где капиталистический и социалистический блоки были бы равноправны. В современной России этот подход позволяет отвечать на критику в свою сторону и в отношении государств, не соответствующих западным стандартам [12].

Проблематика «гражданского мира» отличается, а зачастую даже противоречит вышеупомянутым концепциям мира. Так, к примеру, в русских средневековых повестях, былинах, сказках и песнях можно найти изображение мира как всеобщего счастья, а имеющие власть главные герои стремятся к миру и гармонии с окружением. Сохранились и древнерусские пословицы, свидетельствующие о критическом отношении к войне, например, «войну хорошо слышать, да тяжело видеть» [28; 59].

В контексте «гражданского мира» интерес представляют и так называемые «крестьянские миры», образующиеся между крестьянами по разные стороны государственных границ. Условия децентрализации власти позволяли крестьянам относительно легко переходить границу, развивать отношения и вести торговлю на приграничных территориях. Так, согласно Й. Кокконену между крестьянами российской Карелии и Финляндии, восточному владению Швеции до 1809 г., существовали договоренности касательно поведения во время войн, взаимной торговли, обращения с преступниками. В XVI в. и вовсе появляется институт соглашения о приграничном мире, который предусматривал меры предотвращения вражды между жителями приграничных территорий и процедуры разрешения конфликтов в мирное время [45].

Пожалуй, главной фигурой, повлиявшей на «гражданский мир» на рубеже XIX—XX вв. является Л. Н. Толстой, который разработал христианское учение о непротивлении злу насилием, вдохновляясь идеями буддизма, деятельностью квакеров, литературой о христианских мучениках и книгами американских проповедников непротивления (У. Л. Гаррисон, А. Баллу). Помимо пропаганды ненасилия, Л. Н. Толстой был критиком государственного угнетения, социального неравенства и лицемерия православной церкви, за что был от нее отлучен. Учение Толстого о непротивлении оказало большое влияние на мышление активистов и интеллектуалов по всему миру, в их число входили: Махатма Ганди (Индия), Минна Кант (Финляндия), Ромен Роллан (Франция), Эрнест Кросби (США), Жайме де Магалхаес (Португалия), Рока Токутоми и Санэацу Мусянокодзи (Япония) и многие другие. Активисты в 8 российских губерниях, а также в США, Чили, Англии, Японии и других странах основывали общины, действующие на основе толстовских идей. Наконец, благодаря сподвижникам Толстого в России и за рубежом, его работы публиковались и распространялись в среде крестьян [38]. Известно также, что Л. Н. Толстой был космополитом, полагая, что государства и войны в будущем исчезнут, и занимался популяризацией «золотого правила» нравственности, которое, по мнению Толстого, было свойственно всем народам. Помимо этого, Толстой на практике помогал сектам, движениям и частным лицам, исповедовавшим доктрину непротивления.

80-летие Толстого стало поводом для самоорганизации в начале XX в. российских обществ мира по образцу западных движений этого толка. Вплоть до своего роспуска, представители весьма малочисленных обществ мира выступали за продвижение международного права, создание международного суда, просвещение населения и развитие гражданского общества. Эти объединения также стремились к «международной социализации» России и развивали отношения с английскими, французскими и даже немецкими пацифистами [10]. Еще одним, более поздним миротворческим движением стала деятельность группы «Доверие», образованной интеллигенцией в 1982 г. Целями объединения провозглашались установление доверия между СССР и США, развитие народной

дипломатии между Востоком и Западом, привлечение граждан к принятию внешнеполитических решений и сокращение военных бюджетов [34].

В России на «гражданский мир», как и в западных странах, повлияло движение «отказников» от воинской службы. В российской истории они были представлены различными религиозными движениями, среди которых были: менониты, квакеры, адвентисты и духоборы. Последние появились в России, и наиболее известны своим демонстративным сожжением оружия в 1895 г., после чего часть духоборов была репрессирована, а часть (благодаря помощи Толстого) эмигрировала в Канаду, где продолжила устраивать антивоенные акции, заниматься благотворительностью и продвигать народную дипломатию с Россией. Нельзя не упомянуть и пацифистскую деятельность Толстовского движения и Объединенного Совета религиозных общин и групп (ОСРОГ), которые вплоть до 1930-х гг. защищали права «отказников» по мотивам совести и публиковали обращения к правительству и народу [22]. В качестве более современных примеров этого направления можно назвать марши против военных действий в Афганистане, Чечне и Украине, деятельность образованного в 1989 г. Комитета солдатских матерей, Сообщество «Гражданин и армия» и др.

Примерами «гражданского мира» в военный период могут считаться и деятельность Российского общества Красного Креста, благотворительных организаций, а также индивидуальных активистов. К примеру, Т. А. Павлова в своем исследовании о М. Волошине доказывает, что этот человек боролся с войной не только в публицистике. Волошин на практике осуществлял принципы миролюбия и ненасилия, спасая во время гражданской войны «красных от белых и белых от красных» [21].

Изобретение ядерного оружия и гонка вооружений также не могли не повлиять на гражданское видение мира. Пожалуй, наиболее яркой фигурой в это время становится А. Д. Сахаров, который связывал международную безопасность с защитой прав человека и необходимостью социально-экономических реформ [30]. Можно также отметить Пагуошское движение ученых, которое существует и сегодня. Благодаря формальной поддержке советского Комитета защиты мира население СССР имело возможность приобщиться к международному антиядерному движению и принять участие в антиядерных маршах. Вторым важным направлением стал протест представителей поколения «шестидесятников» против войны и насилия тоталитарного государства. Примерами деятельности этого движения можно считать антимилитаристскую литературу, «самиздат», выступления и протест против введения войск в Чехословакию. Представителем этого направления считается и А. И. Солженицын, который продемонстрировал опасность государственного насилия. Наконец, следует упомянуть и движение по защите прав человека в 1960–1970-е гг., в рамках которого граждане отправляли обращения не только представителям советской власти, но и международным организациям, например, ООН, Международному съезду психиатров в Мехико, Международной лиге прав человека. Заключительный Акт СБСЕ привел к образованию Московской хельсинской группы, которая пыталась содействовать реализации гуманитарных статей Акта.¹¹ [1; 185–196] Благодаря данному направлению, русское видение мира приобретает более широкую трактовку, начинает включать социально-экономические аспекты и противодействие структурному насилию.

В то же время очевидно, что гражданские движения за мир в России во все периоды были малочисленными и не пользовались поддержкой широких слоев населения. Т. А. Павлова это связывает с обилием войн в российской истории, трагической судьбой большинства пацифистов, а также с тяжелым экономическим положением в стране, скептицизмом по отношению к общественным движениям и частым проецированием культуры насилия в СМИ [22; 36–39].

Представляется, что на сегодняшний день российский «гражданский мир» можно соотнести с деятельностью специализированных и правозащитных организаций, различных благотворительных фондов, некоторыми видами парадипломатии, а также деятельностью рядовых граждан, участвующих в антивоенных акциях и публично высказывающих свою позицию.

Если соотнести все четыре составляющие «либерального мира» в России, можно предположить, что в российском дискурсе о мире на современном этапе наиболее сильно выражены «мир победителя» и «институциональный мир», в то время как представления о «конституционном» и «гражданском мире» являются неоднозначными, а их реализация — затрудненной. На это влияет по-прежнему существующее структурное насилие, и оправдывающая его культура насилия в общественном дискурсе [20], [25].

Сложности и перспективы поиска альтернатив «либеральному миру»

Изучение «либерального мира» и его составляющих частей может помочь получить более полное представление о взаимодействии идей о мире и их реализации на всех уровнях системы международных отношений. Эта концепция фокусирует внимание на вопросах гегемонии в мировой политике, его результатах и важности поиска более справедливых альтернатив доминирующему

дискурсу. В то же время существуют сложности, связанные с трактовкой этого доминирования, а также связью «либерального мира» и западных стран.

В частности, не решен вопрос универсальности «либерального мира». «Парадокс либерализма» продолжает существовать по ряду причин. Во-первых, мы обладаем несовершенными сведениями о примерах устойчивого мира в разных регионах и разные исторические эпохи. Во-вторых, не все региональные акторы имеют достаточный авторитет и возможности (которые имеются, к примеру, у западной науки и международных организаций) для распространения собственных ключевых понятий и критериев мира. Изучение «незападных» контекстов также имеет свои трудности. Критические теоретики, большая часть которых занимается наукой в западных странах, стремятся изучать мир с точки зрения угнетенных слоев населения. Однако обладая нормативными предпочтениями, исследователи могут выбирать из «незападных» культур идеи, которые будут свидетельствовать об универсальности ценностей, на которых частично основывается «либеральный мир». Так, например, представитель критических исследований безопасности К. Бут указывает, что «хорошим идеям свойственно путешествовать», и приводит примеры распространенности в разных культурах важных идей для его проекта более справедливого мира: просвещения и самосовершенствования, сообщества и эмансипации [42; 38, 111–138].

Существенно отличается подход Йохана Галтунга к этой проблеме. Если большая часть теоретиков считает «либеральный мир» и «западные» ценности лучшей основой для развития (как минимум) западных стран, то Галтунг полагает, что некоторые элементы восточной специфики имеют большую ценность для построения мира, чем западная культура. Наиболее ярким примером является характеристика коллективизма как элемента культуры, который в правильном контексте способствует миру благодаря сильной эмпатии между индивидами, что может облегчить построение «позитивного мира», сотрудничества и диалога. Индивидуализм Галтунг связывает со склонностью к жесткой иерархии, насилию и доминированию, эти качества делают наиболее вероятным развитие лишь негативного мира [44; 36–45].

На тему «западной» природы мира актуальна статья Пинар Билгин, посвященная видению международных отношений вне «Запада». Исследовательница критикует изначальную ориентацию теоретиков на поиск кардинальных отличий от Запада в «незападном мире». Билгин приводит мысль Х. К. Бабы о том, что мышление за пределами запада является схожим, но имеет ряд нюансов. Исследовательница обращает внимание на ряд важных вещей. С одной стороны, ученые зачастую недооценивают вклад «незападных» акторов в формирование либерального дискурса. К примеру, такие понятия как «модернизм», «культура», либерализм зародились в «незападных» странах. Эти моменты не учитываются теоретиками международных отношений, и, таким образом, воспроизводится дискурс о «либеральном мире», который конструирует роль третьего мира как пассивного реципиента западных ценностей. Помимо этого, П. Билгин показывает на примере Индии и Турции, что «незападные» государства и акторы могут использовать «западные» концепции, такие как «национальная безопасность» и «модернизация» для достижения независимости от западных стран и недопущения интервенций в будущем. Исследовательница пишет о сложности выявления «западной» или «незападной» природы ключевых понятий, в силу взаимодействия акторов и дискурсов на протяжении истории [41].

Многие современные исследователи [49], [41] и др. приходят к пониманию необходимости детального анализа представлений разных акторов о мире, они подчеркивают важность изучения и продвижения открытого и равноценного диалога между культурами и цивилизациями. Русская интерпретация мирных процессов может содействовать формированию более полного представления о мире как явлении. Для этого исследователю нужно ответить на вопросы о том, в чем выражена российская специфика, и какие факторы ее определяют. В то же время нельзя забывать, что мы едва ли можем говорить о существовании единого общероссийского дискурса о мире. Также, следует заметить, что для изучения мирных процессов можно пользоваться уже существующими теориями и понятиями, например, концепцией «либерального мира», а можно стремиться к поиску или созданию собственных концепций, которые будут более адекватно характеризовать разные контексты.

Выявление русских подходов к миру является непростой задачей для отечественных исследователей, поскольку большую роль могут играть личный опыт, убеждения и среда (И. Нойманн назвал это состояние «домашней слепотой» (*home blindness*) [47; 64]. С точки зрения А. Пензина, проблемой российских общественных наук по-прежнему является их «постколониальное» состояние, т.е. стремление либо к мимикрии (подражании западному образцу), либо к изоляционизму (поиску аутентичных корней, мифов, героических преданий) [23; 346–347]. Российские исследователи не

застрахованы и от так называемой «ловушки релятивизма» — необходимости делать моральный выбор в пользу дискурсов тех или иных акторов, рискуя при этом проигнорировать потребности других действующих лиц. [49; 259] Наконец, следует с осторожностью относиться к возможности «социальной инженерии».

Перспективам создания российской теории международных отношений посвящена статья А. П. Цыганкова. В этой работе исследователь упоминает три интеллектуальные традиции, существовавшие в России на протяжении веков: «западничество», «державничество» и «третьеримство». При этом отмечается, что на развитие всех трёх направлений влияли западные идеи. Можно согласиться с А. П. Цыганковым в том, что: «Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке. Особенно важно соизмерять русские размышления о мире¹² с западными концепциями и теориями, поскольку последние являются наиболее систематизированными и аналитически развитыми» [38]. Исследователь предлагает формулировать собственные концепции на основе российской философской и политической мысли, и даже религиозных представлений о ценностях в международных отношениях [38].

Если говорить о мирных исследованиях, то можно предложить обратиться к философским воззрениям Л. Н. Толстого, А. И. Герцена, Н. А. Бердяева, А. А. Гусейнова и других. Многочисленные конфессии на территории России также содержат идеи о мире это, например, идеи пацифизма и ненасилия в христианстве, «шанти» и «ахимса» в буддизме, внутренние поиски мира в исламе и индуизме и т.д. Не менее полезным для исследования русских взглядов на мир являются анализ общественных дискурсов, практик и обрядов, а также изучение роли образования и символов в продвижении мира.

В заключение следует сказать, что основным источником сложностей применения концепции «либерального мира» в российском контексте является отсутствие очевидных альтернатив данному взгляду на мир. Этому может быть два объяснения.

Первое заключается в гегемонии западных акторов и, как следствие, доминировании дискурса о «либеральном мире» как единственно истинном. В данном случае концепция «либерального мира» может применяться для анализа только западных и схожих с ними государств. Особую сложность «незападные» страны могут испытывать в контексте «конституционного мира», который очень похож на концепцию демократического мира, и анализ России это подтверждает. В данном случае для изучения таких стран как Россия необходима формулировка принципиально иных концепций или же поиск способов интеграции РФ в западное сообщество.

Вторым возможным объяснением является универсальность представлений о мире (в понятиях «либерального мира»), поскольку элементы этой концепции зачастую развивались в «незападных» контекстах независимо. Также, вероятно, что на окончательное формирование понятия «либерального мира» повлиял обмен идеями между разными цивилизациями. В таком случае необходимо изучение роли России в формировании мирового дискурса о «либеральном мире», например, выявление влияния толстовства в начале XX в. или роли СССР в формировании дискурса о новом мировом порядке. Также, актуальным является анализ «гибридности» русской миротворческой идеи и небольших отличий между отечественными и мировыми подходами к миру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л. М. Движение за права человека // Опыт ненасилия в XX столетии: Социально-этические очерки / под ред. Р. Г. Апресяна / Л. М. Алексеева. М.: Аслан, 1996. С. 182—203.
2. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
3. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (2007) [Электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015)
4. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. М.: Издательство политической литературы, 1988. 271 с.
5. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли начала XX

- века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. № 2. 2013. С. 143–150.
6. Договор о Европейской безопасности: импульс к развитию отношений России и Европы / под. ред. М.В. Братерского и С.В. Картунова. М.: МГУП, 2011. 200 с.
 7. Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997.
 8. Жуков Е. В. Идеологическая борьба по вопросам войны и мира в современных условиях // *Военная мысль* №6. 1988. [Электронный ресурс]. URL: [http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1988-vm/8224-id-eologicheskaja-borba-po-voprosam-vojni-i-mira-v](http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1988-vm/8224-id-eologicheskaja-borba-po-voprosam-vojni-i-mira-v-svobodnyj), свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 9. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 10. Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (становление и деятельность российских обществ мира) // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 179–201.
 11. Кашников, Б. Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли [Электронный ресурс]. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1524>, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
 12. Лавров С. В.: РФ закрепит принцип невмешательства во внутренние дела стран // *РИА новости*. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20151002/1295014616.html>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 13. Литовкин Н. В. Сложная простота военных расходов [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-06-05/1_sipri.html, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
 14. Макарычев А. С. Пространственные характеристики трансграничной безопасности: концептуальные подходы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 15. Мальков Виктор Иванович. Критика буржуазных концепций "мира": теоретические основы, политическая сущность, социальная роль. Л.: 1983. 405 с.
 16. Мельникова Л. В. Александр I и создание Священного союза [Электронный ресурс]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2008/Melnikova.pdf, свободный. (Дата обращения: 14.12.2015).
 17. Мунтян М. А. Основы теории международных отношений. Учебное пособие. М: Изд-во МАБиУ, 2006. 164 с.
 18. Николаев Н. Ю. Л. Н. Толстой и Гаагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 17–23.
 19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. 944 с.
 20. Олейник А. Н. Русская власть: конструирование идеального типа // *Политическая концептология* № 1, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2010.1/08.pdf>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 21. Павлова Т. А. «Всеобщий примиритель» (тема войны, насилия и революции в жизни и творчестве М. Волошина) // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 245–261.
 22. Павлова Т. А. Исторические судьбы российского пацифизма // *Вопросы истории*. № 8. 1999. С. 28–42.
 23. Пензин А. В. «Затерянный мир», Или о Деколонизации Российских Общественных Наук // *Ab Imperio*. № 3. 2008. С. 341–348.
 24. Полюнов М. Ф. «Новое политическое мышление»: возникновение и основные идеи // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. № 1. 2012. С. 84–89.
 25. Поляков Е. М. Структурное и прямое вооруженное насилие: мировые тенденции и особенности России // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. № 15 (186). 2014. С. 175–183.
 26. Постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Об актуальных вопросах внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/56149>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
 27. Проект договора о европейской безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152>, свободный. (Дата обращения: 10.12.2015).
 28. Пушкирев Л. Н. Думы о мире в русском фольклоре и в общественной мысли XVII-XVIII вв. // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 57–72.
 29. Рудницкая Е. А. Идея мира в русской общественной мысли XIX века. // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 72–88.

30. Сахаров А. Д. Открытое письмо президенту академии наук СССР А. П. Александрову [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_40.html, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
31. Сергунин А. А. Российская внешнеполитическая мысль: проблемы национальной и международной безопасности: Монография. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, 2003. 94 с.
32. Степанова Е. Государство и человек в современных вооруженных конфликтах // *Международные процессы*. Т. 6. № 1. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
33. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
34. Телюкова Т. И. Московская группа «Доверие» // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 326–335.
35. Умнова И. А. Право мира: философское и юридическое измерения/ РАН ИНИОН. Центр социал. науч. информ. исслед. отдел. правоведения. М.: 2011. 180 с.
36. Хайцман В. М. Гаагская конференция мира 1899 г. и идеи пацифизма // *Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России*. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 225–241.
37. Цыганков А., Цыганков П. Кризис идеи «демократического мира» // [Электронный ресурс]. *Международные процессы*. URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm>, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
38. Цыганков А. П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // *Comparative politics*. № 2(15). 2014. [Электронный ресурс] URL: http://mgimo.ru/files2/z10_2014/Andrei-Tsygankov_Russia-International.pdf, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
39. Эджертон У. Влияние учения Л. Толстого на мировое сообщество [Электронный ресурс]. URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/2000_nonviolens/nonviolens_3.htm#2, свободный. (Дата обращения 14.12.2015).
40. Bilgin P. *Critical Theory* // Williams P. (Ed.) *Security Studies: An Introduction*. Routledge: NY, 2008. P. 89–102.
41. Bilgin P. Thinking past 'Western' IR? // *Third World Quarterly*. Vol. 29. N 1. 2008. P. 5–23.
42. Booth K. *Theory of World Security*. Cambridge University Press: NY, 2007. 516 p.
43. Buhaug H., Levy S. J., Urdal H. 50 Years of Peace Research: An Introduction to the Journal of Peace Research Anniversary Special Issue // *Journal of Peace Research* 2014, Vol 51(2). P. 139–144.
44. Galtung J. *A Theory of Peace: Building Direct Structural Cultural Peace*. Transcend University Press: 2012. 309 p.
45. Kokkonen J. The Border, the Finns and Russia in the Early Modern Age [electronic resource], URL: <http://carelica.petsu.ru/2013/Kokkonen.pdf> (Дата обращения: 01.12.2015).
46. Lawler P. *Peace Studies* // Williams P. (Ed.) *Security Studies: An Introduction*. Routledge: NY, 2008. P. 73–88.
47. Neumann I. *Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations : A Pluralist Guide / A. Klotz, D. Prakash (eds.)*, New York: Palgrave Macmillan. P. 61–78.
48. Rasmussen M. V. *The West, Civil Society and the Construction of Peace*. Palgrave MacMillan: NY. 2003. 216 p.
49. Richmond O. P. *Critical Research Agendas for Peace: The Missing Link in the Study of International Relations // Alternatives: Global, Local, Political*, Vol. 32, No. 2, 2007. P. 247–274.
50. Richmond O. P. *Peace: A Very Short Introduction*. Oxford University Press: NY, 2014. 160 p.
51. Richmond O. P. *Reconstructing the Liberal Peace // Ritterberger V., Budrich B. (eds.). Strategies for Peace: Contributions of International Organizations, States, and Non-State Actors*. Barbara Budrich Publishers: Farmington Hills. 2008. P. 49–75.
52. Richmond O. P. *The Dilemmas of a Hybrid Peace* [Electronic resource]. URL: <http://www.e-ir.info/2012/12/23/the-dilemmas-of-a-hybrid-peace/>, свободный. (Дата обращения 01.12.2015).
53. Richmond O. P. *Understanding the Liberal Peace* [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/2974440/Understanding_the_Liberal_Peace, свободный. (Дата обращения: 01.12.2015).
54. Suthaharan N. Rampton D. *The limits of hybridity and the crisis of liberal peace* [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/272011386_The_limits_of_hybridity_and_the_crisis_of_liberal_peace, свободный. (Дата обращения 01.12.2015).
55. Väyrynen T. *Medical Metaphors in Peace Research: John Burton's Conflict Resolution Theory and a Social Constructionist Alternative* [Electronic resource] // *International Journal of Peace Studies*, URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_2/Vayrynen.htm, свободный. (Дата обращения: 01.12.2015).

REFERENCES

1. Alekseeva L. M. Civil Rights Movement [Dvizhenie za prava cheloveka] // Experience of non-violence in the 20th century [Opyt nenasiliya v XX stoletii: Sotsial'no-eticheskie ocherki] / ed by. R.G. Apresyan. Moscow: Aslan, 1996. S. 182—203.
2. Military doctrine of Russian Federation [Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (accessed 14.12.2015).
3. Speech and Discussion at the Munich conference on international security policy [Vystuplenie i diskussiya na Myunkhenskoy konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti] (2007) [Electronic resource]. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (accessed 14.12.2015).
4. Gorbachev M. S. Perestroika and New Political Thinking for our country and the whole world [Perestroyka i novoe myshlenie dlya nashey strany i vsego mira]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1988. 271 s.
5. Gromova E. A. Peace discourse in the national socio-philosophical thought of the beginning of 20th century [Mirotvorcheskiy diskurs v otechestvennoy sotsial'no-filosofskoy mysli nachala XX veka] // Volgograd state university bulletin. Series 7: Philosophy, sociology and social technology [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii.]. № 2. 2013. S. 143—150.
6. Treaty on Eurasian security: impetus for development of Russian-European relations [Dogovor o Evropeyskoy bezopasnosti: impul's k razvitiyu otnosheniy Rossii i Evropy] / ed. by M.V. Braterskiy and S.V. Kortunov. Moscow: MGUP. 2011. 200 s.
7. Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997.
8. Zhukov E. V. Ideological compat on issues of security and peace in contemporary circumstances [Ideologicheskaya bor'ba po voprosam voyny i mira v sovremennykh usloviyakh] // Military Thought [Voennaya mysl'] №6/1988. [Electronic resource]. URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1988-vm/8224-ideologicheskaya-borba-po-voprosam-voyny-i-mira-v> (accessed 14.12.2015).
9. Session of International discussion club “Valdai” [Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday»] (2014) [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed 14.12.2015).
10. Ilyukhina R. M., Sdvizhkov D. A. Russian pacifism and Western peace-making at early XX century (beginnings and activity of Russian peace societies) [Rossiyskiy patsifizm i zapadnoe mirotvorchestvo v nachale XX v. (stanovlenie i deyatelnost' rossiyskikh obshchestv mira)] Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 179—201.
11. Kashnikov B. N. Pacifism, necessary war and terror. Three doctrines of Russian philosophical and legal thought [Patsifizm, neobkhodimaya voyna i terror. Tri doktriny russkoy filosofsko-pravovoy mysli] [Electronic resource]. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=1524> (accessed 14.12.2015).
12. Lavrov S. V.: Russian Federation will anchor the principle of non-intervention [Lavrov S. V.: RF zakreplit printsip nevmeshatel'stva vo vnutrennie dela stran // RIA news. [Electronic resource]. URL: <http://ria.ru/politics/20151002/1295014616.html> (accessed 14.12.2015).
13. Litovkin N. V. The simple difficulty of military spending [Slozhnaya prostota voennykh raskhodov] [Electronic resource]. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2015-06-05/1_sipri.html (accessed 14.12.2015).
14. Makarychev A. S. Space characteristics of transnational security: conceptual approaches [Prostranstvennye kharakteristiki transgranichnoy bezopasnosti: kontseptual'nye podkhody [Electronic resource]. URL: <http://www.policy.hu/makarychev/rus8.htm> (accessed 14.12.2015).
15. Mal'kov V. I. Criticism of bourgeois concepts of “peace”: theoretical basis, political essence, social role: [Kritika burzhuznykh kontseptsiy "mira": teoreticheskie osnovy, politicheskaya sushchnost', sotsial'naya rol']. L.: 1983. 405 s.
16. Mel'nikova L. V. Alexander I and creation of the Holy Alliance [Aleksandr I i sozdanie Svyashchennogo soyuza]. [Electronic resource]. URL: http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Borodino_conf/2008/Melnikova.pdf (accessed 14.12.2015).
17. Muntyan M. A. Basic theories of IR. A study guide [Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. Uchebnoe posobie]. M: Izd-vo MABiU, 2006. 164 s.
18. Nikolaev N.Y. Leo Tolstoy and the Hague Peace Conference [L.N. Tolstoy i Gaagskaya mirnaya konferentsiya 1899 goda] //Volgograd state university bulletin. Series 4: History, Regional Studies. International Relations. 2010. № 2(18). S. 17—23.
19. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Glossary of Russian language: 80 000 words and phraseological

- expressions. [Tolkoviy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy]. RAN. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: OOO «A TEMP». 2006. 944 s.
20. Oleynik A. N. Russian authority: construction of an ideal type [Russkaya vlast': konstruirovaniye ideal'nogo tipa] // Political conceptology [Politicheskaya kontseptologiya] № 1. 2010. [Electronic resource]. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2010.1/08.pdf> (accessed 14.12.2015).
 21. Pavlova T. A. "General peace-maker" (war, violence and revolution in the life and works of M. Voloshin) [«Vseobshchiy primiritel'» (tema voyny, nasiliya i revolyutsii v zhizni i tvorchestve M. Voloshina)] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. P. 245—261.
 22. Pavlova T. A. Historic fates of Russian pacifism [Istoricheskie sud'by rossiyskogo patsifizma] // Issues of Philosophy [Voprosy istorii]. № 8. 1999. S. 28—42.
 23. Penzin A. V. "Lost World" or on decolonizing Russian social sciences [«Zateryanny mir», ili o Dekolonizatsii Rossiyskikh Obshchestvennykh Nauk] // Ab Imperio. № 3. 2008. S. 341—348.
 24. Polynov M. F. New political thinking: emergence and basic ideas [«Novoe politicheskoe myshlenie»: vzniknovenie i osnovnye idei] // Society. Sphere. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitiye] (Terra Humana). № 1. 2012. S. 84—89.
 25. Polyakov E. M. Structural and direct armed violence: world tendencies and peculiarities [Strukturnoe i pryamoe vooruzhennoe nasilie: mirovye tendentsii i osobennosti Rossii] // Journal of Belgorod State Universit. Series: History, Political Science [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika]. № 15 (186). 2014. S. 175—183.
 26. Resolution of the Council of Federation of the Russian Federation. On acute problems of foreign policy of the Russian Federation [Postanovlenie Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii. Ob aktual'nykh voprosakh vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/56149> (accessed 14.12.2015).
 27. Project of Treaty of European security [Proekt dogovora o evropeyskoy bezopasnosti] [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/6152> (accessed 14.12.2015).
 28. Pushkarev L. N. Meditations on peace in Russian folklore and in social thought of XVII-XVIII centuries [Dumy o mire v russkom fol'klore i v obshchestvennoy mysli XVII-XVIII vv.] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 57—72.
 29. Rudnitskaya E. A. Peace ideas in Russian social thought of XIX century [Ideya mira v russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. P. 72—88.
 30. Sakharov A. D. Open letter to President of the USSR Academy of Sciences, P. Alexandrov [Otkrytoe pis'mo prezidentu akademii nauk SSSR A. P. Aleksandrovu]. [Electronic resource]. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Rabot_40.html (accessed 14.12.2015).
 31. Strategy of national security of Russian Federation until 2020 [Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda]. [Electronic resource]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (accessed 14.12.2015).
 32. Sergunin A. A. Russian thought on foreign policy [Rossiyskaya vneshnepoliticheskaya mysl': problemy natsional'noy i mezhdunarodnoy bezopasnosti]. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet imeni N.A. Dobrolyudova, 2003. – 94 s.
 33. Stepanova E. Gosudarstvo i chelovek v sovremennykh vooruzhennykh konfliktakh [Electronic resource] // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy"]. T.6. № 1. 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/003.htm> (accessed 14.12.2015).
 34. Telyukova T.I. "Trust" group in Moscow [Moskovskaya gruppa «Doverie»] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 326—335.
 35. Umnova I. A. Law of peace: Philosophic and legal dimensions [Pravo mira: filosofskoe i yuridicheskoe izmereniya] / RAN INION. Tsentr sotsial. nauch. inform. issled. otdel pravovedeniya. Moscow: 2011. 180 s.
 36. Khaytsman V. M. The Hague Peace conference of 1899 and ideas of pacifism [Gaagskaya konferentsiya mira 1899 g. i idei patsifizma] // Long way of Russian pacifism: ideal of international and internal peace in religious and philosophic thought of Russia [Dolgiy put' rossiyskogo patsifizma: Ideal mezhdunarodnogo i vnutrennego mira v religiozno-filosofskoy i obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii]. Moscow: IVI RAN, 1997. S. 225—241.
 37. Tsygankov A., Tsygankov P. Crisis of idea of "Democratic Peace" [Krizis idei «demokraticheskogo mira»] [Electronic resource] // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]. URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/003.htm> (accessed 14.12.2015).
 38. Tsygankov A.P. Russian IR Theory: What could it be? [Rossiyskaya teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kakoy ey byt'?). [Electronic resource] // Comparative politics. № 2(15). 2014. URL: http://mgimo.ru/files2/z10_2014/Andrei-Tsygankov_Russia-International.pdf (accessed 14.12.2015).
 39. Эджертон У. Влияние учения Л. Толстого на мировое сообщество [Electronic resource]. URL:

- http://antimilitary.narod.ru/antology/sborniki/2000_nonviolens/nonviolens_3.htm#2 (accessed 14.12.2015).
40. Bilgin P. *Critical Theory* // Williams P. (Ed.) *Security Studies: An Introduction*. Routledge: NY, 2008. P. 89–102.
 41. Bilgin P. Thinking past 'Western' IR? // *Third World Quarterly*. Vol. 29. № 1. 2008. P. 5–23.
 42. Booth K. *Theory of World Security*. Cambridge University Press: NY, 2007. 516 p.
 43. Buhaug H., Levy S. J., Urdal H. 50 Years of Peace Research: An Introduction to the Journal of Peace Research Anniversary Special Issue // *Journal of Peace Research* 2014. Vol 51(2). P. 139–144.
 44. Galtung J. *A Theory of Peace: Building Direct Structural Cultural Peace*. Transcend University Press: 2012. 309 p.
 45. Kokkonen J. The Border, the Finns and Russia in the Early Modern Age [Electronic resource]. URL: <http://carelica.petrso.ru/2013/Kokkonen.pdf> (accessed 01.12.2015).
 46. Lawler P. *Peace Studies* // Williams P. (Ed.) *Security Studies: An Introduction*. Routledge: NY, 2008. P. 73–88.
 47. Neumann I. *Discourse Analysis // Qualitative Methods in International Relations : A Pluralist Guide / A. Klotz, D. Prakash (eds.)*, New York: Palgrave Macmillan. P. 61–78.
 48. Rasmussen M. V. *The West, Civil Society and the Construction of Peace*. Palgrave MacMillan: NY. 2003. 216 p.
 49. Richmond O. P. *Critical Research Agendas for Peace: The Missing Link in the Study of International Relations // Alternatives: Global, Local, Political*, Vol. 32, No. 2, 2007. P. 247–274.
 50. Richmond O. P. *Peace: A Very Short Introduction*. Oxford University Press: NY, 2014. 160 p.
 51. Richmond O. P. *Reconstructing the Liberal Peace* // Ritterberger V., Budrich B. (eds.). *Strategies for Peace: Contributions of International Organizations, States, and Non-State Actors*. Barbara Budrich Publishers: Farmington Hills. 2008. P. 49–75.
 52. Richmond O. P. *The Dilemmas of a Hybrid Peace* [Electronic resource]. URL: <http://www.e-ir.info/2012/12/23/the-dilemmas-of-a-hybrid-peace/> (accessed 01.12.2015).
 53. Richmond O. P. *Understanding the Liberal Peace* [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/29744440/Understanding_the_Liberal_Peace (accessed 01.12.2015).
 54. Suthaharan N. Rampton D. *The limits of hybridity and the crisis of liberal peace* [Electronic resource]. URL: http://www.researchgate.net/publication/272011386_The_limits_of_hybridity_and_the_crisis_of_liberal_peace (accessed 01.12.2015).
 55. Väyrynen T. *Medical Metaphors in Peace Research: John Burton's Conflict Resolution Theory and a Social Constructionist Alternative* [Electronic resource] // *International Journal of Peace Studies*, URL: http://www.gmu.edu/programs/icar/ijps/vol3_2/Vayrynen.htm (accessed 01.12.2015).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Среди зарубежных исследователей нет общего мнения касательно различия или синонимичности этих терминов. К примеру, П. Лоулер [46] использует термин «peace research» для описания позитивистских исследований мира, а «peace studies» — для постпозитивистских исследований. Однако большая часть ученых использует эти термины как взаимозаменяемые.

[2] См., например, [13]

[3] См., например, [14]

[4] До 1918 года слово «мир» с такими значениями имело написание «mip»

[5] Более подробный анализ понятия «Запада» и его связи с миротворчеством представлен в работе М. В. Расмуссена [48; 1–4].

[6] Большинство теоретиков склонны основывать концепцию эмансипации на негативном видении свободы, а именно, в контексте избавления от излишних, социально-конструируемых ограничений [40; 100–101].

[7] Ранжируя методы и результаты миротворческих операций, Ричмонд выявляет 4 модели миротворчества: гиперконсервативную, консервативную, традиционную и эмансипационную. Если первая модель основана на применении силы, нарушении прав и навязывании институтов посредством гегемонии, то последняя представляет идеал миротворческой операции, в рамках которой позитивный

мир достигается за счет сотрудничества местных, государственных и международных акторов [53].

[8] В данной статье под «Россией», в зависимости от временного периода, подразумеваются Киевская Русь, Российская Империя, РСФСР, СССР и Российская Федерация

[9] Основными дискурсами являются: мир как вынужденная мера из-за неспособности воевать; война и мир как равнозначные способы достижения целей; союз князей для успешной защиты от иноземных вторжений; а также принцип, выраженный в древней поговорке «мир стоит до рати, а рать — до мира» [7; 11–18].

[10] Рамки статьи не позволяют детально рассмотреть проблемы эффективности упомянутых институтов и весьма актуальный вопрос о том, является ли на практике российская демократия «имитационной» или «управляемой».

[11] Согласно Л. М. Алексеевой, по причине плохой осведомленности советские правозащитники не могли заимствовать ни идеи международного движения за права человека, ни концепции представителей российской либеральной философии [1; 182].

[12] В данном предложении под «размышлениями о мире» подразумеваются взгляды на международные отношения.

Problems of applying the concept of "liberal peace" in russian research

**SMIRNOVA
Alexandra**

*Lecturer,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

Keywords:

peace research
peace studies
paxology
irenology
Russia
liberal peace
Oliver Richmond
Johan Galtung
Russian approaches to peace

Summary:

This article explores the perspectives of applying the concept of "liberal peace" in order to analyze the peculiarities of Russian notions of peace. To this end the article contains a short description of peace studies development and peculiarities of contemporary peace researchers' approach. The influence of eurocentrism and power relations upon the definition of peace and the methods of achieving it makes studying the concept of peace concept important. The "liberal peace" framework is one of the most relevant concepts of modern critical peace studies. This article focuses on O. Richmond's concept of "liberal peace", which contains "victor's peace", "constitutional peace", "institutional peace" and "civil peace". This article attempts to apply these concepts in order to analyze Russian political events, while highlighting the challenges and perspectives of searching for an alternative "Russian" approach to peace.

УДК 329

Национальная идея в программах политических партий: федеральный и региональный уровень (на материалах Республики Карелия)

РОЖНЕВА
Светлана
Сергеевна

*кандидат политических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, rozhneva@mail.ru*

Ключевые слова:

Национальная идея
нация
патриотизм
единство
сильное государство
политические партии
партийная система
Карелия

Аннотация:

В статье представлен анализ текстового массива количественных данных программ политических партий современной России по числу упоминаний дискурса национальной идеи. Используется методика case-study при изучении единичного случая Республики Карелия. Выбор Карелии обусловлен спецификой региона, его приграничным характером в отношении Севера Европы, что позволяет наблюдать конфликт авторитарных и демократических ценностей. В работе проводится логический анализ партийных программ с использованием методики контент-анализа. Ставится цель выявить количество тех партий, в программах которых предлагается мифологема национальной идеи как основы единства российского народа и поддержания легитимности партийных сил в стране. В статье сформулированы две группы гипотез, одна из которых связана с непосредственным упоминанием в программах партий словосочетания «национальная идея», а другая охватывает все партийные программы за счет акцентирования внимания на близком смысловом значении феномена «национальной идеи» и частоты упоминаний дефиниций.

В результате проведенного исследования автор делает выводы, что национальная идея не является доминирующей ценностью общественного сознания россиян, а становится лишь средством воздействия политической элиты на их мнение. Акторы, которые время от времени заявляют о ней, по большей части, мотивируются популизмом ради достижения своих целей. Мифологичность национальной идеи усиливается ее прагматизмом для политических сил. Партии, которые обладают реальным весом в политической системе страны, как на федеральном, так и на региональном уровнях, дискурс национальной идеи используют в популяризации его значения для граждан государства. При этом данный феномен хотя и влияет на уровень их легитимности, но выступает далеко не единственным и даже не доминирующим показателем. В связи с этим анализ программ политических партий с использованием только

дискурса национальной идеи не дает возможности установить роль и значение партий в политическом процессе как страны, так и отдельно взятого субъекта Российской Федерации, Республики Карелия.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Либерализация партийного законодательства, ослабление требований для регистрации политических партий, привели к тому, что на сегодняшний день¹ по данным Министерства юстиции РФ в стране существуют 76 политических партий [2]. Увеличение количества партий более чем в 10 раз специфическим образом отражается на современной партийной системе страны. Названия некоторых партий комичны, какие-то из них являются типичными партиями-спойлерами. Плюралистичный характер системы формален и адаптирован к существующему законодательству. «Новые» партии (к таким можно отнести тех акторов, которые стали регистрироваться с 2012 г.) не имеют устойчивой социальной опоры, и не являются достойными конкурентами «старых» партий.

Партийное строительство до конца не разрешает политический кризис внутри страны, лишь поворачивая его в другое русло. Символизация политического пространства неизбежна. Она конструируется под воздействием многих факторов, имеет разные формы проявления, в том числе, и в программных положениях партий. Национальная идея выступает важным ориентиром, способным интегрировать общество и нивелировать его конфликтность, особенно в такой большой многонациональной стране, каковой является Россия.

В представленной работе проводится логический анализ программ политических партий современной России с использованием методики контент-анализа. Также исследуется партийное представительство в одном из субъектов Российской Федерации, в Республике Карелия, как показательного примера в северо-европейской части России и того, как в республике отражается проводимая федеральная политика. Выбор Карелии в качестве объекта исследования обусловлен ее приграничным расположением. В данном регионе можно наблюдать конфликт ценностей. С одной стороны, здесь сильны авторитарные традиции, проявляющиеся в последовательности реализации федеральной политики, в исполнении требований, поступающих из федерального центра, а, с другой — демократические тенденции, выражающиеся в противоречиях между региональной и местной администрациями, зачастую иллюстрирующих принадлежность к разным политическим силам.

Следует отметить, что в целом политическое мифотворчество играет важную роль в процессе объединения общества. Традиционно эту функцию выполняют государственные институты в лице публичных акторов политики. В большинстве своем активность негосударственных организаций, таких как политические партии, проявляется в электоральный период в фазе агитации. Однако и в том и в другом случае общество подвергается широкому воздействию различного рода мифологем, как позитивно, так и негативно маркированных. Одной из наиболее ярких, позитивно окрашенных мифологем нашей страны продолжает оставаться национальная идея, рассматриваемая как идеологическая практика трансформирующейся современной политики, нацеленной на сохранение и поддержание системных характеристик государства. По замечанию В. А. Кулинченко и Н. А. Коровниковой, «одной из основных задач, стоящих перед государством, является поддержание единого смыслового (идеологического) пространства» [1; 17]. Следовательно, разнообразные мифологемы непосредственно воздействуют на общественное сознание, по большей части направляя его в нужном для власти ключе в рамках политической системы.

Популярность мифологемы национальной идеи в России проявляется, как правило, в кризисные периоды в самом широком их значении (социально-экономические кризисы, политические от международных до внутренних, вплоть до смены власти путем выборов, и т.п.). Одним из возможных путей сохранения системы становится реанимация поиска государственной идеи для страны с целью сплочения нации. Упоминание ведущими политическими силами необходимости национальной идеи для государства может расцениваться и как своеобразный проект государственной власти, направленный на поддержание ее легитимности, и как одно из средств воздействия политических партий на общественное мнение с целью создания социальной опоры и возможного прихода к власти.

Политические партии играют большую роль в представительстве интересов, их артикуляции и агрегировании. Поэтому ценности, доминирующие в обществе, так или иначе должны быть закреплены

в программных документах политических сил. В связи с этим было интересно проанализировать, каким образом национальная идея отражается в программах существующих партий в современной России и какие из них имеют региональные отделения в Республике Карелия.

Для реализации данной задачи использовалась методика контент-анализа программ всех политических партий. Ставилась цель выявить количество тех партий, в программах которых предлагается мифологема национальной идеи как основы единства российского народа, чтобы тем самым определить реальный вес этих партий в политической системе страны. В качестве единиц анализа использовались слова и смысловые фрагменты, отражающие по нашему мнению интегративную сущность национальной идеи. Наряду с самим словосочетанием «национальная идея» (которое надо признать, в чистом виде встречается очень редко в программах партий) использовались такие дефиниции и образуемые на их основе однокоренные слова и лингвистические конструкции как «нация», «патриотизм», «единство», «согласие», «стабильность», «порядок», «сильное государство», «держава». Расширение диапазона смыслового анализа, использование дополнительных количественных единиц стало необходимой базой для более детального исследования программ партий, затрагиваемой в них национальной проблематики, интегрирующей силы и суверенной мощи страны. Анализ результатов опросов общественного мнения ведущих информационных центров страны (ФОМ, ВЦИОМ и т.п.), с одной стороны позволил выявить единицы для анализа информационного массива программ политических партий современной России из-за эпизодического использования в них словосочетания «национальная идея», а, с другой — сформулировать две группы исследовательских гипотез.

Первая группа связана с непосредственным упоминанием в программах партий словосочетания «национальная идея» как на федеральном, так и на региональном уровне в практике Республики Карелия, что выразилось в таких гипотезах, как:

- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, являются реальными силами, способными оказывать непосредственное влияние на политическую систему России. При этом данная тенденция отражается в опыте функционирования партий в Карелии;

- политические партии, которые в своих программах заявляют о национальной идее, не оказывают никакого воздействия на публичное политическое пространство страны в целом и Республики Карелия, в частности;

- невозможно установить ни прямую, ни обратно пропорциональную зависимость между программным заявлением партии о национальной идее и ее ролью в политическом процессе на федеральном и региональном уровнях.

Вторая группа гипотез позволила охватить все программы партий, т.к. акцентировалось внимание на близком смысловом значении феномена «национальная идея» и частоте упоминаний. В связи с этим были сформулированы следующие гипотезы:

- «национальная идея» выступает как нейтрально окрашенная мифологема, партия акцентирует внимание на решении иных задач, напрямую не связанных с поиском национальной интегрирующей идеи для страны;

- «национальная идея» — позитивно маркированная мифологема. Партия предстает как реальная сила в политической системе страны и региона, оказывающая непосредственное влияние на принимаемые политические решения;

- невозможность установить зависимость роли и значения партии в политическом процессе страны и отдельно взятого субъекта РФ от частоты упоминаний в программах смыслов, связанных с «национальной идеей».

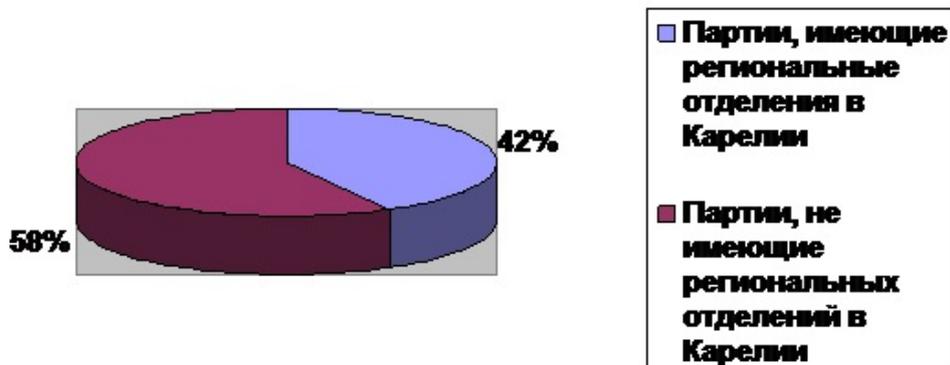
Вторая группа гипотез была сформулирована исходя из количественного анализа исследуемой информации. Взяв в качестве контрольной отметки 100 единиц, удалось выявить трехуровневое проявление признака использования партиями в своих программах дискурсов национальной идеи с тем, чтобы определить их статус, роль и значение в политической системе страны, возможности выполнения своих функций и трансляции идей в массовое сознание.

Следует также отметить, что, по нашему мнению, не имело смысла выделять в качестве отдельной группы гипотезы, непосредственно описывающие ситуацию в Карелии. Во многом это было обусловлено стремлением показать проявление существующих федеральных политических тенденций на региональном уровне.

Согласно данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Карелия по состоянию на 12 января 2015 г. [3] в РК имеются региональные отделения 32 политических партий из 76 возможных [2] (см. диаграмма 1).

Диаграмма 1.

Представленность партий на региональном уровне в Республике Карелия (на 12.01.2015)

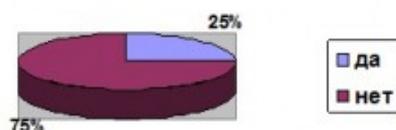

Как видно на диаграмме, почти половина зарегистрированных в России партий имеют свое представительство в Карелии. Из этого следует, что республика активно участвует в процессе партийного строительства. В регионе отражаются те изменения, которые происходят на федеральном уровне, в частности, увеличение количества региональных отделений партий и расширение партийного колорита в этом субъекте федерации.

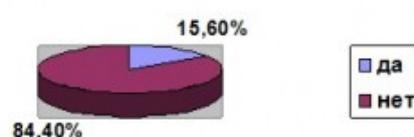
Анализ программ политических партий показал, что из 76 только в 19 из них заявляется о национальной идее, что составляет 25% от общего числа партий. На региональном уровне из 32 партий только 4 используют в программах словосочетание «национальная идея», что соответствует 12,5% (см. диаграмма 2).

Диаграмма 2. Политические партии, в программах которых используется словосочетание «национальная идея».

На федеральном уровне.

На региональном уровне, в Республике Карелия.

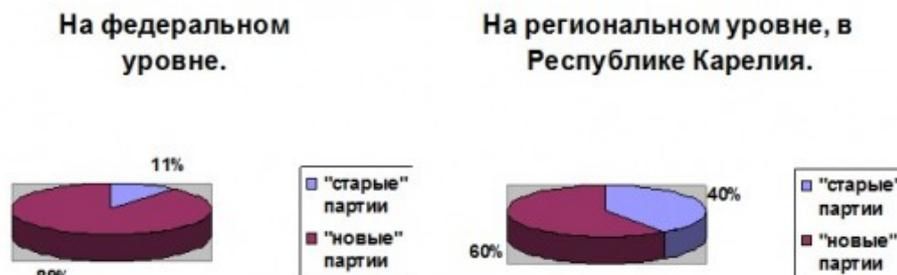

Сравнение долей использования понятия «национальная идея» в программах партий показывает, что на федеральном уровне их почти в два раза больше, чем на республиканском. Анализируя данные, можно отметить, что выраженность консервативных ценностей национальной идеи на региональном уровне проявляется слабее, чем на уровне государства в целом. Это подтверждает специфику протекания политического процесса в Карелии, считающейся одним из либеральных по характеру изменений субъектом федерации.

Также было интересно проанализировать соотношение «старых» (дата регистрации до 2012 г.) и «новых» (дата регистрации с 2012 г.) партий, напрямую заявляющих о необходимости национальной идеи. Так на федеральном уровне из 19 партий только две, «Патриоты России» и «Справедливая

Россия», относятся к «старым» партиям, что составляет всего 11%. В Республике Карелия было выявлено процентное соотношение 40% / 60%. «Справедливая Россия» и «Патриоты России», как и на федеральном уровне, относятся к «старым» партиям, к «новым» три партии: «Партия социальной защиты», «Российская социалистическая партия», «Партия духовного преображения России» (см. диаграмма 3).

Диаграмма 3. Соотношение «старых» и «новых» партий, в программах которых встречается словосочетание «национальная идея».

Хотя в Карелии, как и в России, партии, содержащие в своих программах словосочетание «национальная идея» в основном представлены «новыми» партиями, их соотношение со «старыми» явно отличается от федерального уровня. Несмотря на очевидное преобладание «новых» партий, показатели в Республике Карелия по сравнению с общероссийскими напрямую зависят от количества зарегистрированных партийных региональных отделений на ее территории. Общая же тенденция обусловлена, как представляется, тем, что, не имея должной социальной опоры, «новые» партии ищут те идеи и программные положения, которые бы «цепляли» общественность. В таком контексте усиливается мифологичность национальной идеи, проявляющейся в утилитарности ее ценностных смыслов.

Учитывая это, следует признать, что новые политические силы не оказывают серьезного воздействия на процесс принятия решений, на современные политические практики. Расширяя плюрализм политического пространства, данные партии выступают некими статистическими единицами в политической системе. Как представляется, используемая мифологема национальной идеи новыми партиями интерпретируется прагматически. Не имея опыта электоральной борьбы, они ее могут применять как одно из средств для создания хотя бы какой-то политической платформы своей деятельности.

Выявляя доказуемость поставленных гипотез первой группы на основе анализируемых данных, можно подтвердить лишь то, что нельзя выявить закономерность между программными заявлениями партий о национальной идее и их ролью в политическом процессе ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Это может быть обусловлено недостаточностью переменных данных, с одной стороны, а с другой тем, что национальная идея не является традиционной ценностью россиян, не находит отклика в массовом сознании, а ее вбрасывание политическими силами в публичное пространство является по большей части одним из инструментов поддержания их легитимации.

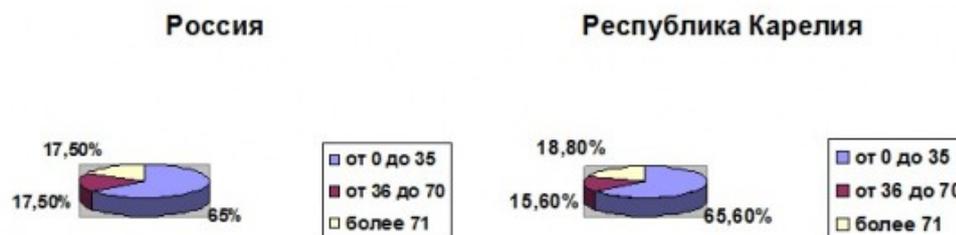
Вторая группа гипотез выстраивалась на основе всего массива количественных данных в программах партий. Была расширена дефиниция национальной идеи с целью охвата программ всех зарегистрированных партий за счет увеличения ее понятийного осмысления. Таким образом, по количеству упоминаний в программах о национальной идее как сплачивающей российское общество в терминах национальной идентичности, единства, порядка, государственной мощи, державности и т.п. удалось выявить трехуровневое проявление этого признака:

- от 0 до 35 упоминаний — отсутствует или используется на крайне низком уровне дефиниция «национальная идея»;
- от 36 до 70 упоминаний — показывает средние параметры, в программах партий наблюдается охват широкого круга проблем, в том числе и вопросов, связанных с национальной идеей, ее поиском и

проявлением в политической системе;

- более 71 упоминаний демонстрируют устойчивое проявление признака, данные партии либо обладают реальным весом в политическом процессе, либо используют понятие национальной идеи в прагматическом контексте для достижения своих целей (см. диаграмма 4).

Диаграмма 4. Анализ информационного массива дискурса «национальная идея» в программах политических партий в современной России и Карелии.

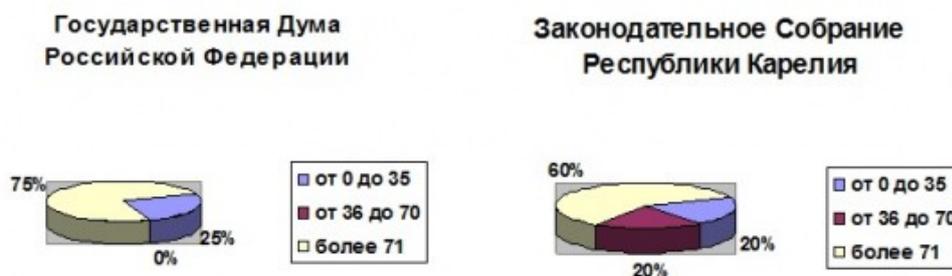

Симптоматично, что в отрицательном контексте «национальная идея» не используется в программах партий, что вызвано, как представляется, традиционной исторической сущностью самого феномена, направленного как на достижение сплочения многонационального народа, так и на внедрение в массовое сознание сверху властвующими структурами, по большей части использующими ее как популистскую идею.

Исследование полученных данных показывает схожесть проявления общероссийских тенденций на уровне отдельно взятого субъекта федерации, Республики Карелии. По большому счету в партийных программах национальная идея используется нейтрально, что свидетельствует, скорее всего, об акцентировании внимания партий на решение иных задач, напрямую не связанных с интегративной сущностью национальной идеи для страны.

В связи с тем, что реальными акторами политики выступают те политические партии, которые имеют представительство в законодательном органе власти, была проанализирована партийная принадлежность депутатов Государственной Думы РФ VI созыва и Законодательного Собрания РК V созыва. Данная информация была необходима для определения реального веса партийных сил в политической системе на федеральном и региональном уровнях и то, с какой целью они могут использовать дискурс национальной идеи в своих программах. Состав Государственной Думы представлен депутатами от четырех политических партий: «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России». Состав Законодательного Собрания Республики Карелия расширен за счет депутатов от партии «Яблоко» и самовыдвиженцев³ (см. диаграмма 5).

Диаграмма 5. Дискурс «национальная идея» в программах политических партий, имеющих представительство в законодательном органе власти.

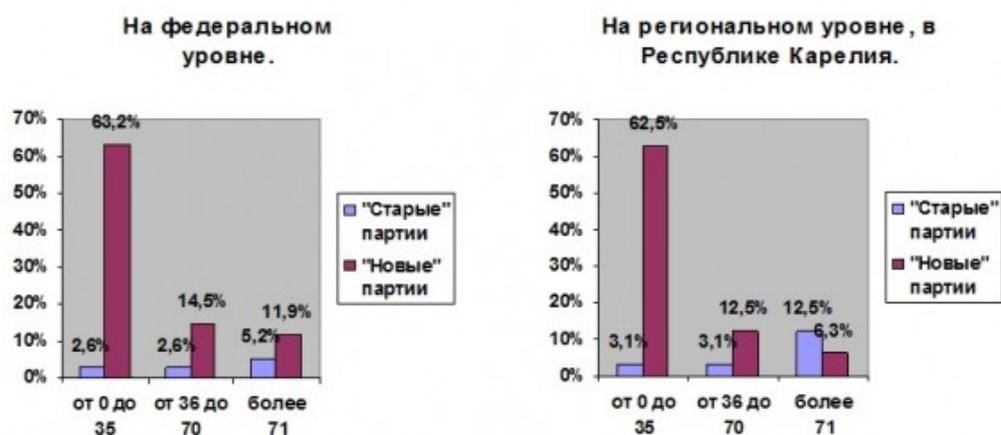

В целом видно, что ведущие политические силы страны акцентируют внимание на вопросах национального характера, сплоченности народа и сохранения величия страны. При этом интересным является то, что партия «Единая Россия», имеющая явное превосходство по количеству депутатских мандатов⁴ в законодательных органах власти, в своей программе лишь в 20 случаях использует дискурс

национальной идеи. Это подтверждает тот факт, что легитимность ведущей партии страны держится на иных основах, напрямую не связанных с проявлением национальной идеи. Анализ единичного регионального случая Карелии иллюстрирует отличную от федеральной тенденцию, вызванную тем, что в состав Законодательного Собрания РК входят депутаты от партии «Яблоко». В программе «Яблоко» количество упоминаний, связанных с проявлением феномена национальной идеи равно 41. Полученные данные в очередной раз свидетельствуют о специфике северо-западного региона страны, в политике которого сочетаются как авторитарные, так и демократические тенденции.

Наряду с этим был проведен анализ количества упоминаний дискурса «национальная идея» в программах «старых» и «новых» партий России, в целом, и Карелии, в частности (см. диаграмма 6). Из 76 партий по стране 8 являются «старыми» и 68 «новыми». На уровне региона насчитывается 6 «старых» партий и 26 «новых».

Диаграмма 6. Процентное соотношение количества упоминаний в программах «старых» и «новых» партий дискурса национальной идеи.

Полученные данные обращают на себя внимание. Так, в Карелии по первым двум показателям наблюдается следование общероссийским тенденциям. Но в республике прослеживается иное долевое соотношение количества упоминаний в программах партий в значениях более 71. По сравнению с федеральным уровнем, мы, по сути, видим «зеркальное» отражение признака в регионе. Как представляется, это вызвано дефицитом в Карелии региональных отделений «новых» партий, что свидетельствует об их недостаточном весе в политической системе страны. Также в республике сохраняются традиционные политические силы, которые, пользуясь своей легитимностью и информированностью жителей Карелии об их существовании, продолжают оказывать непосредственное воздействие на политический процесс в отдельно взятом регионе.

Проведенный анализ всего массива информационных данных, полученных из программ политических партий современной России, позволяет сделать выводы, что гипотезы второй группы частично подтверждаются. Национальная идея в партийных программах предстает как нейтральная или позитивно окрашенная мифологема. Несмотря на то, что данная идея может быть использована как интегрирующая ценность для страны, в программах политических партий она в подобном формате представлена слабо. Как правило, партии акцентируют внимание на решение иных задач, не связанных с поиском единственной объединяющей государственной идеи.

В целом, проведенное исследование показывает, что национальная идея не является доминирующей ценностью общественного сознания россиян, а становится лишь средством воздействия политической элиты на их мнение. Акторы, которые время от времени заявляют о ней по большей части мотивируются популизмом ради достижения своих целей. Таким образом, мифологичность национальной идеи усиливается ее прагматизмом для политических сил. Те партии, которые обладают реальным весом в политической системе страны, как на федеральном, так и на региональном уровнях, дискурс национальной идеи используют в популяризации его значения для граждан государства. При

этом данный феномен хотя и влияет на их уровень легитимности, но выступает далеко не единственным и даже не доминирующим показателем. В связи с этим анализ программ политических партий с использованием только дискурса национальной идеи не дает возможности установить зависимость роли и значения партий в политическом процессе как страны, так и отдельно взятого субъекта Российской Федерации.

Наряду с этим следует упомянуть и специфику политических программ партий. Самым действенным способом заявить о своих идеях любая партия может лишь в период избирательных кампаний. И даже в этом случае население потребляет лишь ту информацию, которая внедряется в массы посредством политической рекламы в ее самом широком понимании. Избиратели, как правило, знакомятся с программами на парламентских выборах и лишь с той частью конкретной программы, которую политтехнологи считают наиболее сильной, чтобы привлечь внимание общественности и заручиться поддержкой электората. Наряду с этим, на предстоящих в 2016 г. выборах депутатов Государственной Думы, как представляется, далеко не все политические партии, которые на данный момент зарегистрированы (а процесс появления новых партий продолжается) смогут стать кандидатами для участия в избирательной гонке. Таким образом, у данных партий не будет возможности репрезентовать свои программы широким массам общественности. Однако думается, что есть шанс найти какую-то иную, более продуктивную форму взаимодействия между «старыми» и «новыми» партийными силами, что найдет отражение в феномене национальной идеи для страны, ее необходимости или в определении других интегрирующих смыслов российской политики.

В завершении следует отметить, что редукционизм выбранной методики исследования, анализ единственного фактора — «национальной идеи» — в контексте партийной системы (что само по себе тоже упрощено), выбор только Республики Карелия во многом повлияли на итоговые выводы. Исследования в данном ключе могут быть продолжены путем увеличения формата переменных и базы данных.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулинченко В.А., Коровникова Н.А. Национальная идея как «легитимная идеология» современной России // *Власть*. 2008. № 11. С. 14—18.
2. Список зарегистрированных политических партий // Министерство юстиции РФ (официальный сайт). [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/ru/node/40472>, свободный. (Дата обращения: 10.05.2015).
3. Список региональных отделений политических партий Республики Карелия, зарегистрированных в соответствии с Федеральным законом «О политических партиях». [Электронный ресурс]. URL: karel.izbirkom.ru/etc/ropp20150112.doc, свободный. (Дата обращения: 22.05.2015).

REFERENCES

1. Kulichenko V. A., Korovnikova N. A. Nation Idea as «Legitimacy Ideology» of Modern Russia [Natsional'naya ideya kak «legitimnaya ideologiya» sovremennoy Rossii]. *Vlast' [Power]*, 2008. № 11. P. 14—18.
2. The List of Registered Political Parties // The Ministry of Justice of the Russian Federation (Official Website) [Electronic resource]. URL: <http://minjust.ru/ru/node/40472> (accessed 10.05.2015).
3. A list of Regional Branches of Political Parties of the Republic of Karelia, Registered In Accordance With the Federal Law «On Political Parties» [Electronic resource]. URL: karel.izbirkom.ru/etc/ropp20150112.doc (accessed 22.05.2015).

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] На 10 мая 2015 г.

[2] По состоянию на 12 января 2015 г. в России было зарегистрировано 77 партий. Однако «Партия Прогресса», имеющая региональное отделение в Республике Карелия, прекратила свое существование. В работе анализ проводится по реальному количеству зарегистрированных партий Министерством юстиции РФ, и по этой причине данные статистики региональных представительств партий отличаются.

[3] Депутаты-самовыдвиженцы были исключены из анализа.

[4] В Государственной Думе РФ VI созыва — 238 мест (53%); в Законодательном Собрании РК V созыва — 19 мест (76%) — депутаты, избранные по пропорциональной формуле смешанной избирательной системы выборов в ЗС РК.

The national idea in political party programs: federal and regional levels (with the analysis of materials in the Republic of Karelia).

**ROZHNEVA
Svetlana**

*PhD in Political Science,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, rozhneva@mail.ru*

Keywords:

National idea
nation
patriotism
unity
strong state
political parties
party system
Karelia.

Summary:

The article presents an analysis of quantitative data in programs of political parties in modern Russia according to the frequent application of the discourse of the national idea in texts. The methodology of case-study is used to research the case of Karelia in the article. The choice of Karelia is determined by the specific character of the region, its cross-border position to Northern Europe. This allows to observe a conflict of authoritarian and democratic values in the region. The logical analysis of party programs is carried out in the work together with the content-analysis methodology. The purpose of the article is to identify the number of the political party programs, which offer the mythologema of the national idea as a basis of Russian people's unity and which support party legitimacy in the country. The article represents two groups of hypotheses. The first one is connected with the frequency of the phrase «national idea» in party programs. The second hypothesis covers all party programs in terms of other meanings of the «national idea» phenomenon and the frequency of the definitions.

The main results of the author's research are as follows: the national idea is not the dominant value of the public consciousness of Russians. It is only a means of influence of political elites on the public opinion. The actors, who from time to time declare it, are mostly motivated by populism to achieve their goals. The mythological character of the national idea is enhanced by the pragmatism of political forces. The parties, which have a real weight in the political system of the country, both on the federal and regional levels, use the discourse of the national idea to promote its value to the state citizens. However, despite the fact that the phenomenon influences their legitimacy, it is neither the only nor the dominant indicator of it. So, the analysis of political party programs with the use of only the discourse of national idea does not allow to establish the role and importance of parties in the political process both of the Russian Federation, and of its particular subject, Republic of Karelia.

Проблемы в экономике республики карелия: влияние кризиса или закономерный результат

РУГАЧЕВА
Анжела
Владимировна

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и
менеджмента,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Россия, rav@sampo.ru*

ВЕРЕШКО
Сергей
Сергеевич

*студент III курса бакалавриата,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Россия, prionegosovet@mail.ru*

Ключевые слова:

экономика Республики Карелия
показатели экономического
развития Республики Карелия
формирование бюджета Республики
Карелия
выпадение налогов из бюджета
Республики Карелия
федеральная целевая программа
развития Республики Карелия

Аннотация:

В последние годы Республика Карелия занимает крайне низкие позиции в рейтингах, характеризующих социально-экономическое положение и инвестиционную привлекательность региона. Анализ макроэкономических показателей в динамике, а также сравнительный анализ отдельных финансово-экономических показателей с другими регионами страны позволяют прийти к следующим выводам: масштабы экономической деятельности в последние годы сокращались, в экономике региона имеют место структурные диспропорции, нарастают проблемы неплатежеспособности в обрабатывающих производствах, падает жизненный уровень населения. Показатели бюджетной обеспеченности характеризуются существенным дефицитом бюджета, очень большой долговой нагрузкой и ее неблагоприятной структурой. Частично такое положение обусловлено выпадением налога на прибыль в связи со вступлением в силу Федерального Закона от 16.11.2011 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков» с 1 января 2012 года.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Карелия в 2015 г. вошла в число самых неблагополучных регионов Северо-Запада по соотношению убыточных и прибыльных предприятий. На 1 сентября доля убыточных предприятий в республике составила 48%. Несмотря на столь неблагоприятные результаты экономического развития, есть надежда на улучшение сложившейся ситуации. С 2016 г. начинается реализация федеральной целевой программы "Развитие Республики Карелия на период до 2020 года", которая предусматривает 52 мероприятия в сфере развития промышленности и экономической инфраструктуры региона с объемом инвестиций 134 889,3 млн. руб. Губернатор ведет активную работу по привлечению в экономику новых крупных инвесторов, в том числе иностранных. Упорная и непрерывная работа властей по улучшению инвестиционного климата в регионе может обеспечить перспективы устойчивого развития республики.

В текущем 2015 г. были опубликованы результаты исследований ученых Высшей школы экономики по проблемам финансирования социальных расходов за счет федерального и региональных бюджетов. Авторами было выделено пять групп регионов в зависимости от индикаторов бюджетной обеспеченности по итогам 2014 г. В качестве таковых были приняты душевые доходы бюджета, суммарный долг регионов и муниципалитетов в процентах к налоговым и неналоговым доходам бюджета, дефицит бюджета. Учитывались также дотационность региональных бюджетов и структура долга. Республика Карелия вошла в четвертую группу со статусом «Дефолт». К этому типу эксперты отнесли 20 регионов с пониженной бюджетной обеспеченностью, высоким и сверхвысоким уровнем долговой нагрузки, средним и большим дефицитом бюджета [1; 42–43]. В таблице 1 для сравнения представлены некоторые результаты исследований ученых ВШЭ [1; 60–62].

Таблица 1

Показатели бюджетной обеспеченности и состояния бюджетов отдельных регионов России за 2014 г.

Показатели	Доходы на душу, тыс. руб.	Дефицит к доходам, %	Долг к налоговым и неналоговым доходам, %	Доля кредитов коммерческим банкам в долге, %	Доля трансфертов в доходах, %
В среднем по регионам	61	-5,1	33,5	45	18
<i>Тип 1 «Богатые». Высокая бюджетная обеспеченность, низкий долг, профицит или минимальный дефицит (9 регионов)</i>					
Москва	130	-3,5	10,7	17	2
Санкт-Петербург	86	-3,4	3,6	0	7
Ленинградская обл.	70	10,9	11,8	59	11
<i>Тип 2 «Более ответственные». Пониженная бюджетная обеспеченность, небольшой долг, средний и большой дефицит (12 регионов)</i>					
Пермский край	46	-9,3	12,5	83	16
Владимирская обл.	38	-3,2	15,3	32	23
Тульская обл.	49	-3,5	30,1	49	16
<i>Тип 3 «Середина». Пониженная и средняя бюджетная обеспеченность, средний долг, средний и сильный дефицит (33 региона)</i>					
Воронежская обл.	40	-14,0	58,0	33	23
Мурманская обл.	74	-17	46,5	74	14
Респ. Коми	75	-16,6	52,3	47	11
Архангельская обл.	63	-9,8	62,0	67	23
<i>Тип 4 «Дефолт». Пониженная бюджетная обеспеченность, большой долг, в основном большой дефицит (20 регионов)</i>					
Респ. Карелия	54	-10,9	96,3	32	34
Псковская обл.	45	-7,8	72,4	54	41
Новгородская обл.	45	-16,1	74,3	57	19
Вологодская обл.	47	-7,6	82,0	42	18
<i>Тип 5 «Высокодотационные». Небольшой объем долга при высокой долговой нагрузке, в основном небольшой или средний дефицит (9 регионов)</i>					
Респ. Калмыкия	38	-5,9	42,4	23	53
Чеченская Респ.	53	-3,0	48,9	0	82
Респ. Тыва	73	-4,4	49,1	11	78
Респ. Дагестан	31	-2,9	60,6	32	70

Данные таблицы демонстрируют весьма сложное положение Карельского бюджета — в сравнении со средними показателями по России дефицит больше в два раза, уровень долга выше в три раза, доля трансфертов в доходах выше почти в два раза.

В своем интервью ТАСС руководитель республики А. П. Худилайнен заявил, что дефолта не будет, а рост долга во многом есть следствие трудной экономической ситуации в стране, и власти работают над улучшением структуры долга [4].

В чем же причины сложившегося положения и каковы перспективы его развития? Доходы регионального бюджета, прежде всего, формируются за счет налоговых поступлений, и в свою очередь зависят от деловой активности предпринимательских структур. Масштабы экономической деятельности во многом есть функция общего состояния экономики, благоприятного инвестиционного климата в регионе и благоприятной институциональной среды. Попробуем проанализировать эти аспекты. В таблице 2 показана динамика валового регионального продукта Республики Карелия с 2009 г.

Таблица 2

Показатели экономического развития РК*					
Показатели	2009	2010	2011	2012	2013
Валовой региональный продукт в текущих основных ценах, млн. руб.	105 924,1	120 511,3	154 953,7	160 841,5	175 975,0
Индекс ВРП в текущих ценах, %		113,7	128,6	103,8	109,4
Индекс физического объема ВРП, %	87,6	104,4	102,2	101,5	100,7
ВРП на душу населения, руб.	162 649,3	186 651,2	241 688,0	251 981,4	276 835,1
Индекс ВРП на душу, %		114,7	129,4	104,3	109,9

*Составлена авторами по данным Карелиястат [18].

Данные таблицы демонстрируют сокращение масштабов экономической деятельности и сокращение численности населения, что также подтверждается официальными статистическими данными. Не секрет, что в последние годы из республики уезжают молодые люди в поисках работы по специальности и с более высоким уровнем оплаты труда.

В таблице 3 приведены индексы потребительских цен в Карелии по сравнению со средним российским показателем, в том числе по основным группам продуктов питания. Они были рассчитаны на основе месячных данных Росстата и характеризуют изменение уровня жизни населения в республике. Так, например, по данным Карелиястата в 2011 г. индекс среднемесячной номинальной начисленной заработной платы составил 110,6 % [18]. При этом индекс цен на продовольственные товары составил 113,9 %, а на молоко и молочную продукцию — 115,5 % [19]. В 2014 г. ситуация повторяется: зарплата индексируется на 6,8 % при среднем росте цен на 15,5 %, а по мясу и птице — на 24,9 %. В отдельные годы ситуация выглядит более стабильно, но такие резкие ценовые скачки не компенсируются благоприятными тенденциями довольно длительное время. Возникает резонный вопрос: есть ли у местных властей рычаги регулирования этих проблем. Примеры других регионов показывают, что рычаги имеются. Это и корректное определение минимально допустимого уровня зарплаты, контроль над бизнес-структурами в сфере соблюдения трудового законодательства, диалог с предпринимателями, работающими на территории Республики Карелия и другие.

Таблица 3

Индексы потребительских цен на товары, услуги в % к предыдущему периоду*

Показатели	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Базовый индекс по потребителских цен по Российской Федерации	108,0	108,1	113,7	112,1	105,5	107,6	105,5	105,6	107,5	116,6
Базовый индекс потребительских цен по Республике Карелия	107,9	109,0	114,3	112,5	105,2	107,5	105,1	104,8	106,7	115,5
Индекс потребительских цен на продовольственные товары по Республике Карелия	109,7	108,9	118,8	112,1	106,1	113,9	100,3	108,4	109,2	121,4

Индекс по109,5 требител ьских цен на мясо и птицу по Республи ке Карелия	107,4	110,5	118,4	101,8	108,9	103,7	104,8	105,0	124,9
Индекс по107,9 требител ьских цен на молоко и молочную продукци ю по Респ ублике Карелия	112,8	138,5	101,1	106,6	115,5	103,7	103,3	116,7	114,9

*Расчитано авторами по данным Росстата [19].

Что касается инвестиционного климата в республике, то на вопрос о его привлекательности в 2015 г. ответило Агентство стратегических инициатив, составившее Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Оценка регионов проводилась на основе 50 показателей по четырем направлениям: «Регуляторная среда», «Институты для бизнеса», «Инфраструктура и ресурсы», «Поддержка малого предпринимательства». Все регионы в рейтинге разделены на 5 групп. В лидерах (1 группа) оказались 5 субъектов: Республика Татарстан, Калужская область, Белгородская область, Тамбовская область и Ульяновская область. Республика Карелия экспертами была отнесена в 3 группу, в которую вошли еще 20 регионов. По направлению «Регуляторная среда» РК находится на втором месте из пяти возможных, по направлению «Институты для бизнеса» — на третьем месте. Оценка показателей в категории «Инфраструктура и ресурсы» отвела нашей республике четвертое место, а в направлении «Поддержка малого предпринимательства» — третье место [8]. Из этих оценок в итоге сложился интегральный показатель, характеризующий не самый привлекательный уровень инвестиционного климата в регионе. Может быть нам пора учиться у лидеров и пытаться перенимать успешный опыт?

По мнению директора Института экономики КарНЦ РАН Ю. В. Савельева, экономика республики имеет такие структурные проблемы как структура промышленного производства и доступность производственных мощностей. На протяжении последних десяти лет наблюдается рост доли сырьевых секторов в структуре промышленного производства в Карелии при снижении доли обрабатывающих производств. В то же время в обрабатывающих секторах средний уровень использования производственных мощностей — менее 50% [2]. Данные таблицы 4 демонстрируют увеличение доли добычи полезных ископаемых в ВРП Республики Карелия в 2,6 раза за период с 2009 по 2013 г.

Таблица 4

Структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности, %*

Вид экономической деятельности	2009	2010	2011	2012	2013
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	4,76	4,92	4,31	3,59	2,20
Рыболовство, рыболовство	1,07	1,08	1,56	1,29	1,42
Добыча полезных ископаемых	4,79	12,76	14,26	13,63	12,36
Обрабатывающие производства	14,15	17,43	14,11	12,70	14,45
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,15	5,74	4,55	4,25	5,08
Строительство	4,65	5,23	5,83	3,96	5,94
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных	11,74	11,32	11,06	12,84	11,02

средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования					
Гостиницы и рестораны	0,86	0,74	0,90	0,87	0,76
Транспорт и связь	17,64	8,50	12,58	11,93	11,09
Финансовая деятельность	0,24	0,30	0,39	0,49	0,31
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,04	6,92	7,77	8,96	8,53
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	13,24	11,99	10,33	11,83	12,03
Образование	5,39	4,72	4,15	4,51	4,97
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,72	7,07	7,00	7,82	8,22
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,56	1,28	1,20	1,34	1,63
Валовой региональный продукт (добавленная стоимость)	100	100	100	100	100

*Составлено авторами по данным Карелиястат [18].

Косвенно, проблемы, существующие в обрабатывающей промышленности региона, подтверждают данные таблиц 5 и 6 [19]. В первой представлена задолженность по заработной плате в Республике Карелия в сравнении с другими регионами Северо-Западного федерального округа. Во второй таблице — доминирующее положение в совокупной задолженности по заработной плате обрабатывающих производств Республики Карелия. Показатели таблицы 6 говорят о том, что эта ситуация не является характерной для всего Северо-Западного округа.

Таблица 5

Суммарная задолженность по заработной плате по субъектам Российской Федерации на 1 октября 2015 г.

	Всего, млн.руб.	Уд. вес в % (регионы в отношении СЗФО)
Российская Федерация	3466	100
Северо-Западный федеральный округ	701,5	20,2
Республика Карелия	47,3	6,7
Республика Коми	105,5	15,0
Архангельская область	44,5	6,3
Вологодская область	105,7	15,1
Калининградская область	16,5	2,4
Ленинградская область	79,8	11,4
Мурманская область	166,9	23,8
Новгородская область	34	4,8
Псковская область	17,4	2,5
г.Санкт-Петербург	83,9	12,0

Таблица 6

Задолженность по заработной плате в обрабатывающих производствах по Северо-Западному федеральному округу и Республике Карелия на 1 октября 2015 г.

Показатели	Всего, млн. руб.	Удельный вес в общем объеме задолженности в %
Задолженность по зарплате в обрабатывающих производствах в СЗФО	261,3	37,2
Задолженность по зарплате в обрабатывающих производствах в РК	30,2	63,8

Хочется также обратить внимание на следующий факт. Развитие туризма в Республике Карелия является одним из приоритетных направлений. Однако, по данным Карелиястат не удается проследить результаты экономической деятельности в данной сфере. Исходя из имеющейся информации, делать вывод о сколько-нибудь значимой роли предоставления туристических услуг в экономике региона говорить пока не приходится. Республика явно недостаточно использует свой потенциал в этой сфере, хотя такая задача декларируется уже много лет. И в настоящее время складывается благоприятная ситуация для ее решения.

Очень серьезной проблемой для Карельского бюджета является выпадание налогов, которые раньше поступали в казну от крупных предприятий региона. С 1 января 2012 г. вступил в силу Федеральный Закон от 16.11.2011 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с созданием консолидированной группы налогоплательщиков». В соответствии с ним в компаниях, создавших консолидированные группы, налоги уплачивает ответственный налогоплательщик по месту своей регистрации (как правило, это материнская компания). При этом все финансовые результаты бизнес группы консолидируются, а затем производится расчет налоговых платежей, причитающихся регионам, в которых расположены предприятия группы. Действующая методика расчета налоговых платежей может приводить как к «выигрышу», так и к «проигрышу». Нам не удалось найти полный перечень консолидированных групп, так как налоговые органы неохотно раскрывают эту информацию. Однако, известно, что в 2012 г. были созданы и действовали 11 консолидированных групп налогоплательщиков, с 1 января 2013 г. к ним присоединились еще 4 группы. Известно, что среди этих 15 компаний Газпром, Лукойл, Татнефть, Северсталь, Росатом и другие. В 2014 г. к списку консолидированных налогоплательщиков добавилось еще 5 корпораций: ОАО «Оскольский электрометаллургический комбинат», ЗАО «Тандер», Банк ВТБ 24 (ЗАО), ЗАО «Сибинтертелеком», ОАО междугородной и международной электрической связи «Ростелеком» [17]. Таким образом, как минимум 19 компаний платят налоги только в том регионе, где зарегистрирован ответственный налогоплательщик группы. В Карелии из перечисленных выше бизнес групп совершенно точно присутствуют компании Тандер, Банк ВТБ 24, Ростелеком, Северсталь, Росатом. По словам министра А. Максимова в 2014 г. уже 28 карельских предприятий состояло в консолидированных группах [15].

В таблице 7 наглядно представлена отрицательная динамика налоговых поступлений в региональный бюджет. В 2013 г. произошло резкое снижение суммы поступившего налога на прибыль с 5,3 млрд. рублей до 2,2 млрд. рублей. В результате доля налога на прибыль в доходах регионального бюджета снизилась с 16 % до 7 %.

Таблица 7

Доля налоговых доходов по налогу на прибыль в доходах бюджета Республики Карелия*

Год	Доходы всего	Налог на прибыль			
		организаций		физических лиц	
		тыс. руб.	доля в доходах бюджета, %	тыс. руб.	доля в доходах бюджета, %
2011	35 935 356	6 262 562	17,43	8 449 951	23,51
2012	33 150 931	5 279 888	15,93	9 230 786	27,84
2013	30 576 683	2 200 022	7,20	10 112 983	33,07
2014	34 117 736	1 837 840	5,39	10 463 557	30,67

2015(январь-сентябрь)	24 412 229	2 403 868	9,85	7 074 363	28,98
-----------------------	------------	------------------	-------------	-----------	-------

Составлено авторами по материалам Министерства финансов РК [9].

По результатам 2013 финансового года функционирование консолидированных групп налогоплательщиков в Российской Федерации привело к следующим изменениям: 63 региона (76 %) получили рост поступлений налога на прибыль организаций в размере 47,4 млрд. руб.; у 20 регионов (24 %) произошло снижение поступлений налога на прибыль организаций в размере 63,8 млрд. руб. При этом анализ показал, что 74,0% уменьшений поступлений (47,2 млрд. руб.) приходится на 4 субъекта Российской Федерации [11]. По словам А. Максимова, из всех российских регионов Карелия имеет самый большой объем выпадающих доходов по налогу на прибыль от предприятий, перешедших в консолидированные группы налогоплательщиков. Республика подготовила законодательную инициативу о необходимости доступа региональных органов власти к информации о декларировании прибыли предприятиями, входящими в состав консолидированных групп налогоплательщиков. Наличие осведомленности властей позволит им эффективнее отстаивать финансовые интересы региона [15].

Еще одной причиной осложняющей социально-экономическую ситуацию в Республике Карелия является значительное количество убыточных предприятий. По данным деловой Интернет-газеты «Вести Карелии» Карелия в 2015 г. попала в число самых неблагополучных регионов Северо-Запада по соотношению убыточных и прибыльных предприятий. На 1 сентября доля убыточных предприятий в республике составила 48%. Высокой также является и доля просроченной кредиторской задолженности карельских предприятий — 16,4%, что также является максимальным показателем по СЗФО [3].

В начале ноября 2015 г. был опубликован очередной Национальный рейтинг губернаторов России. Для нашего региона, к сожалению, он не принес хороших новостей. Губернатор Республики Карелия А. П. Худилайнен занимает в рейтинге последнее 85 место. Такой низкий результат, по мнению экспертов, частично обусловлен экономическими факторами — ростом цен на услуги ЖКХ и их низким качеством, высоким уровнем безработицы и отсутствием «изменений к лучшему». Но во многом это есть следствие сложившегося в республике противостояния политических сил [7].

Есть ли у региона перспективы выхода из сложившейся ситуации? Вероятно да, но при условии высокой степени заинтересованности властей в развитии региона, активной работе с федеральным центром, создания более привлекательных условий для инвесторов и предпринимателей.

По данным Интернет-газеты «Столица на Онего» в Карелии с начала года создано почти 1,3 тысячи новых организаций. Это главным образом предприятия розничной торговли, ремонтные мастерские самых разных направлений, агентства по операциям с недвижимостью. Увеличилось число организаций занятых в строительстве, добыче полезных ископаемых, сельском хозяйстве, гостиничном и ресторанном бизнесе и других сферах деятельности. 731 организация за этот же период была ликвидирована [10].

Нельзя не отметить активную личную деятельность губернатора по привлечению в нашу республику инвесторов. Построено и запущено в работу крупнейшее в своей сфере в России предприятие ДОК «Калевала»; недавно в Карелию пришла АФК «Система», к которой перешли активы ЗАО «Инвестлеспром»; введен в строй судостроительный завод, ведутся переговоры с иностранными инвесторами о его дальнейшем развитии. В настоящее время завод обеспечен госзаказом до первой половины 2016 г. объемом 1,2 млрд. рублей [16]. Текущий год также отмечен проведением активных переговоров с китайскими деловыми партнерами — 23 апреля состоялась встреча Главы республики с представителями одной из крупнейших китайских компаний ООО «24-е бюро китайской железнодорожной строительной корпорации». Она проявила интерес к проектам российской компании «Норд Гидро» [5]. 29 октября прошла встреча с руководителями китайской камнедобывающей компании «Чун Хуэй», которая намерена организовать добычу каменных блоков и наладить полный цикл их обработки в Карелии. Готовый продукт будет использоваться в отделке зданий в Китае. [5].

Всего за период с 2016 по 2020 г. в рамках реализации федеральной целевой программы "Развитие Республики Карелия на период до 2020 года" планируется инвестировать в экономику республики 134 889,3 млн. руб. Из них 15 000 млн. руб. (11 %) планируется получить из средств Федерального бюджета, 118 474,5 (88 %) должны составить внебюджетные источники финансирования [12]. Реализация целевой программы предусматривает 52 мероприятия в сфере развития промышленности и экономической инфраструктуры Карелии. В таблице 8 приведено количество проектов (в шт.), предусмотренное по разным направлениям модернизации экономики республики:

Таблица 8

Количество проектов по направлениям модернизации экономики Республики Карелия	
Горнопромышленный	6
Создание промышленных	8

комплекс		(индустриальных) площадок	
Лесопромышленный комплекс	10	Развитие внешнеэкономической деятельности	4
Развитие производства транспортных средств	1	Развитие транспортного комплекса и дорожного строительства	15
Развитие производства нефтепродуктов	1	Строительство и реконструкция объектов коммунального хозяйства	3
Развитие генерирующих мощностей	1	Развитие энергетической инфраструктуры"	1
Развитие агропромышленного комплекса	3		

Такие инвестиционные вливания, безусловно, способны оживить экономику республики. Хочется надеяться, что заявленные масштабы инвестиций, действительно, будут вложены. Значительная доля внебюджетных источников — средства частных инвесторов. Они могут быть заморожены, если инвестиционный климат в стране и в республике не будет улучшаться. У власти есть инструменты поддержки предпринимательских структур, но всегда ли она их использует в достаточной степени активно и в полном объеме? Будем надеяться на лучшее. По крайней мере, пока прогнозы в части собственных усилий региона оптимистичны (таблица 9).

Таблица 9

Прогнозные значения доходов бюджета Республики Карелия на 2015—2017 гг., тыс. руб. [5]

Наименование доходов	Прогноз 2015 года	Прогноз 2016 года	Прогноз 2017 года
Налоговые и неналоговые доходы, всего	18 722 703	20 307 464	21 439 446
Налоговые доходы	17 759 162	19 459 950	20 626 310

Однако это не снимает с повестки дня вопрос о выпадающих доходах от предприятий, входящих в консолидированные группы налогоплательщиков, и желании федеральной власти компенсировать эти потери. Прогнозируемая структура доходов регионального бюджета представлена в Таблице 10.

Таблица 10

Прогнозная структура доходов бюджета Республики Карелия на 2015—2017 гг., %*

Наименование доходов	Прогноз 2015 года	Прогноз 2016 года	Прогноз 2017 года
Собственные доходы бюджета (налоговые и неналоговые) в процентах к общим доходам бюджета	72,0	78,32	77,48
Налоговые доходы бюджета в процентах к собственным доходам – всего	94,9	95,8	96,2
В том числе по видам налогов в процентах к собственным доходам:			
Налог на прибыль организаций	15,8	20,1	20,3
Налог на доходы физических лиц	41,9	41,7	42,6
Акцизы на пиво и алкогольную продукцию	3,4	3,2	3,1
Доходы от уплаты акцизов на нефтепродукты	8,1	6,3	5,4
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	6,2	5,8	5,8
Налог на имущество организаций	12,9	12,4	12,3
Транспортный налог	3,5	3,7	4,0
Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	2,9	2,6	2,6

Ругачева А. В. , Верешко С. С. Проблемы в экономике республики карелия: влияние кризиса или закономерный результат // *Studia Humanitatis Borealis*. 2015. № 2. С. 43-54.

в том числе	0,0	0,0	0,0
Налог на добычу полезных ископаемых	2,6	2,4	2,3
Государственная пошлина	0,1	0,1	0,1
Неналоговые доходы в процентах к собственным доходам – всего	5,1	4,2	3,8
В том числе по видам неналоговых доходов в процентах к собственным доходам:			
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной собственности	0,8	0,7	0,7
Платежи при пользовании природными ресурсами	2,1	1,9	1,9
в том числе			
Плата за использование лесов	1,3	1,2	1,2
Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	0,9	0,3	0,0
Административные платежи и сборы	0,0	0,0	0,0
Штрафы, санкции, возмещения ущерба	1,3	1,2	1,2

*Составлено авторами по материалам Министерства финансов РК [5].

Как мы видим, в доходах карельского бюджета по-прежнему предусмотрено более 20% трансфертов. И этого явно будет недостаточно при существующей долговой нагрузке бюджета. Так что в ближайшее время социально-экономическая ситуация в Республике Карелия, скорее всего, будет оставаться непростой. Ее улучшение требует большой непрерывной работы властей по улучшению инвестиционного климата в регионе, эффективной работы по формированию доходной части бюджета, активного взаимодействия с предпринимательскими структурами.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубаревич Н. В. Социальные расходы в России: федеральный и региональный бюджеты / Н.В.Зубаревич, Е.А.Горина. Москва : НИУ ВШЭ, 2015. 63 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.hse.ru/books/149966735>. (Дата обращения: 29.10.2015).
2. Савельев Ю. Как решить структурные проблемы карельской экономики в условиях кризиса? / Ю. Савельев. [Электронный ресурс]. URL: <http://rk.karelia.ru/opinion/kak-reshit-strukturnye-problemy-karelskoj-ekonomiki-v-usloviyah-krizisa/#!prettyPhoto>. (Дата обращения: 01.11.2015).
3. Доля убыточных предприятий в Карелии выше, чем в СЗФО // Деловая Интернет-газета «Вести Карелии». [Электронный ресурс]. URL: http://vesti.karelia.ru/news/dolya_ubytochnyh_predpriyatij_v_karelii_vyshe_chem_v_szfo/. (Дата обращения: 01.11.2015).
4. Информационное агентство «Республика». Петрозаводск, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://rk.karelia.ru/social/aleksandr-hudilajnen-ni-o-kakom-defolte-v-karelii-rechi-byt-ne-mozhet/>. (Дата обращения: 10.11.2015).
5. Карелия официальная. Официальный Интернет-портал Республики Карелия. Петрозаводск, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.karelia.ru/News/2014/04/0425_18.html. (Дата обращения: 10.11.2015).

6. Министерство финансов Республики Карелия. Министерство финансов Республики Карелия. [Электронный ресурс] URL: <http://minfin.karelia.ru/ispolnenie-konsolidirovannogo-bjudzheta/>. (Дата обращения: 01.11.2015).
7. Национальный рейтинг губернаторов (Сентябрь-Октябрь, 2015). [Электронный ресурс]. URL: <http://russia-rating.ru/info/8899.html>. (Дата обращения: 10.11.2015).
8. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Результаты 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://asi.ru/upload/iblock/be1/Prezentazia_final.pdf. (Дата обращения: 13.11.2015).
9. Министерство финансов Республики Карелия. Министерство финансов Республики Карелия. [Электронный ресурс]. URL: <http://minfin.karelia.ru/ispolnenie-konsolidirovannogo-bjudzheta/>. (Дата обращения: 01.11.2015).
10. Новых компаний в Карелии создано вдвое больше, чем ликвидировано // Интернет-газета Столица на Онего. Петрозаводск, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stolica.onego.ru/news/271029.html>. (Дата обращения: 11.11.2015).
11. Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов // КонсультантПлюс: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126727>. (Дата обращения: 10.11.2015).
12. Об утверждении федеральной целевой программы "Развитие Республики Карелия на период до 2020 года. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/>. (Дата обращения: 11.11.2015).
13. Постановление правительства РФ от 9 июня 2015 года N 570 «Об утверждении федеральной целевой программы "Развитие Республики Карелия на период до 2020 года". Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации Кодекс. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/>. (Дата обращения: 10.11.1015).
14. Приложение о прогнозируемых объемах поступлений по основным видам налоговых и неналоговых доходов. Министерство финансов Республики Карелия. [Электронный ресурс]. URL: <http://minfin.karelia.ru/2015-2017-gody/>. (Дата обращения: 01.11.2015).
15. Регионы должны знать, какую прибыль получают консолидированные группы налогоплательщиков // Интернет-газета «Карелия» [Электронный ресурс]. URL: <http://izdat.karelia.ru/index.php?newsid=9727>. (Дата обращения: 12.11.2015).
16. Судостроительному заводу в Карелии понадобится льготное финансирование // Интернет-газета Столица на Онего. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stolica.onego.ru/news/271029.html>. (Дата обращения: 06.11.2015).
17. Список консолидированных групп налогоплательщиков, договоры о создании которых зарегистрированы налоговыми органами в течение 2014 года. // КонсультантПлюс: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req>. (Дата обращения: 13.11.2015).
18. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://krl.gks.ru/>. (Дата обращения: 01.10.2015).
19. Центральная база статистических данных. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi>. (Дата обращения: 01.10.2015).

REFERENCES

1. Zubarevich N. V. Social spending in Russia: federal and regional budget. [Social'nye raskhody v Rossii]. [Electronic resource]. URL: <http://publications.hse.ru/books/149966735> (accessed 29.10.2015).

2. Savel'ev J. How to solve the structural problems of the Karelian economy in times of crisis? [Kak reshit' strukturnye problemy karel'skoy ekonomiki v usloviyakh krizisa?]. [Electronic resource]. URL: <http://rk.karelia.ru/opinion/kak-reshit-strukturnye-problemy-karel'skoj-ekonomiki-v-usloviyah-krizisa/#!prettyPhoto> (accessed 01.11.2015).
3. The share of unprofitable enterprises in Karelia higher than in the NWF. [Dolya ubytochnykh predpriyatij v Karelii vyshe, chem v SZFO]. Business Internet journal "News of Karelia". [Delovaja Internet-gazeta «Vesti Karelii»]. [Electronic resource]. URL: http://vesti.karelia.ru/neshhs/dolja_ubytochnyh_predpriyatij_v_karelii_vyshe_chem_v_szfo/ (accessed 01.11.2015).
4. Information Agency "Republic". [Informatsionnoe agentstvo «Respublika»]. [Electronic resource] URL: <http://rk.karelia.ru/social/aleksandr-hudilajnen-ni-o-kakom-defolte-v-karelii-rechi-byt-ne-mozhet/> (accessed 10.11.2015).
5. Official Karelia. [Karelija oficial'naja]. Official Internet-portal of The Republic of the Karelia. [Ofitsial'nyi Internet-portal Respubliki Kareliya]. [Electronic resource]. URL: http://gov.karelia.ru/News/2014/04/0425_18.html (accessed 01.11.2015).
6. The Ministry of Finance of the Republic of Karelia. [Ministerstvo finansov Respubliki Kareliya]. [Electronic resource]. URL: <http://minfin.karelia.ru/ispolnenie-konsolidirovannogo-bjudzheta/> (accessed 01.11.2015).
7. The national rating of governors. [Natsional'nyi reyting gubernatorov]. [Electronic resource]. URL: <http://russia-rating.ru/info/8899.html> (accessed 10.11.2015).
8. The national rating of investment climate in the Russian regions. [Natsional'nyi reyting sostoyaniya investitsionnogo klimata v sub'ektakh RF]. [Electronic resource]. URL: http://asi.ru/upload/iblock/be1/Prezentazia_final.pdf (accessed 01.11.2015).
9. The Ministry of Finance of the Republic of Karelia. [Ministerstvo finansov Respubliki Karelija]. [Electronic resource]. URL: <http://minfin.karelia.ru/ispolnenie-konsolidirovannogo-bjudzheta/> (accessed 01.11.2015).
10. New companies have been created in Karelia twice more than have been eliminated. [Novykh kompaniy v Karelii sozdano vdvoe bol'she, chem likvidirovano]. Internet journal "Capital on Onego". [Internet-gazeta Stolica na Onego]. [Electronic resource]. URL: <http://shhshhshh.stolica.onego.ru/neshhs/271029.html> (accessed 10.11.2015).
11. Main directions of tax policy of the Russian Federation for 2015 and for the planning period of 2016 and 2017. [Osnovnye napravleniya nalogovoy politiki Rossiyskoy Federatsii na 2015 god i na planovyi period 2016 i 2017 godov]. Company ConsultantPlus. [Kompaniya «Konsul'tantPlyus»]. [Electronic resource]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reja=doc;base=LAShh;n=126727> (accessed 10.11.2015).
12. About approval of the federal target program "Development of the Republic of Karelia for the period up to 2020". [Ob utverzhdenii federal'noy tselevoy programmy "Razvitie Respubliki Kareliya na period do 2020 goda"]. [Elektronnyi fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii Kodeks]. [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/> (accessed 11.11.2015).
13. Decision of Government from June 9, 2015 N 570 "About approval of the federal target program "Development of the Republic of Karelia for the period up to 2020". [Postanovlenie pravitel'stva RF ot 9 iyunya 2015 goda N 570 «Ob utverzhdenii federal'noy tselevoy programmy "Razvitie Respubliki Karelija na period do 2020 goda"». [Elektronnyi fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii Kodeks]. [Electronic resource]. URL: <http://docs.cntd.ru/> (accessed 10.11.2015).
14. The application of the projected income of the main types of tax and non-tax revenues. [Prilozhenie o prognoziruemym ob'emakh postupleniy po osnovnym vidam nalogovykh i nenalogovykh dokhodov]. The Ministry of Finance of the Republic of Karelia. [Ministerstvo finansov Respubliki Karelija]. [Electronic resource]. URL: <http://minfin.karelia.ru/2015-2017-gody/> (accessed 01.11.2015).
15. The regions have to know how much profit is obtained consolidated group of taxpayers. [Regiony dolzhny znat', kakuyu pribyl' poluchayut konsolidirovannye gruppy nalogoplatel'schikov]. Internet-gazeta "Kareliya". [Electronic resource]. URL: <http://izdat.karelia.ru/indeh.php?neshhsid=9727> (accessed 12.11.2015).
16. Ship-building factory in Karelia need concessional financing. [Sudostroitel'nomu zavodu v Karelii ponadobitsya l'gotnoe finansirovanie]. Internet-gazeta "Kareliya". [Electronic resource]. URL: <http://shhshhshh.stolica.onego.ru/neshhs/271029.html> (accessed 06.11.2015).
17. List of consolidated groups of taxpayers, treaties establishing been registered by the tax authorities during

2014. [Spisok konsolidirovannykh grupp nalogoplatel'schikov, dogovory o sozdanii kotorykh zaregistrovany nalogovymi organami v techenie 2014 goda]. Kompaniya «Konsul'tantPljus». [Electronic resource]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reja> (accessed 13.11.2015).

18. The territorial agency of the Federal State Statistics Service of the Republic of Karelia. [Territorial'nyi organ federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Karelija]. [Electronic resource]. URL: <http://krl.gks.ru/> (accessed 01.10.2015).

19. The central statistical database. [Central'naja baza statisticheskikh dannyh]. The Federal State Statistics Service. [Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki]. [Electronic resource]. URL: <http://shhshhshh.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi> (accessed 01.10.2015).

HET

RUGACHEVA
Anzhela

*PhD in Economics,
Department of Economic Theory and Management,
Faculty of Economics,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, rav@sampo.ru*

VERESHKO
Sergey

*3rd year student,
Faculty of Economics,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, prionegosovet@mail.ru*

Keywords:

Economy of Republic of Karelia
indicators of economic development of
Republic of Karelia
budgeting in Republic of Karelia
loss of corporate income tax revenues
in Republic of Karelia
the federal target program for
development of Republic of Karelia.

Summary:

In recent years, Republic of Karelia has extremely low position in the rankings characterizing socio-economic situation and the investment attractiveness of the region. Analysis of the macroeconomic dynamics, as well as analysis of some financial indicators in comparison with other regions of the country results in the following conclusions. Economy of Republic of Karelia is decreasing, there are structural disparities in it, problems of financial insolvency in the manufacturing sector are growing, and standards of living falling. Budget of Republic of Karelia has a significant deficit; government debt is very large and has unfavorable structure. The situation has been partly caused by loss of corporate income tax revenues after recent changes in tax legislation that allowed the largest taxpayers to form consolidated groups.

УДК 330.322

Целевые программы как инструмент государственных инвестиций в жилищное строительство (на примере Республики Карелия)

КАДНИКОВА
Татьяна
Геннадьевна

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Петрозаводский государственный университет,
экономический факультет,
Петрозаводск, Россия, goldsun@mail.ru*

Ключевые слова:

государственные целевые программы
цели
задачи
источники финансирования государственных программ в жилищном секторе Республики Карелия

Аннотация:

Динамика инвестиций является базовым параметром воспроизводственного процесса. В Республике Карелия, как и в целом по России, решение жилищных проблем граждан относится к приоритетным направлениям государственной политики. Несмотря на заметную активизацию государства в сфере жилищного строительства, условия приобретения жилья остаются непосильными для большинства, следовательно, роль государства в данной сфере должна, в первую очередь, обозначаться как инвестора. В этой связи программный инструмент становится важнейшим инвестиционным механизмом. В статье проведен анализ видов, целей, задач и источников финансирования государственных программ в сфере жилищного строительства Республики Карелия. По результатам анализа был сделан вывод о том, что создание эффективного сегмента в сфере жилищного строительства невозможно без поддержки со стороны государства, в том числе инвестиционной. Меры должны быть проработаны в действенной жилищной политике.

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Особым инструментом государственного финансирования инвестиционного характера является реализация федеральных целевых программ. Федеральные целевые программы являются эффективным инструментом финансового обеспечения инвестиционных проектов и представляют собой увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам комплекс научно-исследовательских, опытно-конструкторских, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других мероприятий, обеспечивающих эффективное решение задач в области государственного, экономического, экологического, социального и культурного развития РФ. Порядок разработки и реализации названных программ регламентируется законодательно [6]. Федеральные целевые программы могут финансироваться за счет федерального бюджета, внебюджетных средств, а также средств бюджетов субъектов РФ.

По ряду объективных причин бюджетные инвестиции, выделяемые на реализацию целевых программ, все в большей степени направляются на развитие инфраструктуры и социальной сферы. В условиях ограниченности ресурсов у государства нет возможностей для широкомасштабной поддержки реального сектора экономики, и главным направлением оживления инвестиционной активности в этих

сферах остается стимулирование частных инвестиций. В то же время негосударственный сектор экономики проявляет склонность к инвестированию лишь тех проектов, которые способны обеспечить быстрый возврат вложенных средств. Финансирование развития социальной сферы в разрезе прошедших экспертизу целевых программ очевидно не сулит мгновенной отдачи, а ожидаемый эффект зачастую невозможно выразить в стоимостном измерении.

Важно также, чтобы выделяемые ресурсы осваивались в отечественном инвестиционном комплексе, способствуя получению мультипликативного эффекта от бюджетных инвестиций. Объекты, включенные в федеральные целевые программы, финансируются из бюджета в рамках ежегодно утверждаемой Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП), аналоги которой есть и в большинстве российских регионов. Несомненна роль данных программ (как целевых, так и адресных инвестиционных) как важнейшего инструмента решения социальных проблем.

В настоящее время улучшение качества жизни населения в Российской Федерации связано с реализацией ряда программ, касающихся основных проблемных сфер жизнедеятельности: здравоохранение, образование и жилищное строительство. Сектор жилищного строительства играет особую роль в процессе формирования качества жизни населения. Являясь одним из базовых элементов макроэкономической системы государства, он выполняет целый ряд функций, в том числе и социальную. На фоне достаточно низких российских показателей (уровень обеспеченности населения жилой площадью, количество комнат, которые занимает среднестатистическая семья, благоустройство и степени изношенности жилищного фонда) в сравнении с развитыми странами степень отставания становится все более внушительной, отдельное внимание привлекает финансовая возможность среднестатистической российской семьи приобрести жилье.

На сегодняшний день на федеральном уровне действуют 2 федеральные целевые программы и 5 подпрограмм, в части которых реализуется государственное финансирование обеспечения жильем населения. Наибольший объем средств выделяется в рамках Программы «Жилище», за 5 лет на федеральном уровне планируется потратить около 600 млрд рублей, а на республиканском уровне — 15 млрд. рублей. В Карелии на сегодняшний день действуют 3 региональные программы.

Рассмотрим цели, задачи, источники финансирования и ожидаемые результаты данных региональных программ более подробно.

Долгосрочная целевая программа «Жилище» на 2011—2015 гг.

Цель — создание условий для увеличения объемов жилищного строительства и повышения средней обеспеченности жильем на одного проживающего в Республике Карелия.

Задачи:

1. государственная поддержка населения в улучшении жилищных условий;
2. создание условий для развития массового строительства жилья экономкласса.

Подпрограммы:

1. «Обеспечение жильем молодых семей»;
2. «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством»;
3. «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия».

Объем финансирования: за счет всех источников финансирования — 15,5 млрд. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета — 2,8 млрд. руб. (18,06%), за счет средств бюджета Республики Карелия — 1,4 млрд. руб. (9,03%), за счет средств внебюджетных источников — 11,3 млрд. руб. (72,90%). Объем и структура финансирования долгосрочной целевой программы (ДЦП) в 2011—2015 гг. показаны соответственно в рис. 1.

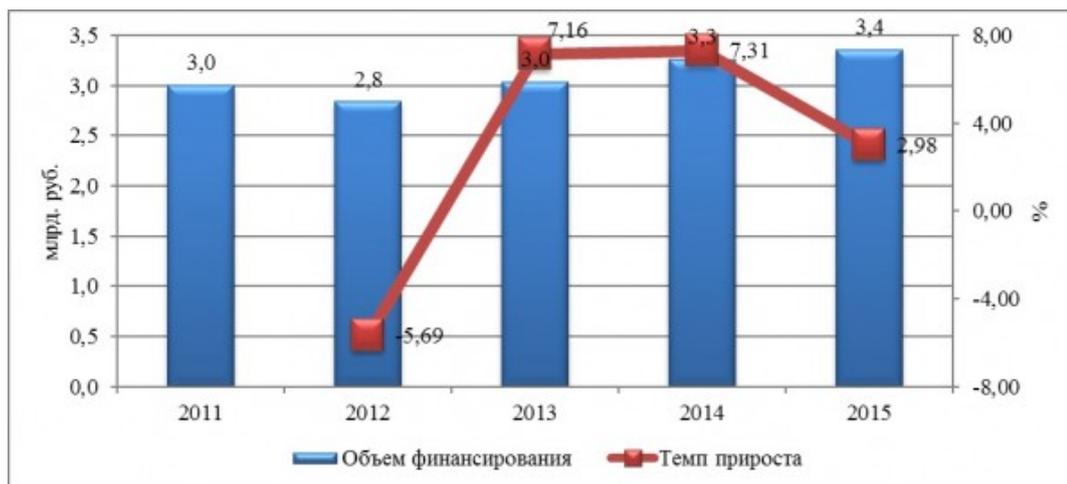

Рис. 1. Объем финансирования подпрограммы ДЦП «Жилище» в 2011–2015 гг. Ожидаемые результаты реализации:

1. увеличение годового объема ввода жилья;
2. улучшение жилищных условий граждан (рост жилищной обеспеченности);
3. повышение доступности приобретения жилья;
4. увеличение доли семей, которым будет доступно приобретение жилья, соответствующего стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств.

Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей»

Цель — государственная поддержка молодых семей в улучшении жилищных условий.

Задачи:

1. предоставление молодым семьям-участникам подпрограммы социальных выплат на приобретение жилья экономкласса или строительство индивидуального жилого дома экономкласса;
2. создание условий для привлечения молодыми семьями собственных средств, дополнительных финансовых средств кредитных и других организаций, предоставляющих кредиты и займы, в том числе ипотечных жилищных кредитов для приобретения жилья или строительства индивидуального жилья.

Объем финансирования: за счет всех источников финансирования — 4,4 млрд. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета — 1,0 млрд. руб. (22,72%), за счет средств бюджета Республики Карелия — 0,4 млрд. руб. (9,09%), за счет средств внебюджетных источников — 3,0 млрд. руб. (68,18%). Объем и структура финансирования подпрограммы в 2011–2015 гг. показаны соответственно в рис. 2 и 3.

Рис. 2. Объем финансирования подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» в 2011 – 2015 гг.

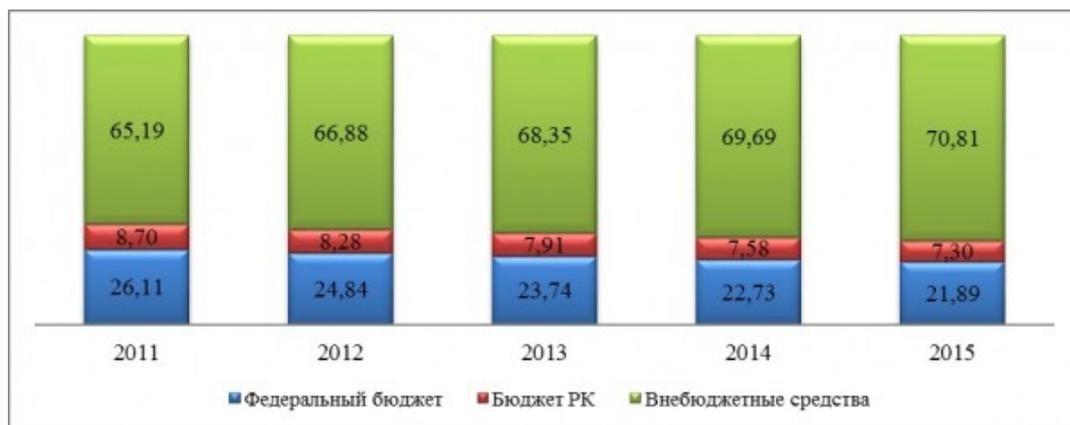

Рис. 3. Структура финансирования подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» в 2011 – 2015 гг. (%).

Ожидаемые результаты реализации:

1. обеспечение жильем молодых семей, признанных участниками подпрограммы;
2. создание условий для повышения уровня обеспеченности жильем молодых семей;
3. привлечение в жилищную сферу дополнительных финансовых средств кредитных и других организаций, предоставляющих ипотечные жилищные кредиты и займы, а также собственных средств граждан;
4. увеличение объема выдаваемых ипотечных жилищных кредитов.

Подпрограмма «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством» на 2011—2015 гг.

Цель — оказание государственной поддержки населению в улучшении жилищных условий в части обеспечения жилыми помещениями граждан РФ, перед которыми государство имеет обязательства в соответствии с законодательством РФ.

Задачи:

1. предоставление социальных выплат гражданам РФ, перед которыми государство имеет обязательства по обеспечению жилыми помещениями в соответствии с законодательством РФ;
2. обеспечение жилыми помещениями граждан, уволенных с военной службы, и приравненных к ним лиц за счет субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ.

Объем финансирования — 1,8 млрд. руб. за счет средств федерального бюджета, установленных федеральным законодательством» в 2011—2015 гг. Объем финансирования подпрограммы в 2011—2015 гг. показан в рис. 4.

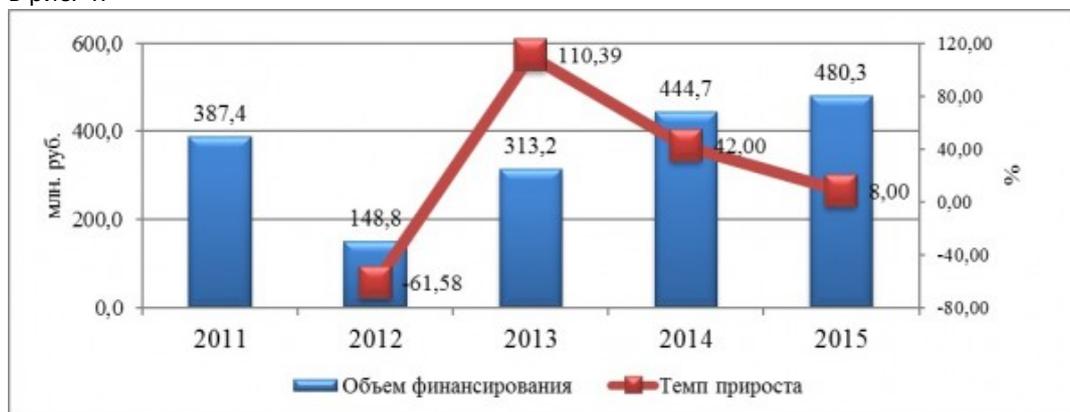

Рис. 4. Объем финансирования подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан»

Ожидаемые результаты реализации:

1. обеспечение жилыми помещениями всех граждан, уволенных с военной службы и приравненных к ним лиц;
2. обеспечение жилыми помещениями иных категорий граждан, установленных федеральным законодательством, посредством механизма государственных жилищных сертификатов.

Подпрограмма «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия» на 2011—2015 гг.

Цель — государственная поддержка населения в улучшении жилищных условий.

Задачи:

1. обеспечение организационного механизма государственной поддержки развития жилищного и ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия;
2. развитие одноуровневой системы жилищного и ипотечного жилищного кредитования за счет вовлечения ресурсов банков, действующих на территории республики, и двухуровневой системы ипотечного жилищного кредитования за счет продажи ипотечных жилищных кредитов (займов) специализированным ипотечным агентствам в целях привлечения долгосрочных кредитных ресурсов и оптимизации распределения рисков;
3. обеспечение становления и устойчивого развития унифицированной системы рефинансирования ипотечных жилищных кредитов (займов).

Объем финансирования:

в рамках реализации подпрограммы планируется привлечение средств в объеме 8 325 млн. руб. за счет следующих источников:

1. средств граждан-участников подпрограммы, используемых для частичной оплаты стоимости приобретаемого или строящегося жилья;
2. средств уполномоченных банков, предоставляющих гражданам-участникам подпрограммы ипотечные жилищные кредиты (займы);
3. средств бюджета Республики Карелия, направляемых на реализацию механизма оказания государственной поддержки гражданам, проживающим на территории Республики Карелия, при улучшении ими жилищных условий с использованием ипотечных жилищных кредитов (займов) и оказание государственной поддержки региональному оператору в целях обеспечения его деятельности.

Общий объем финансирования подпрограммы за счет средств бюджета Республики Карелия на 2011—2015 гг. составит 1 011,1 млн. руб. Объем финансирования подпрограммы за счет средств бюджета Республики Карелия в 2011—2015 гг. показан в рис. 5.

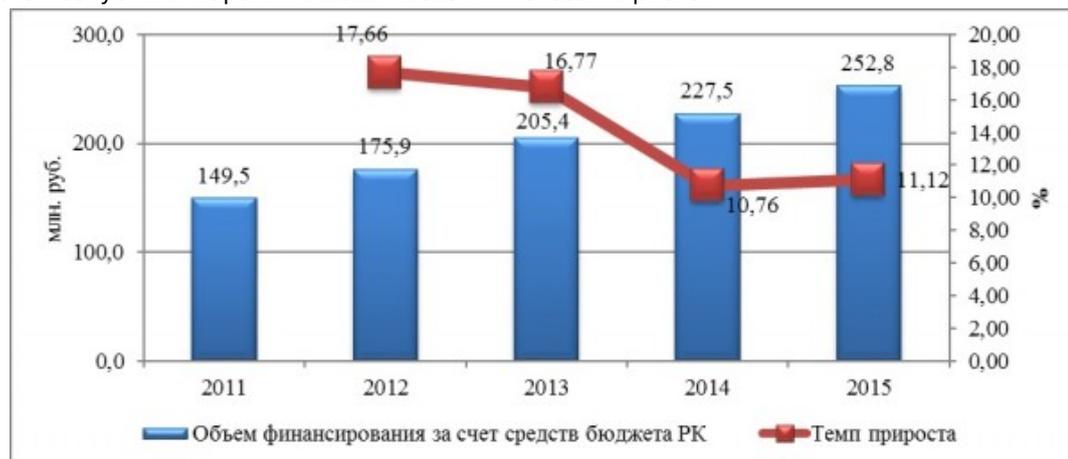

Рис. 5. Объем финансирования подпрограммы «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия» за счет средств бюджета Республики Карелия в 2011—2015 гг.

Ожидаемые результаты реализации:

1. улучшение жилищных условий граждан (рост жилищной обеспеченности);
2. повышение доступности приобретения жилья;
3. увеличение доли семей, которым будет доступно приобретение жилья, соответствующего

- стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств;
- увеличение количества жителей в Республике Карелия, улучшивших жилищные условия с помощью ипотечных жилищных кредитов (займов).

Здесь стоит отметить, что действие данной подпрограммы было приостановлено в 2015 г. в части включения граждан в число участников подпрограммы «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия» на 2011—2015 гг., которым оказывается поддержка в виде компенсаций процентной ставки по ипотечным жилищным кредитам (займам).

Региональная программа стимулирования развития жилищного строительства в Республике Карелия на 2011—2015 гг.

Цель — повышение доступности жилья для населения путем строительства жилья экономического класса, отвечающего требованиям энергоэффективности, а также ценовой доступности, в том числе достижение установленных для Республики Карелия контрольных значений целевого показателя по вводу жилья.

Задачи:

- обеспечение ежегодного роста объемов ввода жилья;
- создание условий для стимулирования инвестиционной активности в жилищном строительстве, в том числе в части реализации проектов комплексного освоения и развития территорий;
- государственная поддержка граждан при приобретении жилья и улучшении жилищных условий;
- создание условий для повышения доступности ипотечного жилищного кредитования для граждан республики и внедрение новых ипотечных программных продуктов, реализуемых ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию»;
- обеспечение устойчивого развития унифицированной системы рефинансирования ипотечных жилищных кредитов (займов);
- создание условий для обеспечения земельных участков, предназначенных под жилищное строительство социальной, коммунальной и дорожной инфраструктурой;
- увеличение доли строительства жилья экономического класса, включая создание фонда жилья социального найма, доходных домов.

Объем финансирования:

за счет всех источников финансирования составит — 34,0 млрд. руб., в том числе 1,8 млрд. рублей (5,00%) — средства федерального бюджета, 25,2 млрд. руб. (74,12%) — средства бюджета Республики Карелия, 7,1 млрд. руб. (20,88%) — средства местных бюджетов. Объем и структура финансирования программы в 2011 – 2015 гг. показаны соответственно на рис. 6 и 7.

Рис. 6. Объем финансирования региональной программы стимулирования развития жилищного строительства в Республике Карелия на 2011—2015 гг.

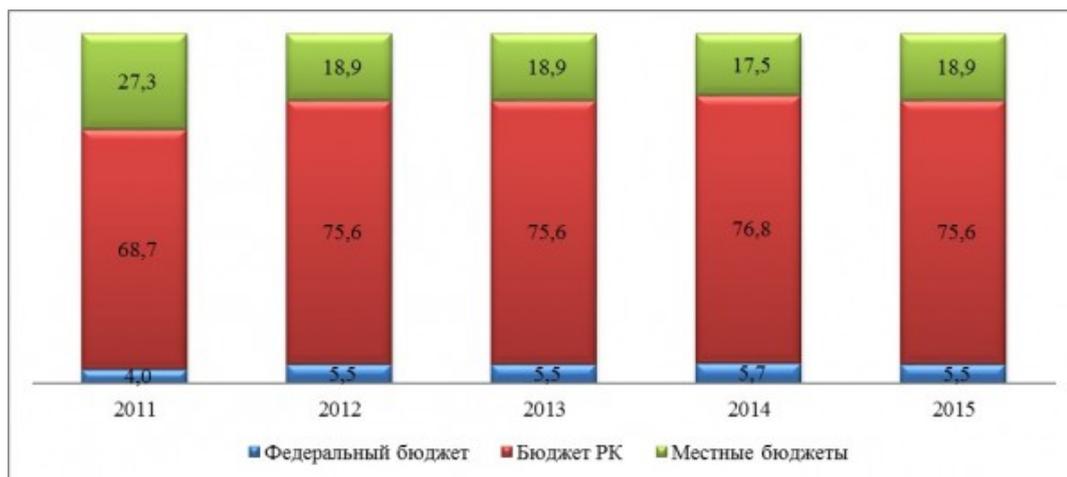

Рис. 7. Структура финансирования региональной программы стимулирования развития жилищного строительства в Республике Карелия на 2011—2015 гг., %

Ожидаемые результаты реализации:

1. рост годового объема ввода жилья;
2. увеличение доли годового ввода жилья экономического класса и малоэтажного жилья;
3. рост обеспеченности населения жильем;
4. создание фонда жилья социального найма для граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и не имеющих финансовых возможностей для решения данного вопроса в рамках участия в программах социальной и коммерческой ипотеки, а также формирование маневренного жилищного фонда;
5. формирование условий для строительства доходных домов на жилищном рынке;
6. ежегодный прирост доли семей, имеющих возможность приобрести жилье, соответствующее стандартам обеспечения жилыми помещениями, с помощью собственных и заемных средств.

Программа "Жилье для российской семьи"

Приказом Минстроя России от 3 сентября 2014 г. № 521/пР Республика Карелия включена в перечень субъектов Российской Федерации, на территории которых будет осуществлена реализация программы «Жилье для российской семьи». В 2014 г. было заключено соглашение об обеспечении строительства жилья экономического класса в рамках Программы между Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Правительством Республики Карелия и ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию». В 2015 г. идут подготовительные работы, в том числе проводится отбор земельных участков, находящихся в частной собственности или в аренде у застройщиков, отбор таких застройщиков и проектов жилищного строительства на указанных земельных участках для участия в реализации «Жилье для российской семьи».

В результате реализации Программы будет осуществлен ввод объектов жилищного строительства в объеме 25 тыс. кв. метров жилья экономического класса.

Долгосрочная инвестиционная программа Республики Карелия на 2012—2015 гг. (в части жилищного строительства)

Предполагает:

1. завершение строительства 60 квартирного жилого дома в пос. Вяртсиля сметной стоимостью 60 млн. руб. (2012—2013 гг.): объем капитальных вложений за счет средств бюджета Республики Карелия — 10 млн. руб., внебюджетных источников — 50 млн. руб.;
2. строительство 60 квартирного жилого дома в г. Петрозаводске сметной стоимостью 140 млн. руб. (2014—2015 гг.): объем капитальных вложений за счет средств бюджета Республики Карелия — 70 млн. руб., муниципального бюджета Петрозаводского городского округа — 70 млн. руб.

Объем финансирования:

за счет всех источников финансирования — 200 млн. руб., в том числе за счет средств бюджета Республики Карелия — 80 млн. руб. (40,00%), муниципального бюджета Петрозаводского городского округа — 70 млн. руб. (35,00%), средств внебюджетных источников — 50 млн. руб. (25,00%). Структура

финансирования программы показана в рис. 8.

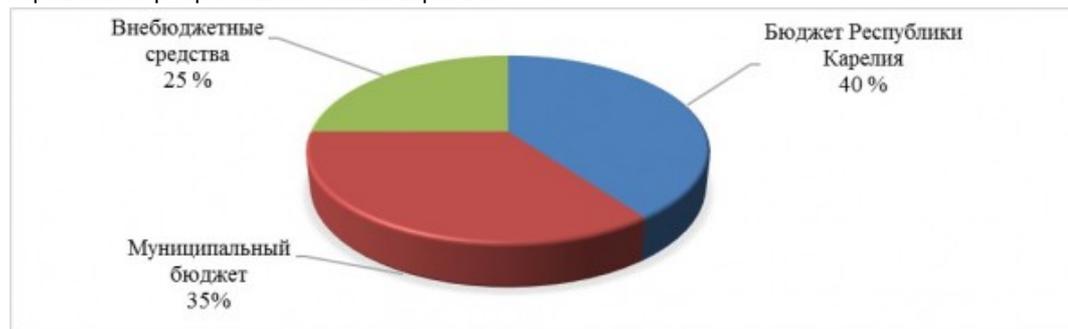

Рис. 8. Структура финансирования Долгосрочной инвестиционной программы Республики Карелия на 2012—2015 гг. (в части жилищного строительства).

Для формирования в республике рынка доступного жилья предполагается создание эффективного жилищного сектора, действующего на рыночных принципах и удовлетворяющего жилищные потребности основной части населения на уровне, соответствующем их платежеспособному спросу, а также механизмов поддержки развития и функционирования этого рынка и повышения доступа на него для определенных групп населения, нуждающихся в такой поддержке. Создание эффективного сегмента невозможно без поддержки со стороны государства, в том числе инвестиционной. Меры должны быть проработаны в действенной жилищной политике.

Таким образом, достижение стратегических целей государственной жилищно-инвестиционной политики должно основываться на разделении задач государственного управления жилищной сферой и профессионального участия государства в рыночной деятельности, в рамках выделяемых приоритетных направлениях, в условиях полноценного финансового обеспечения.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем»: Постановление Правительства РФ» от 15 апреля 2014 г. № 323 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.09.2015).
2. «Федеральная целевая программа "Жилище" на 2011—2015 годы»: Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 01.09.2015).
3. «О некоторых вопросах реализации программы "Жилье для российской семьи" в рамках государственной программы Российской Федерации "Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 05.05.2014 № 404 (ред. от 28.09.2015) " // Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства строительства РФ. [Электронный ресурс]. URL <http://www.minstroyrf.ru/trades/zhilishnaya-politika/5/>. (Дата обращения 23.10.2015).
4. «Долгосрочная инвестиционная программа Республики Карелия на 2012—2015 годы»: Распоряжение Правительства Республики Карелия от 18 октября 2011 г. № 599 р-П // КонсультантПлюс справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения 02.09.2015).
5. «Региональная программа стимулирования развития жилищного строительства в Республике Карелия на 2011—2015 гг.»: Распоряжение Правительства Республики Карелия от 8 июля 2011 г. № 347р-П» /// КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 12.10.2015).
6. Порядок разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, в осуществлении которых участвует Российская Федерация // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справ. прав. система / Компания «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 01.10.2015).
7. Алпацкая И. Е. Совершенствование инвестиционной политики в сфере жилищного строительства в условиях социально ориентированной экономики: автореф. дис. канд. экон. наук. М.: МГАКХиС,

2012. 26 с.

8. Головчанская Е. Э., Водопьянова Н. А. Государственная инвестиционная политика в аспекте социально-экономической направленности. Волгоград: Волгоградский педагогический институт, 2013. 289 с.
9. Шишканева В. Д. Развитие механизмов регулирования региональных рынков жилья (на примере Калининградской области): автореферат дис. канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2012. 22 с.

REFERENCES

1. The resolution of the government of RF of 15.04.2014 N 323 "About the statement of a state program of the Russian Federation "Provide Affordable and Comfortable Housing» [Ob utverzhenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'yom»: Postanovlenie Pravitel'stva RF» ot 15 aprelya 2014 g. № 323]. [Electronic resource]. URL: (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162177/) (accessed 06.09.2015).
2. The resolution of the government of RF of 17.12.2010 N 1050 "Federal target program «Dwelling» for 2011—2015" [«Federal'naya tselevaya programma "Zhilische" na 2011—2015 gody»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17 dekabrya 2010 g. № 1050)]. [Electronic resource]. URL: (<http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12013.html>) (accessed 01.09.2015).
3. The resolution of the government of RK of 18.11.2011 N 599r-P "About the statement of a state program of the Republic of Karelia "Long-Term Investment Program of the Republic of Karelia for 2012—2015 " [«O nekotorykh voprosakh realizatsii programmy "Zhil'yo dlya rossiyskoy sem'i" v ramkakh gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'yom i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossiyskoy Federatsii»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 05.05.2014 N 404] [Electronic resource]. URL: (<http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw9042011-11-03.html>) (accessed 02.09.2015).
4. The resolution of the government of RK of 08.07.2011 N 347r-P "About the statement of a state program of the Republic of Karelia "Stimulation of development of housing construction in the Republic of Karelia in 2011—2015" [«Dolgosrochnaya investitsionnaya programma Respubliki Kareliya na 2012—2015 gody»: Rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Kareliya ot 18 oktyabrya 2011 g. N 599 r-P]. [Electronic resource]. URL: (<http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw9042011-08-19.html>) (accessed 12.10.2015).
5. The resolution of the government of RK of 08.07.2011 N 347r-P "About the statement of a state program of the Republic of Karelia "Stimulation of development of housing construction in the Republic of Karelia in 2011—2015" [«Regional'naya programma stimulirovaniya razvitiya zhilischnogo stroitel'stva v Respublike Kareliya na 2011—2015 gg.»: Rasporyazhenie Pravitel'stva Respubliki Kareliya ot 8 iyulya 2011 g. N 347r-P»]. [Electronic resource]. URL: (<http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw9042011-08-19.html>) (accessed 12.10.2015).
6. Order of development and implementation of federal target programs and interstate target programs in which implementation the Russian Federation participates [Poryadok razrabotki i realizatsii federal'nykh tselevykh programm i mezhgosudarstvennykh tselevykh programm v osuschestvlenii kotorykh uchastvuet Rossiyskaya Federatsiya]. [Electronic resource]. URL: (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=185687>) (accessed 24.10.2015).
7. Alpatsky I. E. Improvement of investment policy in the sphere of housing construction in the conditions of socially oriented economy): avtoref. dis. Cand. of Econ. Sciences [Sovershenstvovanie investitsionnoy politiki v sfere zhilischnogo stroitel'stva v usloviyakh sotsial'no orientirovannoy ekonomiki: avtoreferat dis. kand. ekon. nauk.]. Moscow: Moscow state academy of municipal services, 2012. 26 s.
8. Golovchanskaya E. E., Vodopyanova N. A. The state investment policy in aspect of a social and economic orientation [Gosudarstvennaya investitsionnaya politika v aspekte sotsial'no-ekonomicheskoy napravlenosti]. Volgograd: Volgograd pedagogical institute. 2013. 289 s.
9. Shishkaneva V. D. Development of mechanisms of regulation of regional housing markets (on the example of the Kaliningrad region): avtoref. dis. Cand. of Econ. Sciences [Razvitie mehanizmov regulirovaniya regionalnykh rynkov zhil'ya (na primere Kaliningradskoy oblasti): avtoreferat dis. kand. ekon. nauk.]. SPb.: St. Petersburg State University of service and economy, 2012. 22 s.

Target programs as an instrument of state investment in housing (the Republic of Karelia)

**KADNIKOVA
Tatyana**

*PhD in Economics,
Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
Faculty of Economics,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, goldsun@mail.ru*

Keywords:

State target programs goals and sources of funding of state programs of Republic of Karelia in the sphere of house building

Summary:

Dynamics of investments is a basic parameter of a reproduction process. In Republic of Karelia, as well as in Russia, solution of housing problem is one of the main priorities of public policy. In spite of significant activation of the state in house building, conditions for acquisition of property are prohibitive for the majority of population, therefore, government should, first, play the role of investor in this area. In this regard, state programs become important investment means. The article analyzes types, goals and sources of funding of state programs of Republic of Karelia in house building. According to the analysis, establishment of an effective segment in house building is impossible without state support, including investments. Effective state housing policy should be worked out for that purpose.

Рецензия на кн.: Тарасенко А. В. Некоммерческий сектор в странах ЕС и России в контексте трансформации государства благосостояния (Санкт-Петербург : норма, 2015)

**ЦУМАРОВА
Елена
Юрьевна**

*кандидат политических наук,
старший преподаватель,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, tsumarova@gmail.com*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Взаимоотношение государства с различными общественными объединениями является одним из важных маркеров развития социальной политики, демократического управления и прав человека. То, каким образом государственные структуры включают (или не включают) некоммерческие организации в процесс разработки, реализации или оценки различных политических решений, может свидетельствовать как об эффективности государственного управления, так и о силе (или слабости) гражданского общества.

Представленная монография кандидата политических наук доцента НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) Анны Васильевны Тарасенко посвящена анализу взаимодействий между некоммерческим сектором, демократическим правлением и социальной сферой. При этом автор обращается не только к российскому случаю, но и включает в анализ опыт европейских стран, что позволяет рассматривать некоммерческий сектор в России в сравнительном контексте.

Работы начинаются с важной для политической науки дискуссии о концепте гражданского общества. А. Тарасенко отмечает, что в исследовательском дискурсе гражданское общество рассматривается и как часть общества, представленная в виде ассоциаций, и как особый тип общества, и как отдельная публичная сфера [1; 15]. При этом, последовательно анализируя каждый из обозначенных выше подходов, автор вписывает их в более широкий контекст общественного развития: политического режима, социально-экономического развития общества и особенностей управления социальной сферой. Все это позволило А. Тарасенко прийти к выводу о том, что траектория развития некоммерческого сектора обусловлена спецификой «процесса производства социальных благ и способности государственных и частных институтов удовлетворять общественный спрос» [1; 56]. Другими словами, уровень развития некоммерческих организаций в государстве обуславливается широким спектром макрополитических и экономических показателей.

Особое место в работе А. Тарасенко занимает теория социального происхождения, которая описывает некоммерческий сектор в качестве составной части социальной системы государства. Эта теория позволяет анализировать роль НКО в государственном управлении социальной сферой и общественных процессах в целом в тесной связи со сложившимися моделями государства благосостояния, в основном в Западной Европе и США. Автор акцентирует внимание на процессах либерализации социального государства, которые были характерны изначально для англосаксонских стран, а затем распространились по всему миру. Эти процессы включали в себя изменение роли

государства в системе социального обеспечения, сокращение социальных расходов на социальные программы и изменение роли граждан. Как пишет А. Тарасенко, в результате этих процессов «реализация социально значимых проектов становится задачей не только государства, но в большей степени — организаций третьего сектора» [1; 79].

На основе теории социального происхождения А. В. Тарасенко выделяет несколько моделей некоммерческого сектора: социально-демократическая (Швеция, Норвегия), модель партнерства благосостояния / корпоративистская модель (Германия, Франция), либеральная модель (Великобритания, США), модель запоздалой демократизации (Польша, Россия, государства Латинской Америки) и традиционная модель (Кения, Пакистан). Заинтересованные читатели смогут найти в книге А. В. Тарасенко подробное описание каждой из указанных выше моделей. Однако, наиболее ценным вкладом книги, как представляется, является детальный анализ российской модели.

Как уже говорилось, модель развития некоммерческого сектора в России относится к модели запоздалой демократизации, отличительной чертой которой является то, что «функция представительства интересов преобладает над сервисной составляющей деятельности организаций гражданского общества» [1; 120]. Во многом формирование данной модели было обусловлено особенностями посткоммунистического развития, когда некоммерческие организации стали практически единственными активными субъектами политического процесса, отстаивающими интересы социально уязвимых групп населения после крушения советской системы социального обеспечения. Государство же при этом вело «двойную игру», поддерживая так называемые традиционные НКО и игнорируя движения, возникающие на волне демократизации (речь идет, прежде всего, о правозащитных организациях).

Изменение модели социальной политики в России в середине первого десятилетия XXI века привело и к изменению роли некоммерческих организаций. Активно обсуждаемые как в исследовательских кругах, так и непосредственно в среде общественных организаций инициативы Правительства по созданию реестра социально ориентированных НКО в 2010 г., расширению государственного финансирования социальных проектов НКО посредством механизмов аутсорсинга и различных правительственных программ, и, наконец, принятие закона об НКО, выполняющих функции иностранного агента в 2012 г., еще больше усилили неравномерность развития некоммерческого сектора. Как пишет А. В. Тарасенко, реализация этих законодательных инициатив позволяет выявить элементы корпоративистского типа взаимоотношений между государством и НКО. При этом автор подчеркивает, что для России скорее характерна модель государственного корпоративизма, для которой характерно «чрезмерное вмешательство государства в структурирование каналов взаимодействия с организациями гражданского общества и создание иерархически организованной системы представительства посредством общественных палат» [1; 200].

Книга А. В. Тарасенко поднимает множество актуальных для современной России вопросов, связанных с развитием некоммерческого сектора. Однако было бы неправильно рассматривать эту книгу исключительно как анализ ситуации с гражданским обществом в России. Книга заставляет читателей переосмыслить роль гражданской активности в осуществлении политической власти, заново взглянуть на сложившийся в России политический режим. А обращение к опыту западных стран позволяет еще раз убедиться в том, что исследования политических процессов в России могут и должны проводиться в соответствии с последними достижениями политической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тарасенко А. В. Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб. : НОРМА, 2015. 224 с.

Tsumarova E. Review of the book Tarasenko A. V. Nonprofit sector in the eu countries and russia in the context of the transformation of the welfare state [nekommercheskiy sektor v stranakh es i Rossii v kontekste transformatsii gosudarstva blagosostoyaniya] (St. Petersburg: Norma, 2015) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2015. № 2. P. 65–67.

**Review of the book Tarasenko A. V. Nonprofit sector
in the eu countries and russia in the context of the
transformation of the welfare state
[nekommercheskiy sektor v stranakh es i Rossii v
kontekste transformatsii gosudarstva
blagosostoyaniya] (St. Petersburg: Norma, 2015)**

**TSUMAROVA
Elena**

*Department of World History,
Political Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, tsumarova@gmail.com*

Keywords:
*

Summary:
*

Рецензия на кн.: Till bröders hjälp. med sikte på en svensk solidarisk strategi, hugemark, bo (red.) kungl krigsvetenskapsakademien, stockholm, 2011. 299 s. («На помощь братьям. к шведской стратегии солидарности» под ред. бу хугемарка).

САВЕНКО

Елена

Ильинична

*соискатель 3-го года обучения,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, rebus@onego.ru*

Аннотация:

*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

Швеция: от нейтралитета к солидарности

Соблюдавшая почти 200 лет нейтралитет Швеция, все это время не спешившая брать на себя обязательства по оказанию военной помощи, сегодня активно предлагает свою силовую поддержку соседям, исключая тем самым принцип нейтралитета в традиционном понимании. Эта новая линия внешнеполитического поведения закреплена в официальной доктрине «Декларация солидарности». О причинах и последствиях принятия этого документа, а также о новом измерении политики безопасности Швеции рассказывает коллективная монография «На помощь братьям. К шведской стратегии солидарности». Монография была издана в 2011 г. рядом авторов членов Шведской Королевской академии военных наук под редакцией Бу Хугемарка, полковника, преподавателя Военной академии (ныне — Национальный университет обороны), редактора журнала Королевской академии (1993—2007 гг.), участника ряда исследований по проблемам безопасности и обороны.

Представим кратко авторский коллектив. Среди авторов — доктор социальных наук, старший научный сотрудник Национального университета обороны в Хельсинки Томми Койвула. Исследования Койвула фокусируются на вопросах европейской безопасности и оборонной политики, теоретических и методологических аспектах международных отношений. Михаэль Клемесен, кандидат философских наук, генерал, бывший военный атташе в Риге, Латвии, Литве, был основателем и первым директором (1998—2004 гг.) Балтийского колледжа обороны. М. Клемесен более 40 лет читает лекции по военной истории, стратегическим теориям и развитию военной доктрины, является автором многочисленных статей и книг. Олоф Сантессон, бывший редактор (1973—1998 гг.) крупнейшей шведской утренней ежедневной газеты «Dagens Nyheter», один из руководителей исследовательского проекта по вопросам обороны и Холодной войны. Кристер Экберг, карьера которого в полиции началась в 1969 г., в 1979—1990 гг. руководил Бюро SAPO (Служба государственной безопасности Швеции), в 1990—1998 гг. — глава Международного секретариата Агентства национальной полиции, в 1998—2004 гг. — директор по уголовным делам, в 2004—2008 гг. — заместитель начальника Национальной полиции. К. Экберг является экспертом в области государственных исследований по проблемам международного участия. Магнус Хаглунд служил в военно-морском флоте с 1964 г., имеет обширный международный опыт, в том числе в качестве военно-морского атташе в Москве. После выхода на пенсию он изучал военную историю и опубликовал несколько статей, посвященных Швеции во время Холодной войны. В 2009 г. стал председателем Шведской королевской академии военных наук. Йохан Тунбергер

Савенко Е. И. Рецензия на кн.: Till bröders hjälp. med sikte på en svensk solidarisk strategi, hugemark, bo (red.) kungl krigsvetenskapsakademien, stockholm, 2011. 299 s. («На помощь братьям. к шведской стратегии солидарности» под ред. бу хугемарка). // Studia Humanitatis Borealis. 2015. № 2. С. 68-72.

занимается изучением проблем безопасности. До выхода на пенсию он работал в Шведском институте оборонных исследований FOI, был генеральным директором Радиокоммуникационной компании FRA и обозревателем по вопросам безопасности одной из крупнейших шведских газет «Svenska Dagbladet».

В 15 главах книги, снабженной большим количеством фотографий, карт и схем, эксперты Академии военных наук рассматривают различные варианты поведения Швеции в случае гипотетического нападения на нее. Авторы начинают свои рассуждения с констатации всем известного факта: Швеция со времен Холодной войны сохраняла свободу от участия в альянсах, хотя и тяготела к западному блоку, о чем свидетельствует ее участие в совместных учениях и операциях. После Холодной войны понятие нейтралитета, как неприсоединения в мирное время с целью сохранения нейтралитета в войне, в корне изменилось. Теперь стратегические принципы Швеции сводятся к тому, что союзы в мирное время направлены на сохранение нейтралитета в войне. Это новое измерение политики безопасности прослеживается в «Декларации солидарности», проект которой был представлен в 2008 г. на основе Лиссабонского договора.

Довольно-таки расплывчатое понятие «солидарность», напоминающее один из мушкетерских пунктов «один за всех и все за одного», все чаще начинает звучать в международных дебатах. Для Швеции с ее долговременной политикой нейтралитета и отсутствием амбиций в далеких странах, концепция солидарности открывает новые горизонты, расширяет возможности, увеличивает степень ответственности. Но несмотря на поддержание принципов солидарности, приоритетом для оборонной политики Швеции по-прежнему остается защита и сохранение собственной территории. Авторы книги обращают внимание на то, что идея солидарности и политический реализм не обязательно должны совпадать.

Парламентское решение о принятии «Декларации солидарности» вызвало противоречивую реакцию: одни восприняли документ как естественное следствие развития политики безопасности; другие — как результат лукавого процесса, направленного на изменение традиционной политики нейтралитета. Но в целом, никакой заметной общественной реакции на принятие этого документа не последовало. По мнению авторов, это удивительно, так как в обществе продолжают сохраняться заблуждения о шведском нейтралитете, хотя «Декларация солидарности» недвусмысленно свидетельствует о том, что Швеция не видит способа оставаться вне возможного конфликта в регионе. Таким образом, по мнению авторов, существует по крайней мере две причины для открытой дискуссии относительно «Декларации солидарности»: с одной стороны, вопросы, связанные с недоверием к ней, поскольку ее идеи не укоренились в общественном сознании, с другой, документ все же является неотъемлемой частью оборонительной стратегии. Обсуждению этой коллизии и посвящена книга.

Авторы исходят из невозможности военного конфликта в северном субрегионе, который затронет только одну страну. Поэтому, согласно Доктрине о солидарности, Швеция не останется пассивной в случае, если эвентуальный военный конфликт коснется другого государства, ожидая, что и другие государства не останутся в стороне при возникновении угрозы нападения на Швецию. Таким образом, Швеция в случае необходимости должна не только получить помощь, но и предоставить военную поддержку. Это лейтмотив «Декларации солидарности». Иными словами, Швеция ожидает солидарности и поддержки от государств-членов Европейского Союза в случае угрозы. В свою очередь правительство соблюдает солидарную позицию относительно коллективной безопасности государств-членов ЕС, включая сюда также Исландию и Норвегию. Конфликты, происходящие у «соседей» перестали восприниматься Швецией как внутренние и затрагивающие только одну сторону. Согласно документу, теперь шведы обязаны вмешиваться в конфликт. Тем самым в «Декларации солидарности» руководство страны впервые сделало открытое заявление, противоречащее традиционному нейтральному курсу. Главный практический вопрос, впрочем, заключается в том, что шведы не могут действовать самостоятельно, и для того, чтобы внести свой вклад в общее дело по обеспечению мира и безопасности, Швеция предложила при необходимости использовать свою территорию, военно-морские и военно-воздушные базы силам ЕС и НАТО. В этой связи специалисты оценивают риски и рассматривают план действий Швеции в случае агрессии, направленной на страны Балтии извне, хотя и отмечают, что подобная угроза вряд ли существует сегодня, но не исключена и имеет прямое отношение к безопасности региона. Авторы книги предполагают 3 сценария развития событий:

1. Кризис мирного времени. В качестве примера упоминается конфликтная ситуация, связанная с переносом памятника советскому солдату в 2008 г. в Таллинне.

2. Масштабный кризис, подразумевающий реальную угрозу территориальной целостности страны и требующий военной поддержки.

3. Сценарий аналогичный военному конфликту в Грузии в 2008 г., который может потребовать вмешательства со стороны ЕС и НАТО для предотвращения «свершившегося факта» в отношении государств Балтии.

Анализ положений «Декларации солидарности» ясно свидетельствует о том, что Швеция не спешит в одиночку «ввязываться» в конфликт, предлагая в зависимости от ситуации свои варианты помощи по обеспечению и усилению безопасности. Например, имеется возможность передислоцировать шведские военные силы в балтийские страны или в целях охраны морского и воздушного пространства в балтийском регионе предоставить свои военно-воздушные и морские базы в распоряжение НАТО. Оказание подобных «военных услуг» и упреждение эскалации конфликта становится возможным, в том числе и благодаря «удобному» географическому положению Швеции.

Авторы коллективной монографии считают, что Швеция больше не может придерживаться исторически декларированной политики нейтралитета. А это означает, что оборонная стратегия предусматривает участие в коллективных военных действиях. Согласно новым правилам Швеция обязана предоставить ЕС и НАТО территорию своего государства в знак солидарности действиям в тех операциях, которые они сочтут нужными. Впрочем, эксперты Королевской академии военных наук обращают внимание на существенные проблемы. По их мнению, довольно странно, что дискурс о солидарности с балтийскими странами происходит на фоне сокращений в вооруженных силах Швеции. По мнению редактора книги, убедившись в начале 2000-х гг. в наступлении конца истории военного противостояния, Швеция по сравнению с временами Холодной войны в значительной степени сократила вооруженные силы и военные расходы. Такой шаг основывался на возможности возникновения угроз только в далеком будущем, что позволило взять военно-стратегический тайм-аут и сконцентрировать силы на формировании и развитии высокотехнологичной обороны. Поэтому в 2009 г. была отменена воинская повинность, вооруженные силы мирного времени были сокращены до 6000 военнослужащих и такого же количества резервистов. «Спрятавшись за прибалтийско-финским щитом, мы не видели повода для забот и занимались исключительно собственной безопасностью. А не безопасностью в регионе в целом», — считает Бу Хугемарк. Таким образом, дела обстоят так, что Швеция сегодня в силах решать тактические оборонные задачи, но не в состоянии участвовать в военных действиях против сильного противника. В шведской армии ощущается нехватка командного состава, в ней недостаточно бригад сухопутной армии, во флоте слабый корабельный состав. По мнению авторов книги, справедливые опасения вызывает также нехватка вооружений и средств ПВО, т.к. у НАТО могут возникнуть правомерные вопросы и требования к качественной наземной и противовоздушной обороне объектов в случае предоставления ему баз Швецией.

Остается открытым вопрос и о дополнительном оснащении шведских сухопутных войск в случае проведения совместной военной операции. В настоящее время шведские военно-морские силы не в состоянии обеспечить безопасность морских коммуникаций не только с Балтийскими государствами, но и даже с о. Готланд, которому во всех вышеперечисленных сценариях развития кризиса отводится роль оборонного форпоста. Военные специалисты опасаются, что в случае начала войны за безопасность стратегически важного острова в центре Балтийского моря будут отвечать лишь сами шведы. Как отметил председатель Шведской национальной партии Ян Берклунд, если бы у Швеции отобрали Готланд, то она уже никогда не смогла бы его вернуть. Чтобы избежать этого риска, политик предложил разместить на острове на постоянной основе гарнизон в составе батальона численностью в 500 человек, пока этого не сделала Россия. Идея была отвергнута в силу чрезмерной затратности ее реализации. Рассматривая вариант возможного участия Швеции в операциях в странах Балтии, эксперты акцентируют внимание на проблеме дисбаланса: с одной стороны, ресурсов, выделяемых на поддержание обороноспособности Швеции, с другой, средств, которые потребуются для участия в действиях НАТО/ЕС. Таким образом, военная готовность Швеции остается под вопросом. В случае дислоцирования на шведской территории сил НАТО/ЕС и, как следствие повышения требований к сотрудничеству, военному руководству страны будет не под силу обеспечить координацию и

командование совместными операциями.

Анализируя «Декларацию солидарности», авторы попытались выявить существующие проблемы в области коллективной безопасности Швеции и предложили варианты их решения. Согласно их концепции основополагающими составляющими коллективной безопасности Швеции являются общественно-политическая поддержка, боеготовность и вооруженные силы. Солидарная коллективная безопасность предполагает высокий уровень подготовки и взаимодействия между различными родами войск государств балтийского региона. «Декларация солидарности» предусматривает два сценария: получение военной поддержки Швецией извне и оказание помощи другим. По мнению авторов, Швеция должна не только продемонстрировать, но и подтвердить твердость своих намерений, чтобы не выглядеть в глазах мирового сообщества «безбилетником на корабле безопасности». Важную роль здесь играет вопрос воздействия на общественное мнение со стороны политического руководства страны с целью повышения степени общественного доверия к документу, так как шведы часто не знают или не понимают цели и смысла участия в совместных внешних операциях. Соответствующая информационная кампания, возможно, создала бы позитивное отношение к этим операциям среди населения страны. По мнению редактора книги, нужно прорабатывать коллективные маневры, например, готовиться к возможному возникновению кризисной ситуации, проводя совместные учения. Генерал Михаэль Клемесен отмечает, что Россия безо всяких усилий смогла бы захватить Балтию в течение недели, замечая, впрочем, что вариант молниеносной войны в ближайшей перспективе маловероятен. Тем не менее, Клемесен рекомендует силам шведской авиации уже сейчас использовать аэродромы Южной Финляндии, а также патрулировать в воздушном пространстве Балтии, проводить совместно с США военные учения в воздушном пространстве Швеции, а ВМС Швеции патрулировать в Финском заливе. Все эти маневры, по мнению Клемесена, могли бы послужить для России предупредительным сигналом о готовности дать отпор в случае необходимости.

Итак, Швеция, отойдя от более чем 200-летней традиции нейтралитета, внесла изменения в свою доктрину неприсоединения к военным альянсам. В основе новой стратегии находится солидарный принцип обеспечения безопасности, предусматривающий коллективные военные действия. Главные выводы рецензируемой книги фокусируются на необходимости взаимозависимости обороны всех европейских стран и неспособности в одиночку противостоять «врагу», необходимости получать и предоставлять военную помощь другим странам. Однако на практике шведская солидарность скорее носит политический характер и в малой степени распространяется на оборонный компонент, так как кардинальные изменения, указанные в декларации, мало известны большинству граждан страны. Решения, принятые в риксдаге относительно вопросов безопасности, почти не обсуждались в обществе. Концептуальные изменения в прагматичной политике безопасности страны не могли бы не вызвать широкие общественные дискуссии, это было бы несвойственно менталитету народа Швеции и политической культуре страны. Несмотря на трансформацию понятия нейтралитета в условиях отсутствия угрозы нападения на страны Балтии, в реальности Швеция придерживается прежних военно-стратегических принципов. Хотя страна и стремится строить собственную безопасность на сотрудничестве, но в то же время внешнеполитический курс Швеции остается на сегодняшний день ориентированным на неприсоединение к военным альянсам

Список литературы:

1. Till bröders hjälp. Med sikte på en svensk solidarisk strategi, Hugemark, Bo (red.) Kungl Krigsvetenskapsakademien, Stockholm 2011, 299 s.
2. Hugemark, Bo. Till bröders hjälp -vi vill, men kan vi och törs vi? <http://blogg.forsvarsmakten.se/armebloggen/2011/12/12/gastkronika-om-en-svensk-solidarisk-strategi-till-broders-hjalp-vi-vill-men-kan-vi-och>

**Review of the book till bröders hjälp. med sikte på
en svensk solidarisk strategi, hugemark, bo (red.)
kungl krigsvetenskapsakademien, stockholm 2011,
299 s.**

**SAVENKO
Elena**

*3rd year post-graduate student,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, rebus@onego.ru*

Summary:

*

О конференции «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения» в русском географическом обществе Санкт-Петербурга

**ВАРАКСА
Александр
Николаевич**

*кандидат политических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, fidelio@sampo.ru*

© 2015 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 11 января 2016 года

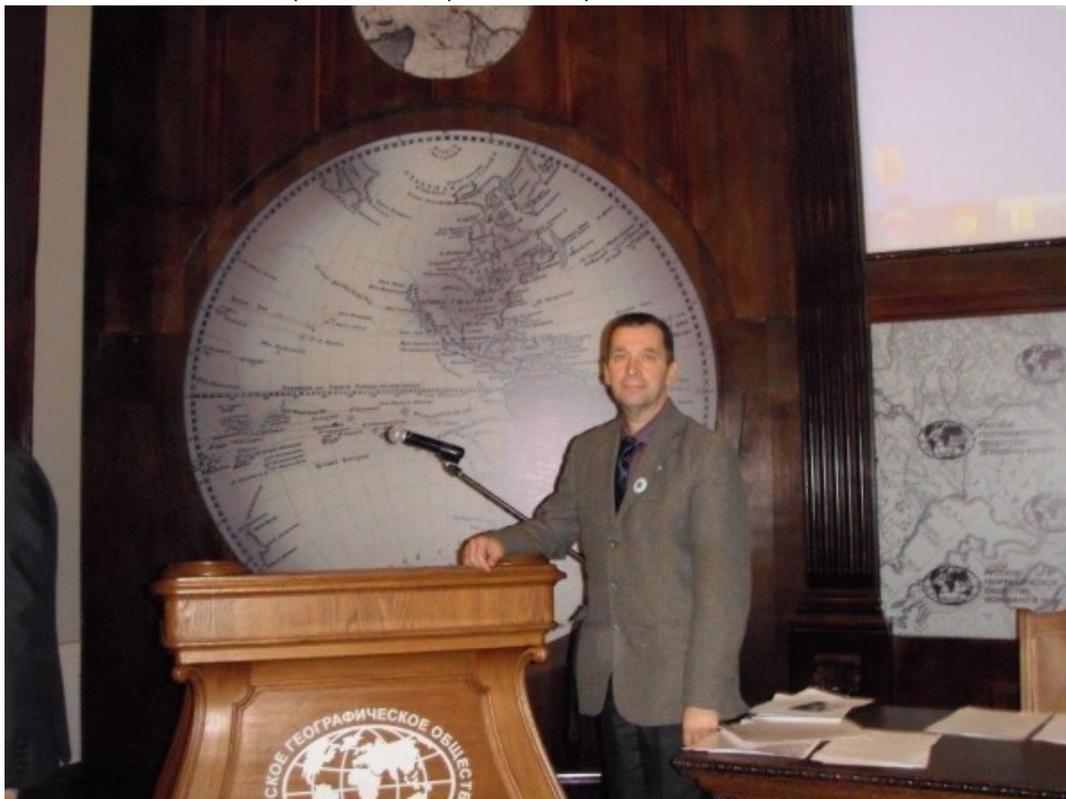
С 29 по 30 сентября 2015 г. в Санкт-Петербурге в отделении городского отделения Русского географического общества прошла IX Международная конференция по географии и картографированию океана на тему: «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения». Целью проведения конференции стали активизация исследований, связанных с решением проблем освоения и использования ресурсов Арктики, укрепление геополитического и геоэкономического потенциалов России в этом регионе. Конференция была приурочена к 35-летию работы Комиссии географии океана Санкт-Петербургского городского отделения РГО. Организатором конференции выступила Комиссия географии океана при содействии Санкт-Петербургского института природопользования, промышленной безопасности и охраны окружающей среды.

Девятая юбилейная конференция Комиссии географии океана Санкт-Петербургского городского отделения Русского географического общества собрала участников и гостей из Санкт-Петербурга, Москвы, Карелии, Сибири, Дальнего Востока и зарубежных стран. Основная задача данной конференции — активизация и координация географических исследований в Арктике, рассмотрение современных проблем морской геополитики России в целях повышения ее эффективности и отстаивания российских геополитических и геоэкономических интересов при освоении ресурсов Мирового океана, Северного Ледовитого океана и Арктической зоны Российской Федерации.

Важность данной конференции определяется ролью Арктики и всего Арктического региона для Российской Федерации. Как сказал президент РФ В. В. Путин в своем Приветствии к участникам международной встречи представителей государств-членов Арктического совета, стран-наблюдателей и зарубежной научной общественности в Архангельске 15 сентября 2015 г.: «Россия, почти треть территории которой составляют районы Крайнего Севера, несет особую ответственность за Арктику. Среди наших приоритетов в Арктической зоне — обеспечение баланса между активной хозяйственной деятельностью и сохранением уникальной окружающей среды, бережное отношение к культуре и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов».

Особое внимание участники конференции уделили геополитическим и геоэкологическим проблемам освоения природных ресурсов Арктики, немало докладов было посвящено истории изучения и исследования Арктики российскими учеными и исследователями, экономике и обеспечению безопасности морских геосистем, формированию и развитию арктических природно-техногенных систем. Общим лейтмотивом всех прозвучавших докладов и выступлений стало признание особой роли Арктики для России и огромного вклада русских и советских ученых, полярников, военных моряков в

укреплении позиций нашей страны в этом регионе мира.

На пленарном заседании доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений ИИПСН ПетрГУ А. Н. Варакса представил доклад на тему «Арктический регион в зеркале геополитики», в котором был дан анализ современной геополитической обстановки в Арктике, обозначены национальные интересы отдельных государств в Арктическом регионе, включая Россию и США. Докладчик отметил, что сегодня Арктика становится полем политической борьбы не только приарктических государств, но и стран, находящихся за тысячи километров от нее. Причиной повышенного интереса к Арктике стали огромные минеральные ресурсы, лежащие на дне арктических морей. По мнению автора доклада, мы являемся свидетелями начала в Арктике «Большой игры», по аналогии с той, что велась Россией и Британией в XIX веке в Центральной Азии. Можно с большой долей вероятности предположить, что политические ставки в новой арктической игре будут только расти, где малейший проигрыш одной стороны будет рассматриваться как выигрыш другой. Как считает автора доклада, у России есть хорошие шансы на успех, она может избежать втягивания в конфронтацию с Западом и поддерживаемыми им странами. На стороне России огромные ресурсы, сосредоточенные в АЗРФ, политическая воля нынешнего руководства страны в отстаивании национально-государственных интересов, а также стремление западных нефтегазовых гигантов скорее начать освоение арктических углеводородов. Кроме освоения богатств Арктики, для России не менее важным направлением деятельности в Арктике является развитие социальной и транспортной инфраструктуры в регионе, без чего невозможно эффективное хозяйственное освоение всего региона. Этой проблеме были посвящены многие доклады и выступления участников конференции и специально организованного круглого стола «Проблемы хозяйственного освоения АЗРФ в связи с предполагаемыми изменениями климата и антропогенными воздействиями».

Помимо развития и расширения возможностей Транссиба и Севморпути, принципиально важным является сопряжение их возможностей с другими транспортными коммуникациями, в частности с трансконтинентальным транспортным коридором, который должен пройти из Китая, через Казахстан и Россию в Европу. Создание новых и модернизация уже имеющихся трансграничных транспортных путей позволит России утвердить за собой статус важнейшего геополитического игрока в транспортных и грузовых потоках между Европой и Азией. Будущее развитие Арктического региона, по мнению автора доклада, будет сочетать в себе два вектора геополитического развития, первый вектор — борьба и конкуренция между странами региона и нерегиональными игроками за улучшение своих позиций в

начавшейся борьбе за Арктику, другим вектором развития должно стать международное взаимодействие и сотрудничество в Арктике. Есть основания полагать, считает докладчик, что борьба за Арктику будет достаточно продолжительной, она собственно уже началась. Ее интенсивность будет зависеть от того, как быстро будет таять арктический лед. В настоящее время основные игроки проводят дипломатический зондаж с целью выявить дальнейшие намерения и планы конкурента. Военная конфронтация в Арктике в ближайшей перспективе маловероятна, здесь слишком много других, более насущных проблем, однако это не будет мешать наращиванию в Арктике военного присутствия со стороны отдельных государств, включая США и РФ. Страны НАТО и Россия в последние годы проводят в Арктике регулярные военные учения, за легендами которых не так трудно разглядеть потенциального противника. В ближайшей перспективе эта тенденция, по всей видимости сохранится или даже усилится в зависимости от общей международной обстановки.

Доклады, прочитанные на конференции, вызвали широкий отклик и дискуссию, которая выявила разные мнения и оценки, происходящего в Арктике и за ее пределами. Можно констатировать, что тема Арктики сегодня и в обозримом будущем останется одной из наиболее востребованных. Отрадно отметить, что в работе конференции наряду с маститыми учеными — докторами наук и членкорами АН РФ — приняли участие и молодые ученые, которые только делают свои первые шаги в изучении проблем Арктики.

Заслушав и обсудив сделанные доклады, сообщения и выступления, участники конференции пришли к выводу, что «в контексте вызовов и угроз XXI века, обусловленных резким ухудшением мировой геополитической ситуации и возрастающим значением Арктического региона в экономике стран мирового сообщества, России необходима собственная **Национальная концепция арктической геополитики**. Цель этой Концепции — формирование четкой позиции по отстаиванию национальных государственных и общественных интересов и приоритетов в мировом геополитическом пространстве, восстановление Россией статуса сильной морской и арктической державы».

Участники IX Международной конференции по географии и картографированию океана «Арктика: геополитические и политико-экономические проблемы освоения» в итоговом документе, принятом по окончании работы конференции, «высоко оценив научный вклад в развитие морской науки членов Комиссии географии океана, сочли необходимым признать работу Комиссии успешной и рекомендовать продолжить ее деятельность по исследованию геополитических и геоэкологических проблем освоения ресурсов Мирового океана и, в первую очередь, Северного Ледовитого океана». Участниками конференции было рекомендовано провести X Международную конференцию по географии океана в феврале 2017 года с повесткой «Морские, прибрежные и арктические особо охраняемые природные территории — кладовые науки и залог устойчивого развития российских регионов».

*

VARAKSA
Aleksandr

*PhD in Political Sciences,
Associate Professor Department of Political Science and
International Relations,
Petrozavodsk State University, Faculty of Political and
Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, fidelio@sampo.ru*

Keywords:

*

Summary:

*